

Р 22
453

К. БАЛЬМОНТЪ

Ф 1-67.
9682

801-19
478

МОРСКОЕ

СВѢЧЕНІЕ

3250

3529

Ф. 32-8600

ИЗДАНИЕ
Т-В А М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА
Гост. Дворъ, 18 и Невск., 18. | Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22.

П р .

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Г-НА М. О. ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · БАСОВСТР. 46 АННІА СОБ. ДАИТ

ЧУВСТВО РАСЫ
ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ

ЧУВСТВО РАСЫ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ.

Набросокъ.

КОГДА я слышу зачарованные звуки Грига «Пееръ Гинтъ», болѣе прославившіеся, чѣмъ драма Ибсена, послужившая для нихъ исходной точкой, я слышу что то болѣе, чѣмъ только музыку, въ душѣ моей—радость зрѣнія. То же самое я испытываю, когда я слышу звукъ кастаньетъ, по существу то же самое, не по формѣ ощущеній. И то же самое я съ напряженностью испытываю, когда слышу безконечную монотонную пѣсню мужика на какой-нибудь Владимірской пустынной равнинѣ, обрамленной болотами и лѣсомъ. Мнѣ приходилось, конечно, слышать много разъ и другую музыку, въ теченіе долгихъ лѣтъ быть признательнымъ рабомъ Вагнера, часто возмущаться на него—еще до ознакомленія съ творчествомъ Ницше, пытаться полюбить Бетховена, котораго я не люблю, влюбляться въ Шумана, Шопена и Баха, съ вѣрностью неукоснительной любить шарманку, вслушиваться въ волны колокольнаго звона, прислушиваться къ измѣненіямъ желаннаго голоса, вслушиваться въ говоръ лѣсовъ.

Проходя по сіяющему осеннимъ золотомъ лѣсу, дыша освобожденіемъ отъ Города, и радостно взволнованный многосложной симфоніей красокъ и шелестовъ, я началъ

говорить о музыкѣ, и мнѣ пришли въ голову вотъ эти слова и эти упоминанія. Почему именно эти?

Мнѣ кажется, я знаю почему.

Когда я слушаю музыку Грига, я не только радуюсь ея свѣжей пѣвучести, но я совершенно явственно чувствую зеленые склоны Скандинавскихъ горъ, только что омытые утренней свѣжестью, вижу норвежскую дѣвушку съ ея морскими глазами и красными губами, чувствую немногословность норвежской души, когда подходитъ смерть, и вспоминаю, что норвежскіе гномы-тролли—мои давнишніе знакомцы, сродни моимъ кощеямъ. И я дышу своимъ собственнымъ личнымъ чувствомъ, а въ то же время я въ иной странѣ, которая ничего обо мнѣ не знаетъ и не знаетъ, что вотъ я ею владѣю.

Когда я слышу, вспыхнувшій какъ искра, звукъ кастаньетъ, я ликую, потому что мнѣ снова ясно, что въ разсудительной, разсудочной Европѣ есть хоть одна воистину страстная страна, гдѣ умѣютъ любить, и цѣловать, и убивать, и смѣяться, и плясать, и отчаиваться, и быть звѣремъ, и быть ангеломъ, и быть мужчиной, и быть ребенкомъ.

Когда я слышу долгую пѣсню Владимірскаго мужика, долгую какъ жизнь и заунывную какъ вѣтеръ въ осеннюю ночь, я слышу, что мы, Славяне, морскіе, что судьбы наши непонятны и страшны какъ Море, что во все мы вносимъ безмѣрность, всегда накануне слезъ, какъ волна не можетъ не пѣниться, что изъ земли мы вышли, земные мы, о, какіе земные, въ землю уйдемъ, къ землѣ мы прикованы, а Море намъ снится всегда.

Я переносусь, черезъ звуки и со звуками, въ отдѣльную страну, къ отдѣльному народу, къ отдѣльной расѣ. И Вагнера я люблю, когда я слышу могучаго волшебника

древней Скандинавіи, древнихъ Германскихъ лѣсовъ, когда я слышу въ несравненной по богатству музыкѣ пляску огней и волнъ, и вѣтровъ, и слышу съ мучительно-радостной ясностью, что эти вѣтры, волны и огни—мои. Наши, Сѣверные. Созданья великаго Сѣвера, который умѣетъ строить хрустальные замки изъ льда. И умѣетъ всѣ звуки, во всей ихъ отдѣльной различности, слить въ одну исполинскую волю полнолѣвной волны.

И Шопень, это—змѣиная, лунная, нѣжная Польша, вкрадчивая Польша, узывчивѣй которой можетъ ли что быть. Музыкальная греза Шопена, это—панна, которую, увидѣвъ, нельзя не любить, ее любишь—еще и не видя, для нея измѣню—кому хочешь.

А Бахъ? А Шуманъ? Бахъ мнѣ дорогъ, потому что его музыка такъ ручьиста, что я могу погасить ею жажду, и мнѣ кажется, что онъ не даромъ зовется Бахъ. Шуманъ былъ дорогъ мнѣ издавна, ибо онъ—лунное безуміе.

Я слышу вопросъ: «Гдѣ же тутъ страна, и при чемъ тутъ раса?» Какъ, вы не знаете, что есть лунныя страны и раса безумныхъ? И звонкій край ручьистыхъ душъ, которые всегда поютъ и ведутъ ручеекъ своей пѣсни—до Океана? Узнайте. Есть раса одинокихъ душъ, которые въ богатой странѣ своей всегда одиноки, хоть всегда окружены, всегда вольны, хоть мысли и чувства тысячъ и миллионъ связываютъ ихъ незримыми цѣпями, не только золотыми и серебряными, но и желѣзными. Раса душъ, которые логичны въ своихъ нелогичностяхъ, умны въ безуміи, красивы въ мгновеніяхъ уродства, слѣпы и зорки, полярны.

Въ творчествѣ мы—именно между двухъ этихъ полюсовъ: чувство отдѣльной страны, края,—чувство отдѣльной личной безкрайности. Каждый полюсъ хорошъ въ сво-

ихъ достиженіяхъ, но наивысшія по своей красотѣ достиженія получаютъ отъ перекрестнаго сліянія двухъ свѣтовъ, исходящихъ отъ двухъ раздѣльныхъ полюсовъ.

Эти два свѣта во всѣхъ достиженіяхъ искусства всегда втекаютъ одинъ въ другой, но лишь при особомъ перекрестномъ сліяніи ихъ—или при полномъ, предѣльномъ ихъ разъединеніи—получаются совершенныя созданія красоты.

Взглянемъ на нѣсколько словесныхъ образцовъ. Я беру *Аккадійскую надпись*, и мнѣ тотчасъ кажется, что я овѣянъ Восточнымъ самумомъ, что я среди колдующихъ Халдеевъ, въ томъ мірѣ рѣзкихъ религіозныхъ противопоставленій, въ которомъ возникъ Вавилонъ со своими циклопическими построеніями,—въ мірѣ, гдѣ Солнце жжетъ, гдѣ вѣтры иссушаютъ, гдѣ страсти сжигаютъ. Вотъ этотъ вопль Человѣка среди хохота Демоновъ.

АККАДІЙСКАЯ НАДПИСЬ.

Семеро, они рождаются тамъ, въ горахъ Запада;

Семеро, они вырастаютъ въ горахъ Востока;
Они сидятъ на престолахъ въ глубинахъ Земли;
Они заставляють свой голосъ гремѣть на высотахъ Земли;

Они раскинулись станомъ въ безмѣрномъ пространствѣ Небесъ и Земли;

Добраго имени нѣтъ у нихъ—въ Небѣ, ни на Землѣ.

Семь, они поднимаются между Западныхъ горъ;
Семь, они ложатся въ горахъ Востока для сна.
Семеро ихъ! Семеро ихъ!

Семеро ихъ въ глубочайшихъ тьмахъ Океана,
въ сокрытыхъ вертепахъ;

Они не мужчины, не женщины;

Они простираются, тянутся, тянутся, подобно
цѣпямъ;

Женъ у нихъ нѣтъ, и они не рождаютъ дѣтей;
Благоговѣнья не знаютъ они, благотворенья не
знаютъ;

Молитвъ не слышать они, нѣтъ слуха у нихъ
къ мольбамъ.

Гады, возникшіе между горъ,
Враги великаго Эа,
Они—орудія гнѣва боговъ.
На большихъ проѣзжихъ дорогахъ,
Препоной вставая, ложатся они на пути.
Враги! Враги!

Семеро ихъ! Семеро ихъ! Семеро ихъ!

Духъ Небесъ, ты заклани ихъ!

Духъ Земли, ты заклани ихъ!

Они—день скорби, они—вредоносные вѣтры;

Они—злополучный день, они—истребительный
вихрь,

который идетъ передъ нимъ;

Они—порожденія мщенья, чада, исчадія мести;

Они—глашатаи страшной Чумы;

Они—пылающій смерчъ, который свирѣпо безчинствуетъ;

Они—семь боговъ безызмѣрной Земли;

Они—семь боговъ огненныхъ областей;

Семь боговъ, семь ихъ число;

Они—семь гениевъ Ужаса;

Они—семь злыхъ привидѣній Пламени;

Семь въ Небѣ, семь на Землѣ...

Заклани ихъ...

Заклятіе приводитъ и рядъ ихъ подлинныхъ именъ, но мы и такъ чувствуемъ, что мы въ бѣшенномъ вихрѣ черноглазаго колдовства, и что въ этихъ черныхъ глазахъ особенный черный цвѣтъ. Не подумаешь, что изступленная пьяность ужасающимъ СЕМЬ осуществляется среди

Итальянскихъ пиній или среди Друидическихъ дубовъ. Лишь съ Восточной, Вавилонской, Ассирійской, Гудейской бѣшеностью можно такъ повторять: «Семеро ихъ! Семеро ихъ!» или съ такимъ, до земли пригнетеннымъ, отчаяніемъ, съ такимъ ужасомъ прокаженного Іова повторять напрасную мольбу: «Закляни ихъ!» Въ этомъ заклятіи, которое представляется мнѣ самымъ сильнымъ во всей сокровищницѣ заклинаній, произошло, въ таинствѣ, перекрестное сліяніе двухъ полярныхъ свѣтовъ, и потому каждая строка, какъ изреченія оракуловъ, говоритъ съ проникновенной и потрясающей двойственностью, два разные смысла имѣетъ и одно цѣльное впечатлѣніе даетъ.

Перенесемъ въ родной намъ міръ, въ наши лѣса, къ нашимъ болотамъ, гдѣ дышатъ опьяняющіе цвѣты, надъ грязью бѣлоснѣжные, и иные. Въ міръ трясавиць, которыя умѣютъ качать и не колыбельно укачивать. Возьмемъ Русскій народный заговоръ отъ него. Кто онъ? Отвѣчать не нужно. Мы здѣсь среди такихъ вещей, что ограждены отъ напраснаго разговора. Кто спрашиваетъ, тотъ не услышитъ отвѣта; кто понимаетъ, тотъ не спроситъ.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ НЕГО.

Младъ-младенець, не тумань,
Мы не въ лѣсѣ, прочь, отстань,
Не красуйся предо мной,
Не пьяни, какъ гуль лѣсной.
Не буди въ душѣ грѣхи,
Уходи скорѣй на мхи,
Уходи на зыбъ болотъ,
Младъ-младенець, Старшій ждетъ.

Въ Халдейскомъ заклинаніи, въ той части, которую я привелъ, нѣтъ ни одного чисто-техническаго упоминанія,

кромѣ имени Эа, бога водныхъ глубинъ и сокровенной мудрости, и однако же никто не усомнится, что это—раса въ творчествѣ, и не ошибется въ томъ, какая это раса. Въ одной строкѣ «Они заставляютъ свой голосъ гремѣть на высотахъ земли», я слышу гуль голосовъ всѣхъ Ассирійскихъ царей и Халдейскихъ маговъ. Въ Русскомъ заговорѣ, гениально-маломъ и красивомъ, какъ глазокъ болотнаго цвѣтка, вовсе ужъ нѣтъ ни одной чисто-технической черты,—развѣ что слово младъ-младенець или слово Старшій,—но и тутъ достигнута въ полной мѣрѣ чара видѣнія, осуществилась колдовская власть вызвать словомъ цѣльную картину съ двойственнымъ смысломъ, съ неисчерпаемостью значенія и съ точнымъ перенесеніемъ зрячей мечты въ такой-то край, къ такимъ-то людямъ, къ такимъ-то существамъ. Вотъ, я вижу сейчасъ, какое платье на дѣвушкѣ, и какъ она смотритъ, и какія деревья кругомъ, и какого цвѣта брусника.

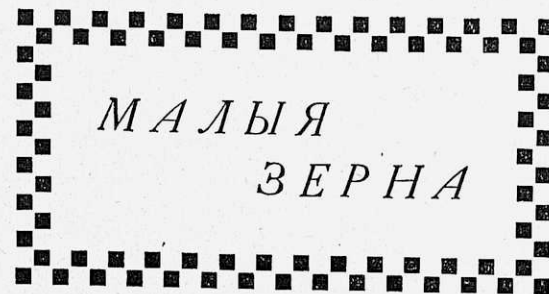
Ибо и тутъ, и тамъ совершилось таинство, не поглощеніе одного свѣта другимъ и не торжество одного лишь свѣта, а перекрестная встрѣча двухъ.

Я сказалъ, однако, что каждый полюсъ хорошъ въ своихъ достиженіяхъ. Если пользоваться моей терминологіей, можно ясно видѣть, что около того полюса, который я называю чувствомъ отдѣльной страны, сияютъ такіе драгоценные камни, какъ Испанская поэзія, включая въ нее и театръ, и романъ, ибо Испанцы—поэты во всемъ, даже въ политикѣ, даже въ грабежѣ, даже въ мошенничествахъ. Лучшій историкъ Испанскаго театра, графъ Фонъ-Шагъ, сказалъ, что Испанскія драмы—какъ Испанскія вина: хороши, но отзываются почвой, на которой росъ виноградъ. Точно. Испанцы во всемъ строго-національны. Это самые безпощадные и самые неисцѣлимые націоналисты.

Испанскія вина, однако, имѣютъ поклонниковъ не только въ Испаніи. Мнѣ приходилось ими услаждаться на дальнемъ Сѣверѣ. И Донъ-Кихоть такой Испанецъ, что въ силу своего испанизма объѣхалъ весь свѣтъ. А если драмы Кальдерона не имѣютъ такого же успѣха, это не есть противъ нихъ возраженіе. Хорошо, что нѣкоторыя вещи не у всѣхъ побываютъ въ рукахъ.

Тотъ же полюсъ, который я называю чувствомъ отдѣльной личности, сіяетъ ослѣпительно въ лирикѣ всѣхъ странъ. До своей математически-прекрасной законченности составляющіе его кристаллы доходили не разъ, но, думается мнѣ, всего ослѣпительнѣе и нѣжнѣе они горятъ въ бессмертныхъ словесныхъ празднествахъ Эдгара По, Мэтерлинка, Гейне и Фета. Это лунные духи, и это золотыя пчелы. Ихъ пѣсни и ихъ драматическіе вскрики—изъ той страны, гдѣ ужъ окончились страны, а надъ странами высится Страна Мечты, гдѣ яркіе цвѣты и темные улья. Гробообразные улья, въ которыхъ царитъ шестигранность, и шестигранная келейка, наполняясь золотистымъ медомъ, образуетъ творческое Семь, чтобы сказать, что не даромъ жили цвѣты, что послѣ причастныхъ сліяній звенящаго съ цвѣтущимъ, крылатаго съ недвижимымъ, возникла прозрачная сладость, и длинныя свѣчи горятъ, вознося молитвенный дымъ.

Bois de la Cambre, Ixelles.
1907, ноябрь.

МАЛЫЯ ЗЕРНА.

Мысли и ощущенія.

ДРЕВНІЕ Майи говорили, что въ глуши лѣсовъ скрывается существо, одѣтое въ красное. Оно сохраняетъ безмолвіе, и если путникъ, сбившись съ дороги, спроситъ его, какъ выйти изъ лѣса, существо, одѣтое въ красное, начинаетъ горько плакать.

Есть души такія слабыя и нѣжныя, что, какъ листья ивы, онѣ трепещутъ отъ каждаго дуновенія вѣтра. Изъ жизни, самой Судьбой, онѣ выкинуты. Жить имъ нельзя. Онѣ потоскуютъ немного—и уйдутъ прочь отсюда, на другую планету, гдѣ вѣтры тише, Небо синѣе; травы въ росѣ и тоньше, и выше, подѣ водянисто-зеленымъ луннымъ лучомъ.

Въ той странѣ, которую я видѣлъ во снѣ, среди горъ, попадались, затулятыя тонкой снѣжной пеленой, пропасти. Путники, проходя, тонули въ пропастяхъ, какъ въ глубокомъ колодецѣ. Но черезъ нѣсколько дней, ледяная поверхность, на которую они падали, приподнималась въ уровень со снѣжными равнинами, доступными людямъ; и удаляла отъ кристальныхъ пропастей тѣхъ, кто прикос-

нулся къ заповѣднымъ областямъ. И послѣ того какъ убрали трупы, ледяная поверхность дѣлалась прозрачною какъ стекло, и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній всѣмъ приближившимся можно было видѣть глубокія пропасти, съ причудливыми зданіями, извилистыя пещеры, входившія въ глубь горъ и выходившія оттуда, длинныя вѣтви какихъ-то растений, застывшія какъ волна распустившихся волосъ, внезапно скованныхъ морозомъ и охваченныхъ инеемъ. Иногда изъ той или другой пещеры видѣлись лица, устремленные въ высь, и въ глубокихъ глазахъ этихъ призраковъ неизмѣнно свѣтилась печаль. Потомъ съ далекаго дна пропастей вставалъ голубой туманъ. Расходясь легкими клубами, онъ поднимался вверхъ, блѣднѣлъ, превращался въ бѣлую дымку. И черезъ мгновеніе передъ взорами собравшихся возникала на льдистой поверхности бѣлоснѣжная пелена.

Уильямъ Ленглэндъ сказалъ: «*Let me to love*»... Это влечетъ къ ритму:

Настала весна, украшеніе года.
«Что дѣлать? Природа, о, дай мнѣ совѣтъ!»
Воскликнулъ смущенный Поэтъ.
«Люби!» отвѣчала Природа.

Когда послѣ долгихъ дней, проведенныхъ въ городѣ, я вижу снова почти уже забытыя мною деревья, холмы и лужайки, душа исполняется мучительнаго восторга. Такъ, должно быть, чувствовалъ Сатана Мильтона, когда онъ обманно проникъ въ Эдемъ, только что созданный для Человѣка. Но проходить нѣсколько дней, иногда нѣсколько часовъ или мгновеній, и губы искажаются ироніей, и

душа отступаетъ, извиваясь какъ змѣя, и мерцаетъ многоцвѣтными звеньями, замышляя новые обманы.

Когда проносится буря, и готовится истинное зрѣлище молніеносной Грозы, зеленыя вершины деревьевъ бьются одна о другую и сливаются вмѣстѣ, обручаются листьями, будто и никогда имъ не разстаться. Воздухъ разъединить ихъ, успокоенный.

Когда я читаю философскія книги, я вижу вершины, которыя люблю. Но я испытываю при этомъ такое чувство, какое, вѣроятно, испытывалъ бы коршунъ, если бы ему для того, чтобы увидѣть родныя высоты, приходилось пользоваться—подъемной машиной.

Странные люди—Европейскіе люди, странно-неинтересные. Имъ все нужно доказывать. Я никогда не ищу доказательствъ. Я всегда вижу мысль сразу—или не вижу ее совсѣмъ. Какъ бы то ни было, доказательства играютъ для меня лишь ту роль, что *иногда* они не мѣшаютъ мнѣ увидѣть мысль.

Изъ всѣхъ Латинскихъ словъ болѣе всего мнѣ нравятся два слова запоздалой латыни: *Monstrivorus* и *Crucistul-titia*.

Быть можетъ никто не опредѣлилъ, того, пожалуй, и не думая, всей напей Эпохи такъ сильно и кратко, какъ Бодлэръ, сказавъ: «*Vertiges de l'Infini*»...

Эдгаръ По сказалъ о стихахъ Томаса Гуда: «Его стихи не очень хромые, но они не имѣютъ способности

бѣгать». Гении создаютъ формулы на много времени и мѣстностей. Мелодическій создатель «Аннабель-Ли» и «Колокольчиковъ» навѣрно повторилъ бы свои слова, читая современныхъ Русскихъ поэтовъ. Европейскихъ онъ вовсе не сталъ бы читать.

Современные Французы и вообще современные Европейцы очень напоминаютъ Стрѣльдрёговъ гениальнаго Свифта, которому, въ его презрѣніи къ людямъ, такъ хорошо приснилось «Путешествіе въ Лапуту». Это люди, лишённые благодѣянія смерти, символъ вѣчной старости. Въ 90 лѣтъ они теряютъ зубы, волосы, вкусъ. Ихъ угнетаютъ недуги, къ которымъ они относятся съ отвратительной внимательностью. Память ихъ ослабѣваетъ. Они забываютъ въ разговорѣ обычныя названія самыхъ простыхъ вещей, имена друзей и родныхъ. Такъ какъ языкъ Лапуты—въ вѣчномъ движеніи, Стрѣльдрёги одного вѣка не понимаютъ Стрѣльдрёговъ другого вѣка. По истеченіи 200 лѣтъ у нихъ въ мозгу остается лишь нѣсколько словъ, и они не могутъ поддерживать никакого разговора со своими сосѣдями. Упрямые, завистливые, суетные, они—тусклые призраки, ходячія проклятія.

«Чувство красиваго—это божественное шестое чувство, еще такъ слабо понимаемое»... воскликнулъ несравненный Эдгаръ. Нужно ли жалѣть объ этомъ? Поэты, шестымъ этимъ чувствомъ обладающіе—и сколькими еще, не названными!—не тѣмъ злополучны, что у людей—сверхсчетныхъ чувствъ нѣтъ или почти что нѣтъ, а тѣмъ, что имъ, Поэтамъ, съ ребяческой невинностью непременно хочется всѣхъ людей сдѣлать Поэтами.

Барбѣ д'Орэвили сказалъ однажды великолѣпную фразу: «Голову Медузы не ощупываютъ тутъ и тамъ: ее смѣло поглазываютъ, прямо лицомъ, въ великолѣпномъ ужасѣ ея красоты».

Бодлэръ напоминаетъ, что у Поэта есть привилегія, дарованная Природою Парижанкѣ и Испанкѣ (я сказалъ бы—Испанкѣ, а иногда и Парижанкѣ): *de savoir se parer avec un rien*. Умѣть нарядиться—такъ, ничѣмъ. Насколько это примѣнимо къ поэтамъ съ ограниченнымъ, но острымъ дарованіемъ. Напримѣръ, къ Мэтерлинку. Прежде всего, къ самому Бодлэру.

Всего чаще, и въ постоянномъ сопоставленіи, у вѣчно-краснорѣчивыхъ и вѣчно-влюбленныхъ Испанскихъ поэтовъ встрѣчаются глаголы—*querer* и *matar*, любить и убивать, *amar* и *morir*, любить и умирать. *Amor* и *Muerte* это два Ангела-Хранителя Испанской поэзіи. Въ этомъ Испанцы уже освободились отъ позорнаго клейма Европеизма. Они хорошо знаютъ и чувствуютъ, что въ этой сферѣ мы близъ двухъ полюсовъ. Поэты другихъ Европейскихъ народовъ, особливо ненавистные Нѣмцы и добрые ихъ спутники, Французы, всегда унижаютъ слово «люблю» житейскими прилагательными.

Изъ всѣхъ Европейскихъ поэзій за послѣдніе триста лѣтъ лишь поэзія Испанская и Англійская суть несомнѣныя достовѣрности. Въ нихъ есть тотъ міровой размахъ, который опредѣлилъ историческую судьбу двухъ этихъ, наиболѣе интересныхъ и талантливыхъ, Европейскихъ народовъ. Въ нихъ есть то міровое угаданіе человѣческой души, которое сдѣлало строгой необходимостью, что те-

перъ ужъ на сотни и сотни лѣтъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще донинѣ чувствуются тѣни Атлантиды, слова любви и предсмертныя слова будутъ говоритья людьми на томъ языкѣ, на которомъ грезили и думали Кальдеронъ и Шекспиръ, Свифтъ и Сервантесъ.

Суинбёрнъ хорошо говоритъ, что у Англійскихъ поэтовъ Шекспировской эпохи въ ихъ сладостно-текущемъ внезапно-самопроизвольномъ краснорѣчїи господствовала птичья нота страстной мелодїи.

Атлантида—вулканъ, Египетъ—стебель-загадка, Мексика-Майя—узорный пламяцвѣтъ, Индія—многовѣтвистость, Китай—подсолнечникъ, Халдея—семизвѣздіе, Ассирія—львиный ревъ, Іудея—запахъ крови, Эллада—человѣкъ, Римъ—городъ, Скандинавія—сказка въ грозу, Славянство—свирѣль.

Раздѣльная черта между Испанїей и Италіей: лучшїй поэтъ католической Испанїи, Кальдеронъ, поэтически переживая Адъ и Чистилище, остается одинъ лицомъ къ лицу съ своей совѣстью и пишетъ *autos sacramentales* или драмы въ родѣ *El Purgatorio de San Patricio*,—лучшїй поэтъ католической Италіи, Данте, проходитъ роковыя области въ обществѣ язычника Виргилія.

Іосифъ Волоколамскїй говоритъ о такъ называемыхъ Жидовствующихъ, что они «прилежали звѣдозаконію». Если у насъ еще осталась какая-нибудь надежда, что Человѣчество, износивъ всѣ свои религіи, создастъ какую-либо новую, это будетъ несомнѣнно опять и опять

звѣдозаконіе. Религія звѣздъ и цвѣтовъ. Она уже многимъ и снится. Быть можетъ уже и совсѣмъ близка.

Какъ гласитъ старое слово: «Русскіе люди прелестни и падки на волхвованіе». Я считаю это добрымъ для насъ предзнаменованіемъ. Изъ всѣхъ существующихъ нынѣ на Землѣ расъ, только Славянская находится въ дѣйствительно-рождающемъ циклѣ. Всѣ другія лишь повторяютъ и продолжаютъ себя однотонно. Впрочемъ, я говорю лишь о бѣлой и желтой расѣ. Въ Черной расѣ, какъ въ Ночи, скрывается много неожиданностей.

«Химера въ бронѣ изъ огней»,—говоритъ Виргилій. Вотъ формула для нашей все-Европейской игры въ солдатики, которая называется милитаризмомъ. Наша химера—самая грубая изъ химеръ, ибо мы всегда соединяемъ ее съ сопутствующимъ христіанскимъ лицемѣріемъ и несемъ желѣзо въ такія страны, какъ Перу, гдѣ жили среди золота и цвѣтовъ. Быть можетъ, наши мысли станутъ краснорѣчивѣе и оригинальнѣе, когда у Черныхъ царей будутъ Бѣлыя служанки.

Мы не умѣемъ быть такими существенно-мѣткими въ словахъ, какими умѣли быть наши предки, во-истину чувствовавшіе когда они о чемъ-нибудь говорили. У кого изъ современныхъ писателей найдешь такое количество формулъ на маломъ протяженіи, какъ, напримѣръ, въ «Словѣ о злобахъ женскихъ» (17-й вѣкъ)? Надпись къ лубочной картинкѣ: «Что есть жена?.. Прелестямъ источникъ, хоругвь адова, ниспадаемое желаніе, покоище змінно, дїаволь увѣтъ, темный вождь, муцѣ вѣчнѣй подательнице».

Въ древне-Египетскихъ магическихъ текстахъ, такъ же какъ въ древней Скандинавской поэзіи, изобилуютъ аллитераціи. Когда, совсѣмъ недавно, Русскіе поэты ввели ихъ въ свое творчество, журналы, спасающіе Отечество, объявили это государственной измѣной.

Сонетъ—какъ рыцарскій костюмъ: всегда однообразный и вѣчно красивый.

Мнѣ очень нравится несомнѣнность и правильная архитектурность въ рѣчи Средневѣковыхъ писателей. Нельзя опровергать человѣка, когда онъ говоритъ такъ убѣжденно и правильно, какъ, напримѣръ, Гарсія, въ своей превосходной книгѣ, устанавливающей параллель между Испанцами и Французами: «Между сущностями, Богъ; между субстанціями, Ангель; между планетами, Солнце; между стихіями, Огонь; между человѣками, Христость; между женами, Марія; между растеніями, Лилія; между металлами, Золото; между камнями, Карбункулъ; между цвѣтами, Лазурный, и между народами, Испанскій».

Одинъ Русскій естествоиспытатель сообщаетъ: «Обезглавленный, помощью перевязки шелковою нитью, водяной скорпионъ часа черезъ два послѣ операціи успокоился совершенно, и дѣйствія его получили ту увѣренность и послѣдовательность, которыя присущи нормальной особи». О, какъ дивно ухваченъ здѣсь прообразъ Русскаго журналиста!

Какъ гласитъ преданіе: Испанскій, Итальянскій и Французскій языки по началу совпадаютъ съ началомъ Міра: на нихъ шли первыя бесѣды между Богомъ, Змѣ-

емъ и Человѣкомъ. Возбраня прикасаться къ древу Знанія, Богъ говорилъ съ Адамомъ по-Испански, ибо въ Испанскомъ есть важность, властность, повелительность и благородство. Змѣй говорилъ по-Итальянски, ибо Итальянскій, среди языковъ, вкрадчивъ, нѣженъ и сладостенъ. Согрѣшивъ, Человѣкъ отвѣчалъ по-Французски, ибо какой же языкъ болѣе удобенъ для извиненій.

Филонъ Александрійскій повторилъ не свою мысль: «Какъ глазъ видитъ все окружающее и не видитъ самого себя, такъ разумъ мыслить Міръ, не постигая себя самого». До чрезмѣрности ясная, точная мысль—и однако же до которыхъ еще поръ Европейскіе думальщики будутъ являть изъ себя поучительное зрѣлище человѣка, который гоняется за самимъ собой.

Образецъ превосходной ироніи Гёте: Дьявольскій пудель является Фаусту—въ первый день Пасхи. Можно ли болѣе умно изобразить мирное сосуществованіе двухъ полюсовъ.

По Египетскому вѣрованію, Фта, Открыватель, есть отецъ боговъ и людей. Создавая боговъ, онъ пользовался своимъ глазомъ, создавая людей, пользовался ртомъ. Не оттого ли боги такъ много видятъ и такъ мало говорятъ, а люди отличаются тѣмъ же въ обратномъ порядкѣ? Еще и о другомъ намъ говоритъ эта легенда. Боги живутъ дольше людей. Вліяніе глазъ сильнѣе всѣхъ вліяній. И никакія слова не скажутъ столько, сколько говоритъ прощальный взглядъ.

Слишкомъ легкая подкова уменьшаетъ размахъ ноги. По мнѣнію Англичанъ, это можетъ причинить даже одинъ

подковный гвоздь, если онъ слишкомъ поданъ назадъ. Англійскіе скакуны—лучшіе, и искусившіеся во всякихъ утонченностяхъ Англичане понимаютъ, какъ никто, что для быстроты движенія именно необходимо взять на себя пзвѣстную тяжесть, извѣстнымъ образомъ связать себя, чтобы быть истинно-свободнымъ.

Въ человѣческой душѣ каждое мгновеніе скрываются взрывчатые вещества. Паденіе, героизмъ, преступленіе, сумасшествіе подстерегаютъ насъ вездѣ. Я помню долгій періодъ взрослой сознательности, когда я безучастнымъ взглядомъ созерцателя смотрѣлъ на сильное и страшное, что совершалось вокругъ меня, и тайно говорилъ себѣ: «А я вотъ тутъ. Со мной такого не случится». Почему? Я чувствовалъ себя внѣ міра. То было время, когда я искренно воскликнулъ: «Мнѣ странно видѣть лицо людское». Потомъ я усталъ чувствовать себя внѣ міра. Я захотѣлъ, чтобы меня все коснулось, и призвалъ къ себѣ бѣсовъ дѣйственныхъ. Призвавъ ихъ, я узналъ, что значить быть въ вѣчномъ колесѣ, и что значить быть на пыточномъ колесѣ, но также и узналъ, что колесо Солнца самое яркое изъ всѣхъ круговращеній. И если хорошо быть странствующимъ рыцаремъ Созерцанія, вдвойнѣ хорошо, когда своимъ защитительнымъ символомъ онъ избралъ круглый щитъ Солнца.

Кто хочетъ измѣниться, тому часто кажется, что онъ вступилъ въ полосу огня. Пусть онъ тогда торопится. Когда на человѣкѣ горитъ платье, онъ часто не можетъ сорвать его сразу. Сколько сожженныхъ! Сорви съ себя горящую одежду.

Особыми пѣснями Пифагорейцы готовились ко сну, чтобы быть свѣтлыми въ своихъ сновидѣніяхъ. Особыми пѣснями, вставая, они прогоняли дремоту. Изгнавъ изъ своей повседневности Красоту, мы изгнали и это великое угаданіе, соприкасающее душу съ Запредѣльнымъ.

Поэтъ «Васантасэны» такъ опредѣляетъ Поэта: «Поэтъ, который нѣкогда гордо ходилъ по Землѣ, съ лучистыми глазами, съ нѣжно-сіяющимъ лицомъ и съ высокою тѣлесной красотой. Страстно преданный борьбѣ, хотя вполнѣ сознательный во всѣхъ своихъ поступкахъ, среди начетчиковъ Священнаго Писанія свѣтильникъ знанія... Таковъ былъ Судрака».

«Подожди, подожди»,—говоритъ одинъ изъ Индійцевъ красивой Васантасэны. «Ты бѣжишь отъ меня, какъ въ лѣтній день самка павлина съ распущеннымъ хвостомъ». И потомъ Васантасэна слышитъ, какъ ласковыя сравненія, сравненіе съ дрожащей молодой порослью растенія, сравненіе со змѣей, ускользящей отъ царя птицъ, орла, съ цаплей, пугающейся грома, съ самкой шакала, за которой гонятся собаки. Наше испорченное, оторванное отъ соприкосновеній съ Природой, Европейское воспріятіе навѣрно оскорбится многими изъ сравненій—самое большее понимающій улыбнется. Это будетъ нищенская улыбка надъ самимъ собой. Люди, сильно чувствующие и не находящіеся въ безнадежномъ разводѣ съ Природой, говорятъ именно такъ, какъ Индусскіе поэты. Замѣчательное въ этомъ смыслѣ совпаденіе: всѣ Испанскіе поэты: Кальдеронъ, Лопе де-Вега, Тирсо де-Молина, особенно нѣжный Кальдеронъ, похожій на поэта «Сакунталы» Калидасу, сравниваютъ, во влюбленныхъ сравненіяхъ, нѣжную жен-

пину съ бѣлою цаплей. Я радуюсь, что Нѣмцу или Французу такое сравненіе кажется смѣшнымъ. Очень приятно, что въ роскошныхъ Индусскихъ садахъ и въ прекрасныхъ грезахъ Севильи мы не обременены присутствіемъ позорной Европейской серединности.

—
 Есть народы, которые съ утратой своей политической самостоятельности утрачиваютъ и свой культурно-историческій ликъ, свою жизнетворческую силу. Таковы были Египтяне, которые, переставъ быть загадочными, мощными Египтянами, въ своемъ царствѣ возводящими свои пирамиды, вовсе исчезли изъ Исторіи. Таковыми, не въ той, однако, мѣрѣ, были Эллины. Переставъ быть благородными Эллинами, они пережили рядъ видоизмѣненій и, шествуя исторически по творческой *degringolade*, принизились до роли современныхъ Грековъ, пренеинтересная, жалостная роль. Есть народы, которые, утративъ свою политическую самостоятельность, потерявъ самобытную государственность, нисколько не теряютъ своей творческой силы. Таковы малоизвѣстные братьямъ-москалямъ Поляки. Каждый изъ трехъ ихъ великихъ поэтовъ 19-го вѣка есть серафическій гений, исключительно-красивый въ ряду современныхъ имъ Европейскихъ поэтовъ. Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій не только прекрасны сами по себѣ, какъ красивъ человѣкъ, одаренный голосомъ духа, но они замѣчательны и тѣмъ еще, что у каждаго изъ нихъ совершенно законченное стройное міросозерцаніе, чего не было у Пушкина, не было у Лермонтова, не было даже у Тютчева. Они замѣчательны и тѣмъ еще, что ихъ голоса звучатъ намъ такъ, какъ будто они наши современники. «*Dziady*» («Праздникъ Мертвыхъ») Мицкевича — въ лучшихъ своихъ частяхъ, есть самая красивая драматическая

фантазія 19-го вѣка, и находящаяся въ ней «Импровизація» Конрада, написавъ которую онъ впалъ въ глубокий обморокъ, есть предвозвѣстіе нашихъ душъ. Въ ней есть и разговоръ, лицомъ къ лицу, Человѣка съ Богомъ, позднѣе созданный *al fresco* Достоевскимъ, и всѣ утонченныя попытки творца художественнаго слова, вложенныя въ вопль Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», повторенныя всѣми нами и рассказанныя въ тягучихъ звукахъ «Потонувшаго Колокола» Гауптманомъ. Въ «*Nie-boska Komedja*» («Небожественная Комедія») Красинскій создалъ единственную во всей Европейской поэзіи, бездонную по своему значенію, трагедію невозможности брачной любви и по художественной манерѣ на нѣсколько десятилѣтій предвосхитилъ нынѣ моднаго Мэтерлинка. Самый гениальный Польскій поэтъ, Словацкій, болѣе утонченный и болѣе нѣжный, чѣмъ Тепли, въ своей фантазіи «*Anhelli*», въ своей драматической поэмѣ «*Lilla Weneda*», въ своихъ мистическихъ стихахъ и письмахъ, и замѣткахъ провозвѣстилъ ту поэтическую рѣчь, которая стала нашимъ правомъ на Вѣчность и нашимъ личнымъ неотъемлемымъ знаменіемъ въ безсмертныхъ чарованіяхъ Искусства. Говоря его словами, онъ по-истинѣ былъ «кормчимъ въ ладѣ, наполненной дѣхами». Я ничего не говорю о слишкомъ близкомъ намъ Шибышевскомъ, страстномъ свирѣльникѣ, сказавшемъ Женщинѣ такія слова, какихъ не умѣетъ сказать ни одинъ изъ Русскихъ или Европейскихъ писателей. Я ничего не говорю о Шопенѣ, который умѣетъ касаться тѣла своею душою и создавать живопись настроеній своими лунными звуками.

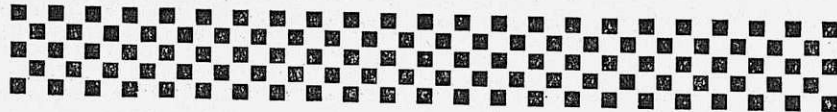
Я былъ въ какой-то экзотической чужой странѣ, далекой. Я былъ на балу. Звучала музыка. И вдругъ, вмѣсто экзотической пляски, я увидѣлъ знакомыя мнѣ съ дѣтства

убаюкивающе-влюбляющія движенія Польскаго танца. И почему-то я подумалъ о Рѣчи Посполитой. И почему-то я вспомнилъ: «Jeszcze Polska nie zginela». И въ душѣ моей запѣла Славянская свирѣль: «Нѣжностью стану я между влюбленными. Пляской пройду я по міру».

Малыя зерна мои, куда я васъ брошу? Въ пыль, на дорогу? Въ болотныя топи? Межъ глыбъ черноземныхъ, ознакомленныхъ съ острой сохой, съ разрѣзающимъ плугомъ? Чтò изъ васъ вырастетъ, желтыя нивы или сорныя травы? Чтò такое есть сорныя травы? Волчцы такъ красивы своимъ орхидейнымъ, лиловатымъ, воздушнымъ отѣнкомъ. Взгляните на лужайку, надъ рѣкой, надъ холмомъ, поросшую волчцами, взгляните на нее въ лунную ночь или въ туманное утро,—ваша душа запоетъ. И лазурные, съ дѣтства знакомые намъ, васильки, и врывающіеся въ нивы красные маки, эти цвѣточныя пѣсни о крови,—не назвать ли ихъ сорными травами? Чтò-жъ, назовите! А я вамъ скажу, что всю эту желтую ниву, моремъ шумящую отъ горизонта до горизонта, я, быть можетъ, за то и люблю, что въ ней есть лазурныя пятна и цвѣточныя пятна кровавыя.

Парижъ. Пасси.
1907. Весна.

РДЯНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Мысли и ощущенія.

Въ рдяности кровь и огонь. Рдяны полосы расплавленнаго металла. Рдяны краски заката. И рдяны осенніе листья. И рдянымъ огнемъ горитъ звѣзда, чье имя есть имя Войны.

Это было въ Валенсіи, въ городѣ красавиць, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ. Я шель среди цвѣтовъ и деревьевъ, рядомъ съ красивою дѣвушкой, Русской. Мы говорили и смѣялись. Мы шли и уходили. Вдругъ я остановился, какъ останавливается тотъ, кого рукой остановили. И шагахъ въ десяти передъ нами, совершенно такъ же, остановились двѣ молодыя Испанки. Одна изъ нихъ была красива, но другая была красавица. У нея было блѣдное лицо, и она была нѣсколько выше обыкновеннаго роста Испанокъ. Въ волосахъ у нея была красная гвоздика. У пояса была красная роза. На нѣжно-желтоватомъ платьѣ, цвѣта розы чайной, были тутъ и тамъ красныя ленты. И губы рдѣли, какъ будто только что цѣловались. Вампирь, — нѣтъ, лицо было слишкомъ живое, чтобы быть вампирнымъ. Скорѣе въ немъ было что-то изъ типа благородной Римлянки, тонкость очертаній, и страстность, и властность, и воз-

можность жестокости. Я стоялъ и глядѣлъ, какъ глядитъ внезапно-влюбленный. И спутница моя смотрѣла, и въ глазахъ у нея было ощущенье красоты. И мгновенное чувство, въ силу своей внезапности и остроты, перебросилось къ этимъ Испанскимъ дѣвушкамъ, и онѣ смотрѣли, и въ глазахъ у нихъ было ощущенье красоты и близости. И потомъ мы пошли каждый своею дорогой и прошли другъ мимо друга, но, когда мы были совсѣмъ близко другъ отъ друга, я, хотя я не былъ совсѣмъ одинъ, на секунду остановился, и, весь обратившись къ красавицѣ-Валенсіанкѣ, лепеталъ: «Красота! Красота!»,—и она, хотя она была съ подругой, а я былъ съ юною женщиной, дрогнула и обернулась ко мнѣ, и все лицо ея было поцѣлуй. И потомъ, когда мы уже были раздѣлены пространствомъ, она еще разъ остановилась и привѣтственно махнула мнѣ рукой и съ очарованіемъ, для котораго я не могу найти словъ, крикнула мнѣ: «Adiós!»

Она была побѣдительна. Я никогда больше ее не видѣлъ. Я буду любить ее всегда. И это, быть можетъ, совсѣмъ просто. Но это возможно только въ Испаніи.

Я однажды захотѣлъ увидать роскошные апельсиновые сады, окружающіе Валенсію, эти пышные оазисы съ золотыми яблоками. Придя на площадь, гдѣ стоятъ наемныя кареты, я отправился съ кучеромъ, который самъ ко мнѣ подошелъ, и который заинтересовалъ меня своимъ выразительнымъ, нѣсколько актерскимъ, лицомъ. Черезъ сколько-то минутъ мы уже говорили какъ старые знакомые. Въ Испаніи это дѣлается быстро. «Сегодня *corrida*?» спросилъ я кучера.—«Бой быковъ?».—«Завтра».—«Вы *aficionado*?»—спросилъ я.—«Любитель боя быковъ?»—«Да, я выступалъ, здѣсь въ Валенсіи и въ Мадридѣ, въ Санъ-Се-

бастьянѣ, и въ Севильѣ, и даже въ Мексикѣ».—«Такъ вы *тореро*?»—воскликнулъ я, уразумѣвъ, почему у него актерское лицо.—«Почему же вы бросили свое искусство?»—Онъ повернулся въ полъ-оборота на козлахъ и съ выраженіемъ, понятнымъ лишь человѣку, знающему Испанію, сказалъ: «Madre!» Мать боялась, что онъ будетъ убитъ или раненъ. Самое дорогое для Испанца—мать и та, кого онъ любитъ. Это не умираетъ даже при условіи негодяйства. А въ данномъ случаѣ я имѣлъ дѣло съ тонкою чувствительностью.—«Вы видали смерть?»—спросилъ я.—«Еще бы!»—«Страшно?»—«La Muerte es amable», былъ отвѣтъ. «Смерть желанна, Смерть достойна любви».—«Что же болѣе желанно, Смерть или Любовь?»—«О, Любовь!», и голосъ юнаго Испанца пріобрѣлъ невыразимыя интонаціи.—«Любовь есть первое слово, для котораго только и стоить жить. Любовь болѣе сладостна, но Смерть болѣе желанна».—«Почему?»—недоумѣнно спросилъ я. Голосъ Испанца сталъ неуловимо-таинственнымъ. «Смерть болѣе желанна»,—сказалъ онъ мягко, но тономъ, недопускающимъ сомнѣнія. «Смерть болѣе достовѣрна». И онъ еще разъ повторилъ: «Es más verdadera».

Нигдѣ, кромѣ Россіи и Испаніи, я не видалъ дѣтей, которыя такъ по-дѣтски дѣти. Въ смѣхѣ, въ шуткахъ, во взорахъ, въ движеніяхъ, въ неуловимомъ и неопредѣлимомъ очарованіи дѣтскаго. Французскія дѣти до чрезвычайности противны. Это маленькія мадамы и месье. Въ нихъ абсолютно нѣтъ ничего дѣтскаго. Они играютъ въ карьеру, въ деньги, въ благоразуміе, въ обманъ. Ихъ разсудительность можетъ взрослому лишить разсудка. Англійскія дѣти гораздо привлекательнѣе, но и въ нихъ уже съ самаго ранняго возраста чувствуется, въ мужской линіи во

всякомъ случаѣ, что въ этой расѣ есть мужчины, и что сія раса есть завоевательная. Норвежскія дѣти и Нѣмецкія, истинно-дѣти, но въ нихъ нѣтъ достаточной тонкости настроеній, въ нихъ много расовой тяжеловѣсности. У Русскихъ же дѣтей и Испанскихъ—поразительной хрустальности смѣхъ. И такая невинность въ голосѣ. И такое веселье въ шуткахъ. Притомъ, такъ какъ Южане всегда болѣе порывисты въ выраженіи своихъ чувствъ, Испанскія дѣти, по очарованію дѣтскаго, стоятъ конечно на первомъ мѣстѣ. Я видѣлъ сотни Испанскихъ дѣтей, играющихъ на улицахъ Севильи и Валенсіи, въ солнечной Барселонѣ и въ зеленыхъ садахъ Мадрида, но я ни разу не видѣлъ ни одной грубой сцены и ни разу не слышалъ ни одного недѣтскаго возгласа, возникшаго на дѣтскихъ устахъ. И Испанскія дѣти смотрять на васъ такими глазами, что вы чувствуете—они родныя. Мгновенно между вами и ими вырастаетъ полная близость. Если они начинаютъ шутить надъ вами, это никогда не обидно. Когда же они начинаютъ къ вамъ ласкаться, въ душѣ вырастаетъ сладкое ощущеніе счастья.

Я много разъ думалъ, какъ это можетъ быть, что именно Кастильскія дѣти такъ привлекательны, а сами Кастильцы, въ видѣ жителей Мадрида, такъ часто наглы, грубы и противны, и такъ не по-Испански тяжеловѣсны. Я рѣшилъ, что объясненіе можетъ быть только одно: это народъ, который всю жизнь долженъ оставаться ребенкомъ. Онъ неспособенъ быть взрослымъ и какъ только восхочетъ сего, достигъ не можетъ—и остается подросткомъ. А кто же не знаетъ, какъ нестерпимо-самоуверенны и глупы и неделикатны подростки?

Быть можетъ ни въ одной Европейской странѣ нѣтъ

такой рѣзкой областной обособленности, какъ въ Испаніи. Испанецъ, когда его спросишь, кто онъ, никогда не отвѣтитъ вамъ: «Я Испанецъ». Вы всегда услышите: «Я Валенсіанецъ», «Я изъ Бильбао», «Я Каталонецъ», «Я изъ Севильи». И если два Испанца происходятъ изъ двухъ городовъ, отдѣленныхъ лишь часомъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, они разнствуютъ. Именно этой расовой особенностью объясняется такое поразительное несходство столь *національныхъ* художниковъ и поэтовъ, какъ Веласкесъ и Гойя, Кальдеронъ и Сервантесъ.

Когда Испанцы разграбили въ Перу храмъ Солнца, они раздѣлили добычу, и одному солдату достался золотой дискъ Солнца. Потомъ они стали играть въ карты, и прежде чѣмъ взошло Солнце, дискъ Солнца былъ проигранъ. Это—Испанія.

Что должно быть Полярной звѣздой, Правда или Красота? что такое Правда безъ Красоты? Это не Правда, а низкая Ложь. Въ Средніе вѣка понятіе Правды отождествлялось съ понятіемъ Богъ. И въ драмѣ «Цѣпи Дьявола» Кальдеронъ говоритъ:

Межъ Богомъ и межъ Красотой
Сужденіе схвачено бредомъ.

(«Las cadenas del Demonio», I, 5).

Это священный бредъ необманчивой души, чувствующей музыку сферъ. И въ этомъ восклицаніи сказался Поэтъ, который даже въ средневѣковой тюрьмѣ чувствуетъ, хотя и не сознаетъ вполне ясно, что Красота есть полюсъ, не позволяющій идти дальше.

2018695290

Другой гений Золотого вѣка Испанской литературы, Тирсо де-Молина, говоритъ:

Красота и Безуміе—сестры.

(«La venganza de Tamar», I, 1).

Эти слова имѣютъ особенную убѣдительность, если мы припомнимъ, что вся исторія Испаніи была сплошнымъ безуміемъ и непрерывнымъ романомъ. Многовѣковая дуэль съ Маврами, созданіе самаго красиваго Европейскаго языка, сосредоточеніе подъ властью одного Короля столькихъ царствъ, что Солнце не заходило въ его владѣніяхъ, Кортесъ, который съ кучкой героев и мошенниковъ завоевываетъ могучую Аптекскую монархію, Сервантесъ, который въ мусульманскомъ плѣну нѣсколько разъ избѣгаетъ казни побѣдительною чарой своего морально-красиваго лика и пишетъ свою бессмертную книгу въ тюрьмѣ, приуготовленной для него добрыми соотечественниками, Лопе де-Вега, считающій свои драмы и комедіи тысячами, и вѣдь не кое-какія комедіи, святая Тереза, бессмертно влюбленная въ Христа, Непобѣдимая Армада, потонувшая прежде, чѣмъ ей пришлось побѣждать или быть побѣжденной, и это неправдоподобное паденіе послѣ всемірно-смѣлаго головокружительнаго подъема, и этотъ веселый ребяческій смѣхъ и звукъ кастаньетъ, — послѣ того какъ историческая роль безвозвратно сыграна, — не страницы ли это изъ книги сказокъ? Я сказалъ—сыграна. О, нѣтъ! Кромѣ внѣшнихъ монархій существуютъ внутреннія. И пусть никогда уже болѣе не повторится зловѣщая фигура Филиппа Второго, но въ предѣлахъ цѣлаго земного полушарія говорятъ и будутъ говорить по-Испански, и мы, Европейцы, не можемъ прожить и нѣсколькихъ часовъ безъ того чтобы не сказать—Донъ-Кихоть и Донъ-Жуанъ.

Мысли любятъ капризную пляску съ повторными па. Еще Санчо-Панса сказалъ: «No sabe nadie el alma de nadie», что значить: «Не знаетъ никто душу никого» («El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha», t. II, cap. 14). Можно было бы подумать, что этотъ мудрый оруженосецъ Странствующаго рыцаря есть одинъ изъ современныхъ Европейскихъ поэтовъ: такъ часто эта мысль возникаетъ въ стихахъ, въ романахъ и въ драмахъ въ наши дни.

Перелистывая «Донъ-Кихота», я нахожу, опять и опять, цѣлый рядъ изреченій, которые достойны того, чтобы всѣ ихъ запомнили. Нѣсколько афоризмовъ, которые измыслилъ Санчо-Панса: «Мнѣ кажется, что насчетъ того, чтобы править—стоитъ только начать» («Don Quijote», t. II, c. 33). «Тамъ, гдѣ музыка, дурного быть не можетъ» (t. II, c. 34). «Дьяволы, играютъ ли они или не играютъ, никогда не могутъ быть довольными, выигрываютъ они или не выигрываютъ» (t. II, c. 70). Нѣсколько афоризмовъ Донъ-Кихота: «Нѣтъ поэта, который не былъ бы заносчивымъ и не думалъ бы о себѣ, что онъ величайшій въ мірѣ поэтъ» (t. II, c. 18). «Любовь и война — одно и то же» (t. II, c. 21). «Всякое сравненіе ненавистно; итакъ никого не нужно сравнивать ни съ кѣмъ» (t. II, c. 23). «Странствующій рыцарь, не имѣющій дамы, это какъ дерево безъ листьевъ, домъ безъ основанія и тѣнь безъ тѣла, отъ коего можетъ возникнуть» (t. II, c. 32). Советъ Санчо-Пансѣ: «Говори со степенностью, но не такъ, чтобы казалось, что ты слушаешь самого себя» (t. II, c. 43). «Если кто-нибудь не понимаетъ новыхъ словъ, это мало имѣетъ значенія: привычка ихъ введетъ» (t. II, c. 43).

Одинъ изъ героевъ драмы Кальдерона «La sibila del Oriente», II, 6, называетъ Царицу Савскую, эту Восточную Сибиллу, *la negra estrella*, черная звѣзда. Еще совѣмъ недавно, помню, въ Русской и Французской поэзии употреблялись подобные же обороты рѣчи, и даже въ точности говорилось— черная звѣзда. И добрые мудрецы (они всегда одинаковы) подчеркивали неестественную новизну этихъ вычурныхъ образовъ.

«Любовь безъ ревности есть тѣло безъ души», читаемъ мы у Кальдерона («Luis Perez el Gallego», I, 3). И такъ какъ каждое живое тѣло включаетъ въ себя душу, надо думать, что въ каждой любви, въ силу самаго ея существованія, заключается ревность, и чѣмъ живѣе любовь, тѣмъ болѣе возможности явленія зеленоглазаго чудовища. Впрочемъ, сколько разумѣю, по понятіямъ современной Теософіи, не тѣло включаетъ въ себѣ душу, а душа включаетъ въ себѣ тѣло. Тутъ въ умѣ моемъ происходитъ какая-то путаница, и можетъ быть нелогично, но я начинаю понимать почему возможна ревность безъ любви.

Въ драмѣ Кальдерона «La Nina de Gómez Arias», I, 6, говорится:

Чтобъ была совершенной любовью,
Совершеннымъ, конечно, быть долженъ
Тотъ предметъ, что любовь возбудилъ.

Поэтому вполне послѣдовательно, что въ другой его драмѣ «No hay cosa como callar», I, 26, говорится:

Съ оправданьемъ родится измѣны любви.

Въ «La cueva de Salamanca» Сервантеса есть такой діалогъ:

«...Также и Дьяволы бываютъ Поэтами. —
И даже всѣ Поэты суть Дьяволы».

Всѣ любящіе дѣлаются на время любви поэтами. И всѣ дьяволы отличаются чрезвычайною уклончивостью. Не оттого ли такъ непрочно паутинки любви? И не потому ли любовь всегда озарена змѣино-зыбкимъ свѣтомъ?

Лопе де-Вега говоритъ, «La Fuente Ovejuna», I, 4:

Гармонія есть чистая любовь,
Затѣмъ, что есть любовь согласье.

Но мірозданіе есть слѣдствіе противорѣчія. И жизнь происходитъ изъ разрыва. Поэтому любовь есть не жизнь съ ея тусклыми тѣнями, а смерть съ ея вѣчнымъ блескомъ. Любовь уже есть безсмертіе. Преображеніе тѣла. Вознесеніе души. Смерть и возстанье изъ мертвыхъ.

Въ знаменитой драмѣ «La Celestina» есть замѣчательныя слова: «Los muertos abren los ojos de los que viven» («Мертвые открываютъ глаза тѣхъ, которые живутъ»). Кто не знаетъ великой правды этихъ словъ? Когда человѣкъ, съ которымъ вы говорили и смѣялись, котораго вы любили, котораго, быть можетъ, вы смертельно ненавидѣли, лежитъ, съ бѣлымъ лицомъ, безгласный и недвижный, въ душѣ возникаетъ великая тишина. И въ то время, какъ тѣло живого застываетъ въ безмолвномъ созерцаньи надъ тѣломъ умершаго, отъ этого мертваго какъ будто идутъ къ душѣ живого неисчислимыя внутренніе голоса. Какъ ни странно сказать, но это такъ: возникаютъ безгласныя

голоса. Все, о чемъ мы думали въ краткія мгновенья, пронсящаяся иногда въ умѣ нашемъ, какъ быстрыя вспышки молніи,—все, что безъ словъ возникало на мигъ въ умѣ нашемъ, когда мы наклонялись надъ глубокой водой, или когда мы глядѣли на закатное Небо, находясь въ чужомъ краю, или когда на нѣсколько секундъ мы были схвачены безмѣрнымъ счастьемъ, безмѣрнымъ несчастьемъ,—все, что въ скользящихъ узорахъ вставало въ вѣщихъ нашихъ снахъ, чтобъ растаять какъ иней въ минуту пробужденія,—все это оживаетъ, обо всемъ этомъ говорятъ намъ тѣ безгласные голоса; они говорятъ и идутъ въ нашъ умъ, какъ широкій лучъ яркаго зимняго Солнца, глядящаго въ теплую нашу комнату черезъ морозныя стекла занесеннаго снѣгомъ дома. Кто разъ пережилъ такую бесѣду, кто побылъ нѣсколько мгновений въ такой безглагольности, тотъ входитъ опять въ свою здѣшнюю жизнь измѣненнымъ и послѣ этого уже все воспринимаетъ по-иному.

Въ драмѣ «En esta vida todo es verdad y todo mentira» («Въ этой жизни все есть правда и все обманъ») Кальдеронъ такъ опредѣляетъ женщину:

Женщина—какъ бы картина,
У которой два есть лика,
И одинъ—красивъ и нѣженъ,
И другой—звѣринный ликъ.
И рѣшить намъ невозможно,
Въ чемъ сильнѣе совершенство,—
То душѣ она полжизни,
То полсмерти для нея.
Жить даетъ и убиваетъ,
Въ ней война и миръ отрадный,
Въ ней недугъ и излеченье,
Въ ней веселье и печаль.

Эразмъ Роттердамскій сказалъ: «Человѣкъ безъ страстей—камень. Всякій побѣжитъ отъ него какъ отъ привидѣнія». Именно поэтому Индійская Мудрость, въ алфавитѣ которой первая буква есть убіеніе страстей, приемлема только для лицъ, которыя желаютъ быть живыми мертвецами.

Фіаларъ, богъ Скандинавскій, въ сообщничествѣ съ карликомъ убивши мудреца, смѣшалъ кровь съ медомъ, и получился—*медъ поэзии и мудрости*. Не оттого ли поэты такъ жестоки и такъ нѣжны? Въ мудрости же ихъ не сомнѣваются даже составители хрестоматій.

Испанскій народный геній любитъ въ поговоркахъ опредѣлять предметы и сущности цѣлымъ рядомъ сравнительныхъ сопоставленій. Это, впрочемъ, вообще—черта народнаго генія въ разныхъ странахъ. Но въ Испаніи,—въ странѣ, гдѣ Солнце ярко, и всѣ очертанія четки,—и сравнительныя сопоставленія поговорокъ отличаются необычайною мѣткостью. Привожу цѣлый рядъ этихъ безошибочныхъ закидываній словеснаго аркана.—Больше поетъ, чѣмъ кузнечикъ;—чѣмъ кузнечикъ на вѣткахъ оливы;—больше поетъ, чѣмъ щегленокъ;—больше, чѣмъ ангелы.—Упалъ онъ, какъ камень въ колодець;—упалъ онъ, какъ кошка на ноги.—Бѣжитъ скорѣе, чѣмъ вѣтеръ;—чѣмъ дурное извѣстіе.—Быстрѣй орла;—быстрѣй, чѣмъ шпага;—чѣмъ новый ножъ;—чѣмъ мысль.—Быстрѣе свѣта;—быстрѣе молніи;—быстрѣе взгляда;—быстрѣй, чѣмъ *да*.—Исцѣлованъ больше, чѣмъ ребенокъ;—болѣе, чѣмъ ноги у Христа.—Вѣрнѣй, чѣмъ обѣдня;—чѣмъ Богъ въ Небесахъ.—Вѣрнѣй часовъ;—вѣрнѣй, чѣмъ полночь.—Болѣе желтый, чѣмъ золото;—болѣе желтый, чѣмъ воск;—

чѣмъ солома, шафранъ и мертвецъ;—болѣе желтый, чѣмъ зависть.—Зеленѣ базилики;—зеленѣ, чѣмъ перецъ;—зеленѣ, чѣмъ лугъ;—зеленѣ надежды.—Бѣлѣй, чѣмъ молоко;—бѣлѣй, чѣмъ горностай.—Чернѣй смолы;—чернѣй, чѣмъ воронъ;—чернѣй, чѣмъ сердце;—чѣмъ часть дурной.—Краснѣ маца;—краснѣ, чѣмъ кровь.—Пьянѣ лозы;—пьянѣ вина;—пьянѣ комара;—пьянѣ, чѣмъ Ной.—Молчаливѣ мертвыхъ;—молчаливѣ вора;—молчаливѣ камня;—молчаливѣ молящихся.—Деликатнѣ дамы;—деликатнѣ монахини;—деликатнѣ зеркала;—деликатнѣ *не тронь меня*.—Желаннѣ удачи;—желаннѣ поцѣлуя.—Тяжелѣй свинца;—тяжелѣй, чѣмъ долгъ.—Ревнивѣ, чѣмъ Турокъ;—ревнивѣй, чѣмъ старикъ.—Серьезнѣй, чѣмъ судья;—серьезнѣй, чѣмъ осель;—серьезнѣй завѣщанья.—Слѣпѣй, чѣмъ кротъ;—слѣпѣй, чѣмъ гнѣвъ.—Нѣжнѣй, чѣмъ бархатъ;—нѣжнѣ травинки.—Грязнѣ, чѣмъ помойная яма;—грязнѣ, чѣмъ слухъ исповѣдника.—Ровнѣ, чѣмъ ладонь;—ровнѣ дороги въ Адъ.—Веселѣй, чѣмъ барабанъ;—веселѣй, чѣмъ кастаньеты;—веселѣй цвѣтовъ и Пасхи;—веселѣй, чѣмъ Май.—Благороднѣ земли;—благороднѣ, чѣмъ конь.—Страшнѣ смерти;—страшнѣ безчестья.—Болѣе одинъ, чѣмъ стебель;—чѣмъ глухой пустырь;—чѣмъ одна душа.—Болѣе потерянь, чѣмъ булавка;—болѣе, чѣмъ мышъ во рту у кошки.—Говорить, какъ книга;—говорить, какъ старый.—Всегда наверху, какъ масло;—всегда наверху, какъ пѣна;—какъ пробка въ водѣ, не потонетъ.—Слушалъ его, какъ слушаютъ дождь осенній.—Какъ тотъ, кто продалъ тѣнь свою;—какъ муха въ молокѣ;—какъ мальчикъ въ новыхъ башмакахъ.—Печальнѣй кипариса;—печальнѣй похоронъ;—печальнѣй Долоросы.—Знаетъ больше, чѣмъ кукушка;—знаетъ болѣе, чѣмъ змѣи;—знаетъ

больше, чѣмъ колдунья;—знаетъ больше, чѣмъ кто любитъ.

Интересно, что Португальцы сообщили въ одной изъ своихъ пословицъ—«Великій, какъ Море, болѣе великій, чѣмъ милость Господня»,—и въ другой пословицѣ—«Бѣденъ, какъ Іовъ, бѣденъ, какъ Дьяволъ». И въ то же время они, такъ же какъ несравненно болѣе ихъ сильные Испанцы, будучи весьма Католическими, были чрезмѣрно строги къ Дьяволу и чрезвычайно услужливы и снисходительны къ Богу. Быть можетъ, они помнили, что Іовъ, по волѣ Божіей, за временной своей бѣдностью былъ стократно богатъ? И, быть можетъ, какъ Оригенъ, они твердо знали, что Дьяволъ въ концѣ-концовъ можетъ помириться съ Богомъ, и потому, какъ люди страстные, вымещали на немъ временную бесполезность уклоненія отъ неизбѣжной конечной судьбы?

Когда Мильтонъ путешествовалъ по Итали, онъ однажды гдѣ-то, должно быть въ саду, заснулъ. Увидала его молодая Итальянка, красивая. Загорѣлась. И сейчас же написала:—«Occhi, stelle mortali, si chiusi m'uccidite, aperti, che farete?» «Очи, смертныя звѣзды, коль закрытыя меня убиваете, открытыя, что вы сдѣлаете?»—Есть какая-то красивая жестокость въ таинственной прони Судьбы: именно тѣ глаза, которые исторгли изъ нѣжнаго сердца это итальянски-чарующее восклицаніе,—ослѣпли. Не увидали ли они однажды слишкомъ лучистый сонъ?

Данте въ точности опредѣлилъ ощущение, которое овладѣваетъ человѣкомъ при вступленіи въ совершенно новое царство, въ блаженно-райскую страну «La novità

del suono e' l grande lume» («Paradiso», I, 82). «Новизна звука и великій свѣтъ». Мы испытываемъ именно это, когда намъ снятся особенно-счастливые, причудливые сны. Музыка, услышанная во снѣ, всегда отличается поразительной сладостью, неувимой змѣино-лунной зыбкой утонченностью. Ощущеніе отъ музыки, услышанной во снѣ, длится въ художественной душѣ не часы и не дни, а если услышишь, такъ ужъ на всю жизнь. И зеленые просторы сновидѣнной Страны, голубыя пространства пригрезившагося Неба — озарены такимъ свѣтомъ, что неувимыя сіянія его, разъ увидѣнныя, скользятъ потомъ по различнымъ прогалинамъ нашей жизни, какъ сіяніе расцвѣтшаго папоротника, увидѣннаго въ Иванову ночь.

На одномъ примѣрѣ можно увидѣть, какъ, размышляя о Богѣ, разсуждаетъ философъ и говоритъ мистикъ-поэтъ. Спиноза («Tractatus theol.-polit.», 247) сообщаетъ намъ, что всѣ, кто сколько-нибудь возвысился надъ vulgar'омъ, знаютъ, что «Deum non habere dextram, neque sinistram, neque moveri, neque quiescere, neque in loco, sed absolute infinitum esse, et in eo omnes contineri perfectiones», т. е., «у Бога нѣтъ ни праваго, ни лѣваго, онъ ни въ движеніи, ни въ покоѣ, ни въ мѣстѣ, но безусловно безконеченъ, и въ немъ всѣ содержатся совершенства». Одинъ изъ самыхъ блестящихъ Испанскихъ мистиковъ, Діэго д'Эстелья («Meditaciones devotisimas del amor de Dios», t. I, p. 87) говоритъ: «No hay en tí sí ni no, porque tu sí permanece para siempre fiel y verdadero», т. е., «нѣтъ въ тебѣ ни да, ни нѣтъ, ибо твое да пребываетъ навсегда вѣрнымъ и достовѣрнымъ». Одинъ, вступая въ словесную битву съ Богомъ, нуждается въ цѣломъ арсе-

налѣ. Другой лишь быстро взмахиваетъ кинжаломъ, у котораго два острія.

Почему никто до сихъ поръ не сдѣлаетъ исторической параллели между Испанцами и Поляками? Несмотря на кажущуюся полную разность, два эти народа чрезвычайно много имѣютъ общихъ чертъ. Тотъ же, по преимуществу рыцарскій, національный характеръ,—рыцарь не пѣшій, а всадникъ, быстрый, полный полета,—та же цвѣтистая пышность рѣчи, любящей преувеличенія, особенно въ выраженіи вѣжливой почтительности,—Польское «падаю до ногъ», Испанское «дай мнѣ твои ноги»,—та же чрезвычайная католичность, выражающаяся въ идолопоклонствѣ,—то же рыцарское отношеніе къ любви и къ женщинѣ, въ соединеніи съ способностью на великій въ этой области цинизмъ,—то же высокое понятіе о чести и способность въ одну секунду загорѣться ревностью и мезтью,—то же соединеніе крайней довѣрчивости съ подозрительностью и предательствомъ,—то же соединеніе сладостной нѣжности въ любви, въ пѣсняхъ, въ рѣчи, въ отношеніи къ дѣтямъ и ужасающей жестокости съ побѣжденнымъ врагомъ,—та же природная даровитость съ великой небрежностью къ своимъ талантамъ и возможностямъ,—та же любовь къ наслажденіямъ, позволяющая имъ плясать надъ пропастью,—тѣ же безмѣрные завоевательныя мечты, сведенныя къ пушкинской сказкѣ о Рыбакѣ и рыбкѣ,—та же восхитительно-последовательная непослѣдовательность историческаго поведенія.

Если разсматривать въ цѣломъ историческія судьбы Европейскихъ народовъ и ту отдѣльную роль, которую каждый изъ нихъ играетъ, можно сказать, что Англичане

суть морскіе разбойники, строго соблюдающіе уголовныя статьи ими же созданнаго морского законодательства, Итальянцы—создатели голубыхъ сновидѣній, безъ которыхъ не могли бы дышать души, Французы — неутомимые фабрикатеры человѣческой банальности, трогательно убѣжденные въ единственной своей оригинальности, Нѣмцы—книгопечатники, всѣ чувства замыкающіе въ трехтомное изслѣдованіе, Скандинавы — таинственные молчаливники, ибо молчаніе всегда таинственно, даже когда за нимъ ничего не скрывается, Греки — живое подтвержденіе мудрости Донъ-Кихота, изъясняющаго Санчо-Пансѣ, что благородство бываетъ двухъ родовъ—одно, когда ты ведешь линію отъ именитыхъ предковъ, и другое, когда отъ тебя эту линію ведутъ, Испанцы и Поляки — поэты, возлюбившіе верховную ѣзду, а какъ гласитъ Испанская поговорка, нѣтъ человѣка—разумнаго на конѣ, Русскіе... Но Русскіе, въ своей уклончивости, еще не сказали своего слова Судьбѣ и ждутъ своего приговора отъ нея съ медлительностью по-истинѣ циклической.

Олеарій говоритъ о Русскихъ, «Подробное описаніе Голштинскаго посольства въ Московію и Персію» (книга 3-я, глава 6-я), что они—«callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi». Онъ, впрочемъ, не самъ это говоритъ, а ссылается на злорѣчиваго *Jacobus, Nobilis Danus*. Переводить—боюсь такъ же, какъ слова совсѣмъ другого писателя, и по другому случаю сказанныя:

«Amari et amare,
Uxores variare».

Олеарій въ той же главѣ своей любопытнѣйшей книги очень нелюбезно говоритъ о насъ: «Если разсматривать

Русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ». И затѣмъ: «Не было еще примѣра, чтобы Русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные Русскіе Господа и даже Князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьюми, какъ рассказывали намъ за достовѣрное, и какъ мы сами видѣли». Этотъ спортъ, въ соотвѣтствіи съ упорствомъ Русскихъ, существуетъ и понынѣ видоизмѣненный.

Барбэ д'Оревильи такъ опредѣляетъ Русскій геній: «L'imitation est le génie de la Russie... Seulement pour imiter comme elle imite, il faut une vraie souplesse de tigre» («Litterature étrangère», 226). Что мы, Русскіе, мы, Славяне, имѣемъ въ основномъ нравѣ нашемъ тигриную гибкость, это конечно мы хорошо знаемъ и безъ Барбэ д'Оревильи и болѣе, чѣмъ зналъ онъ. Въ одномъ Достоевскомъ больше тигриныхъ взмаховъ и тигровыхъ когтей, чѣмъ во всѣхъ Французскихъ романахъ вмѣстѣ. И Льва Толстого весь Земной Шаръ знаетъ за Льва. И за тысячу лѣтъ до двухъ этихъ царей Европейскаго романа 19-го вѣка мы спѣли такія Былины, какихъ нѣтъ ни у одного Европейскаго народа. Мы многое взяли у другихъ и охотно возьмемъ еще много, если будетъ что взять. Но мы все преображаемъ въ свое, ибо понимаемъ себя и понимаемъ другихъ. Весьма извѣстный и весьма посредственнѣй Барбэ д'Оревильи, этотъ заурядный салонный фразѣръ, не понимаетъ, на примѣръ, нашего геніальнаго Гоголя, какъ онъ не понимаетъ геніальнаго Англійскаго Свифта. Почему? Потому что Французы вообще чрезвычайно мало способны

понимать чужеземное, и потому что мучительно-часто живость Французовъ не есть гибкая живость ловкихъ тѣлъ, а деревянная подвижность проворныхъ маріонетокъ, которыя непременно должны бѣгать по опредѣленнымъ дорожкамъ—бѣгать очень быстро, но только безъ живости истинной. Разъ рѣчь идетъ о подражаніяхъ и заимствованіяхъ, прилично спросить: Кто создалъ «Сида»—фантазія Испанская или Французская? И національный Мольеръ—не обокралъ ли Испанскаго театра? И Вольтеръ, вмѣстѣ съ другими Французскими мудрецами 18-го вѣка,—а на нихъ вѣдь, какъ на трехъ китахъ, вся Франція зиждется,—сколько стянули всякаго добра у Англійскихъ мыслителей? Чтобъ жить, одно живое поглощаетъ другое живущее или умершее. Это законъ. Но не слишкомъ острый умъ изобличишь, ежели скажешь, что тигръ подражаетъ лани, которую онъ съѣлъ.

Не особенно любимый Французами и самый гениальный изъ Французскихъ писателей 19-го вѣка, несравненный создатель «La peau de chagrin» и «La recherche de l'Absolu», Бальзакъ, сказалъ: «Une courtisane est essentiellement monarchique». Должно быть поэтому Франція, усвоивъ себѣ республиканскую форму правленія, отъ монархическихъ нравовъ ни мало не отвыкла.

Въ своемъ романѣ «Splendeurs et misères des courtisanes» Бальзакъ сказалъ, слѣдуя своему обыкновенію вездѣ бросать и роскошно разбрасывать рунически-прекрасныя формулы, слѣдующія безсмертныя слова: «Лишь расы, пришедшія изъ пустынь, обладаютъ во взорѣ властью чарованія, завладѣвающаго всѣми. Ихъ глаза, безъ сомнѣнья, сохраняютъ что-нибудь изъ безконечности, которую они

созерцали». Вотъ тайна чарованія Славянства. Вотъ негасимый залогъ нашего безсмертія,—насъ, не крикливыхъ, но зрящихъ и зрячихъ среди торопливыхъ и шумныхъ панорамъ міровой Исторіи.

Великій мистикъ, св. Хуанъ де ля Крусъ, въ своей «Темной ночи души» («Noche oscura del alma», I) даетъ точное опредѣленіе того состоянія человѣческой души, при которомъ лишь и возможно соприкосновеніе съ Міровой Тайной: «Salir de si y de todas las cosas», «Выйти изъ себя и изъ всѣхъ вещей». Выйти изъ себя—чтобы войти въ себя, выйти изъ всѣхъ вещей—чтобъ прикоснуться ко всѣмъ вещамъ. По очаровательной кажущейся нелогичности словъ, это заставляетъ вспомнить св. Терезу, когда она въ своихъ «Горницахъ» («Moradas»), или, что то же, «Внутренній Замокъ» («Castillo Interior», I, 1) говоритъ: «Начать нужно съ того, что душа наша есть Замокъ, весь изъ алмаза и пресвѣтлаго хрустала, гдѣ много обиталищъ, какъ много есть горницъ въ Небѣ... Должны мы разсмотрѣть, какъ сможемъ войти въ сей прекрасный, восхитительный Замокъ. Кажется, какъ будто говорю я безсмыслицу; ибо, если этотъ Замокъ есть душа, ясно, что нечего говорить о вхожденіи, вѣдь вотъ же онъ тутъ; это все равно, что сказать—войди въ комнату, когда въ ней находишься. Но имѣете вы уразумѣть, что великое есть отстоянье отъ находиться и находиться».

Въ «Упанишадахъ» говорится, что всѣ гласныя принадлежатъ Индрѣ, всѣ согласныя—Мритіу. Индра—богъ Неба, богъ свѣтлаго Воздуха, Мритіу—Смерть. Поэтому мелодія Русскаго языка,—такого нѣжнаго и благозвучнаго въ своемъ упоеніи гласными,—во-истину полна лиризма

жизни, а строгая музыка Польскаго языка,—столь церковно-звучнаго и бранно-суроваго,—цѣликомъ построенаго на красотѣ согласныхъ,—говорить о трагизмѣ битвы и смерти.

Истинно-Католическая точка зрѣнія замкнута въ четыре слова: «Нѣтъ Дьявола—нѣтъ Христа». Логично, справедливо, вѣрно, и кто-жъ, въ инстинктѣ самосохраненія, создалъ Демонологию, какъ не католическое Христіанство. Приемлю полностью. Но все жду въ добрыхъ Христіанахъ хоть тѣни благодарности къ естественному ихъ благодѣтелю, давшему имъ возможность историческаго существованія. Когда-жъ наконецъ они опомнятся и построятъ хоть одинъ храмъ—Дьяволу? А впрочемъ, когда подходишь къ Notre dame de Paris, не знаешь, кому въ точности этотъ храмъ посвященъ—Богу или Дьяволу. Я вспоминаю также—и зачѣмъ они такъ скоро забыты, эти сценическія роскошества?—литургіи Святой Инквизиціи. Долгими ночами осенними, когда безконечныя капли дождя стекаютъ по тусклымъ стекламъ, я перевожу счетъ дождевыхъ этихъ капель на красную роспись всѣхъ капель крови, сгорѣвшихъ на кострахъ, пролившихся подъ мечомъ и кинжаломъ тайнаго убійцы, капель крови, поблѣднѣвшей въ тюрьмахъ и монастыряхъ, капель крови, потускнѣвшей, похладѣвшей, извратившейся подъ Сатанинскій шопотъ лгущихъ, клеветующихъ, лживо крестящихъ, лживо вѣнчающихъ, лживо и нагло разлучающихъ будто-христіанскихъ священниковъ, я считаю капли за каплями, капли—потoki—дожди неисчетной крови, пролившейся въ наивныхъ странахъ, которыя, какъ Перу и Мексика, гостепріимны были къ палачамъ, я считаю то, что не уложишь въ слова, но что можно было положить на ложе пытки, что досель кладутъ на ложе пытки.

И я вижу, что число храмовъ Дьяволу превышаетъ число всѣхъ храмовъ иныхъ, и число литургій Сатанинскихъ—въ томъ же разрядѣ чисель, въ которомъ и песокъ морской.

Когда одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ убійць, грабитель и воръ, историческій разбойникъ Писарро, наконецъ, привлекъ на себя немилосердный, но справедливый, самосудъ, онъ, хотя ужъ былъ и старъ, защищался съ той храбростью и ожесточенностью, которыя характеризуютъ хищныхъ животныхъ. Онъ имѣлъ однако дѣло съ нѣсколькими и упалъ на полъ, въ лужу крови. Видя, что смерть тутъ, онъ обмакнулъ палецъ въ эту кровавую лужу и начерталъ крестъ, наклонился, чтобы поцѣловать его, въ это время еще ударъ—и убійца былъ добитъ. Завершительный кровавый узоръ замѣнилъ ему исповѣдника и отпущеніе грѣховъ. По красной тропинкѣ нѣкоторые люди входятъ въ прекрасный Рай.

Аверроэсъ сказалъ, что бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода. Я не рѣшилъ, отчего происходитъ красный цвѣтъ,—отъ брызнувшей ли крови, пролитой Каиномъ, или отъ трепетаній божьей коровки надъ первымъ цвѣткомъ.

Въ дѣтствѣ, какъ и сейчасъ, я не испытывалъ ни страха, ни отвращенія къ ящерицамъ и къ змѣямъ, столь свойственнаго какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ. Ящерица всегда мнѣ казалась самымъ гибкимъ, проворно-красивымъ и умнымъ звѣрькомъ, а змѣя возбуждала то любопытство и тотъ почтительный интересъ, который овладѣваетъ дѣтьми, когда имъ читаютъ старшіе сказку о невѣдомыхъ странахъ. Я любилъ ящерицу не только за красоту, но

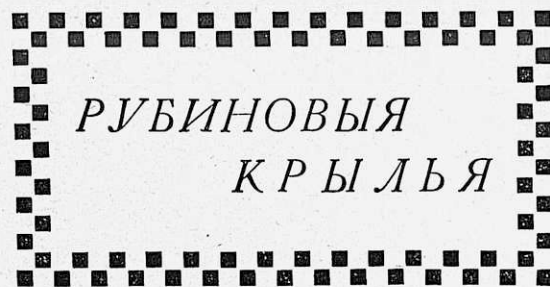
и за ту удивительную внимательность, съ которой эти уклончивыя существа слушаютъ музыку. Когда въ деревенскомъ нашемъ домѣ моя мать начинала играть на фортепьяно, я убѣгалъ въ садъ и тихонько подкрадывался къ одному мѣсту стараго забора. Изъ расщелины всегда показывалась ящерица—я былъ остороженъ, но она меня не боялась, и слушающихъ по особенному ту музыку, что раздавалась въ саду, всегда бывало двое. Тайнственную же сущность змѣи я понялъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Деревенскіе мальчишки поймали въ расщель змѣю и стали избивать ее съ немилосердною жестокостью. Я стоялъ въ сторонѣ, онѣмѣвшій и утраченный этой звѣрскостью малыхъ людей. Впрочемъ, змѣя конечно же вѣдь была ядовитая. Били палками нещадно. Убили наконецъ. И бросили въ рѣчку, что протекала близъ мѣста казни. Злорадные лица съ любопытствомъ наклонились надъ водою, чтобъ взглянуть, какъ будетъ тонуть трупъ змѣи. Водою однако крестятся, надо думать, не только люди, дабы получить жизнь истинную. Едва погрузившись въ воду, змѣя ожила, сдѣлала предъ изумленными убійцами нѣсколько волнообразныхъ движеній, отплыла, поплыла, и пристала напротивъ, и скрылась межъ травъ—на томъ берегу.

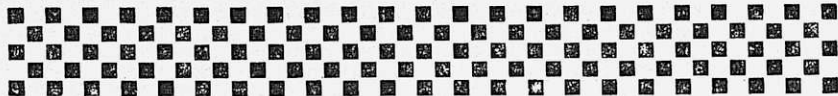
Когда я спалъ, мнѣ привидѣлся сонъ, въ которомъ былъ зеркальный блескъ, холодъ глубинъ, и черный цвѣтъ, и красный. Я былъ въ высокомъ чертогѣ, построенномъ изъ чернаго дуба, изъ котораго строили свои нетлѣнные корабли-драконы неустрашимые Викинги. Посреди чертога былъ круглый черный столъ, и сидѣнья были черныя, и полъ былъ изъ чернаго мрамора. На стѣнахъ, справа и слева, какъ Солнце и Луна, были два круглыя зеркала, одно

поболѣе, другое поменьше. Были ли окна въ чертогѣ, я не знаю, ибо двѣ другія стѣны были затянута красными занавѣсями. Они были очень красныя, и цвѣтъ ихъ былъ очень живой. И мнѣ хотѣлось поглядѣться на себя, и я зналъ, что я бѣлый, но въ кругломъ столѣ, за которымъ я сидѣлъ, я возникалъ какъ черный, а дотянуться до зеркалъ не могъ, ибо они были высоко. И мнѣ хотѣлось узнать, есть ли окна въ чертогѣ, и есть ли что-нибудь за стѣнами его, но я видѣлъ только красныя занавѣси, и, когда я хотѣлъ ихъ отодвинуть, они становились живыми, и то, что на нихъ было изображено, становилось живымъ, и не дозволяло мнѣ прикоснуться къ стѣнамъ. А изображенія на занавѣсяхъ были разныя. Тамъ были красныя цвѣты, какъ бы розы и кактусы, и на нихъ было много шиповъ, усложнявшихъ ихъ стебли. Тамъ были красныя угли темныхъ кузницъ, и изъ горновъ дышалъ нестерпимый жаръ. Тамъ были, какъ угли горящія, волчьи глаза въ лѣсу, они грозили, и въ лѣсу нельзя было ходить. Тамъ были игры живыхъ существъ, которыя въ шутку разрывали другъ друга, и изъ свѣже-разорванныхъ тѣлъ текла кровь. Тамъ были красныя восходы весеннихъ дней и ярко-красныя закаты дней осеннихъ, и прежде чѣмъ успѣвали глаза оглядѣть восходъ, закатъ уже зажигался пожаромъ, и дымъ былъ грязный. Тамъ были еще красныя ягоды, и красныя плоды, и красныя тонкія ткани на красныхъ тканяхъ грубыхъ, и много красныхъ мотыльковъ, ненавистныхъ оттого, что ихъ было такъ много, и были тамъ красныя жалящія мухи, онѣ жужжали, кружились, звенѣли, жужжали, ползали, касались, все трогала, всюду падали, все заслоняли, и жалили, и цѣплялись щупальцами, лапками. Терпѣть больше было нельзя. Вскочить я не могъ, мѣсто держало крѣпко, но мученье было такъ велико,

что все это вспыхнуло, и чертогъ превратился въ корабль-драконъ, и драконъ уплылъ въ Море, которое было чернаго цвѣта, хотя по краямъ оно все было освѣщено заревомъ.

Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.
1907. Августъ.

РУБИНОВЫЯ КРЫЛЬЯ.

Видѣніе.

ЖАРЬ-ПТИЦА, она же Царь-Дѣвица, она же Елена-Краса, она же Василиса Премудрая, крылатая душа, дѣвушка-женщина, Бѣлая Лебедь, ставшая любовницей Пстока и женой его, Лиховидѣвна, знающая вмѣнины тайны, юная княжна Забава, отдающая нѣжное свое тѣло Соловью Будиміровичу, въ саду, гдѣ чаруетъ весеннее вишенье, Польская Ванда, бывшая панной, а ставшая влагой, которая свѣтитъ, поетъ, журчитъ, и журчитъ, и скажетъ слушающимъ много тайнъ, но никогда не расскажетъ своей тайны. Жарь-Птица—это утренній свѣтъ, таящій въ своей изумрудно-жемчужной нѣжности возможности всѣхъ пожаровъ, Жарь-Птица—рубиновыя крылья, заколдованный садъ, такой воздушный, непостижимый, что вокругъ него тянутся незримыя струны, и чуть, хоть самымъ легкимъ касаньемъ, тронешь одну тонкую струну, запоетъ тотъ садъ, запоетъ хрустальный замокъ, запоютъ всѣ звоны, какіе есть въ мірѣ, отъ дѣтскихъ колокольчиковъ, чей звонъ нѣжнѣе бѣлыхъ колокольчиковъ влюбленнаго ландыша, до звенящаго рокота угрозъ, до набата, звучащаго въ дымѣ пожаровъ до желзнаго гула, говорящаго глухо о тайнахъ и ужасахъ

смерти. Жарь-Птица, Жарь-Птица, кто увидѣлъ тебя, кто услышалъ однажды твой голосъ-напѣвъ, зрачки того сдѣлались болѣе глубокими, принявъ въ себя отблескъ самопвѣтныхъ камней, и голосъ того можетъ говорить душѣ, какъ говорятъ цвѣтамъ лучи Мѣсяца и Солнца. Жарь-Птица живетъ въ хрустальномъ замкѣ, а Орфей сказалъ, что солнечный свѣтъ, проходя черезъ горный хрусталь, зажигаетъ огонь, который издревле зовется священнымъ Огнемъ. У Жарь-Птицы рубиновые крылья, а средневѣковые маги знали, что карбункулъ, иначе красный рубинъ, иначе ликъ или цвѣтъ огня, отъ Солнца пмѣетъ даръ свѣтить въ темнотѣ и быть надлежащимъ оружіемъ противъ отравы. Гдѣ Жарь-Птица, тамъ свѣтитъ сіяніе жизни, камень-изумрудъ, а Раззсъ, врачъ Арабскій, наблюлъ, что, если ехидна глядитъ на изумрудъ, слѣпнутъ у ней глаза. Слѣпнутъ глаза, которые могутъ ранить, исчезаютъ ковы сглаза, ослабѣваютъ злыя силы Земли и души человѣческой, раздвигаются вольные зеленые просторы, и горитъ хризолитно, отъ края до края, безсмертное Море, тамъ, гдѣ на мигъ показалась Жарь-Птица, цвѣтокрылая птица пѣвцовъ и влюбленныхъ, длиннокрылая птица Славянъ.

Въ Славянскихъ народныхъ глубинахъ—безчисленность сложныхъ замысловъ, въ нихъ дремлютъ исполины, въ нихъ дышатъ грузныя чудовища, проходятъ стройныя фигуры, тѣла, которые хочется назвать душами, мелькаютъ тѣни Боговъ свѣтлоглазыхъ, лютней звучитъ народный стихъ, слышится воркотня сказки, сдѣлетъ вѣковое преданье, возникаетъ предѣльность всѣхъ полюсовъ души, гудитъ былинный гулъ со всѣмъ его безумнымъ разгуломъ и размахомъ, пролепечетъ ручеекъ дѣтской пѣсенки, обрамленной глазками синихъ незабудокъ, застонетъ на-

пѣвъ Олонецкихъ плакальщицъ, встанетъ изъ-подъ сѣраго камня Горе, и долгій затянется свирѣльный звонъ. Долгій, какъ день, когда ждешь желаннаго, долгій, какъ ночи осення, долгій и печальный, какъ нить жизни, широкій, какъ Южная Русская степь, бездонный, какъ затонъ лѣсныхъ озеръ, шепчущій, стонущій, какъ шорохъ осокъ, какъ шелестъ камышей Владимірскихъ болотъ, свѣтящихъ бѣлыми лиліями, печальный, печальный, красиво-печальный, пока не сорвется печаль въ тоску—и тогда сожмутся судорожно руки, и засвѣтитъ въ душѣ ущербный Мѣсяць, а головни среди подоженныхъ домовъ загорятся, какъ страшные красные цвѣты, багровые расцвѣты мести.

Россія—великая деревня, Русская пѣсня и Русская сказка—это два цвѣтка, полевой и лѣсной, двѣ травинки луговая и болотная, луговая и степная. Мы жалко дышемъ дыханьями Города, злого Города съ его громадами домовъ, закрывающихъ Солнце, искажающихъ Небо, шлющихъ въ синеву грубые дымы, и ставящихъ маяками кошмаръ фабричныхъ трубъ. Городъ—насильственно слитное множество, гдѣ каждое существо обращаетъ къ другому колючки, а разстаться не хочетъ, а разстаться не можетъ. И всѣмъ потому тамъ неловко молчать. И всѣмъ потому тамъ говорятъ, и всѣмъ лгутъ. Заражая другъ друга, оскверняютъ себя.

Сколько въ Городѣ дверей,—вы подумали объ этомъ?

Сколько оконъ въ высотѣ по ночамъ змѣнится свѣтомъ?

Сколько зданій есть иныхъ, тяжкихъ, мрачныхъ, непреклонныхъ,

Ододверчатыхъ громадъ, ослѣпленно-безокононыхъ.

Склады множества вещей, въ жизни будто бы
полезныхъ,

Убіеніе души—ликомъ стѣнъ, преградъ желѣз-
ныхъ.

Удавленіе сердець, наклоненными надъ нами
Натѣсненьями камней, этажами, этажами.

Семьярусныхъ гробовъ. Ты проходишь коридо-
ромъ.

Предъ враждебностью дверей ты скользишь сму-
щеннымъ воромъ.

Потому что ты одинъ. Потому что камни ды-
шутъ.

А задверныя сердца каменѣютъ и не слы-
шутъ.

Повернется въ дыркѣ ключъ—постучи—увидишь
ясно,

Какъ способно быть лицо неподходно-без-
участно.

Ты послушай, какъ шаги засмѣялись въ кори-
дорѣ.

Здѣсь живые—сапоги, и безжизненность—во
взорѣ.

Замыкайся ужь и ты и дыши дыханьемъ
Дома.

Будетъ впредь и для тебя тайна комнаты зна-
кома.

Стѣны лѣтопись ведутъ и о петляхъ повѣству-
ютъ.

Окна—дьяволовъ глаза. Окна ночи ждуть. Кол-
дуютъ.

Колдуютъ, но лживо. Наколдовываютъ, а не заколдо-
ываютъ. Не очарованье, а сглазь. Городъ—лживый ча-
родѣй, и городская греза свита изъ уличныхъ грохотовъ,
захватанныхъ словъ и густыхъ выдыханій Дома. Здѣсь
возникаетъ, съ дѣтства намъ знакомый, но не по-дѣтскому
страшный, духъ Домовой.

Неуловимымъ видѣньемъ, неотрицаемымъ взо-
ромъ,

Онъ таится на плоскости стѣнъ,
Ночью въ хозяйскихъ строеніяхъ бродитъ дозо-
ромъ,

Тайностью вѣетъ, и волю свѣваетъ,

Умы забираетъ

Въ домовитый свой плѣнъ,

Сердцу внушаетъ, что дома уютно,

Что вотъ эти часы такъ приятно стучатъ,

Что внѣ дома быть дурно и прямо безпутно,

Что отраденъ очагъ, хотъ и связанъ съ нимъ чадъ.

Расцвѣчаетъ на старыхъ обояхъ узоры,

Еле слышно на нихъ пошептавъ,

За окномъ—тамъ болота, тамъ темныя горы.

Не ходи. И колдуютъ безстрастные взоры,

Такъ прозрачно глядятъ, какъ на птицу удавъ.

Задержалъ уходящаго. Томно такъ стало.

Что отсюда идти? Всюду то же, одно.

Да и съ вѣшалки шапка куда-то упала.

И въ сѣняхъ такъ темно. И враждебностью
смотреть окно.

Посиди на печи. Полежи. Или въ сердцѣ все
порохъ?

Спи. Усни. Дышетъ жарко. Мерцаетъ. И хо-
чется спать.

Въ мірѣ брошены мы. Кто-то спитъ.

Что-то есть. Чу, шуршитъ.

Наползающий шорохъ.

И невидимый кто-то къ кому-то, кто зримъ,
подобрался, налегъ на кровать.

Между стѣнъ развивается дымное зрѣлище
духа.

Что-то давить,—какъ будто мертвецъ, на ми-
нуту живой,

Ухватился за горло живого, и шепчетъ такъ
глухо

О тяготахъ земныхъ. Отойди, отойди, Домовой.

Мы читаемъ великія космогоніи и прошедшія по міру эпопеи. Мы прикасаемся къ Индусскимъ «Ведамъ», къ Мексиканскому «Пополь-Ву», къ «Зендъ-Авестъ» суровыхъ Персовъ, къ Скандинавской «Эддѣ» съ ея Однимъ и Бальдеромъ, къ Финской «Калевалѣ», гдѣ чаруетъ Вейнэ-мейнэнь, Орфей, измѣненный дыханьемъ мороза,—но вѣдь всѣ эти вѣщія руны создались не въ рокотѣ Города. Небо и Море—тамъ, гдѣ Одинъ съ могучими воронами, гдѣ свѣтлоглазый Бальдеръ, нашедшій свой смертный костеръ, костеръ, возрождающій на морскихъ волнахъ, какъ Мексиканскій богъ Воздуха, изумрудно-перистый Кветцалькоатль, сгорѣвшій на грани слиянія Земли, Неба и Моря, чтобы стать Вечерней Звѣздой. Великія космогоніи и живущія вѣка преданія, пѣсни и сказки создаются въ умахъ людей, которые еще не порвали священнаго союза съ чарованьями вѣтра, лѣса и луга, съ колдованьями горъ и зеркальных водоемовъ, лелѣющихъ влагу текущую и влагу стоячую, съ шопотами травъ, которыхъ не касалась человѣческая рука, съ благово-неніями цвѣтовъ, которыхъ не посадилъ никто, за которыми не смотрѣлъ, не подсматривалъ заботливый, и своею заботой стѣсняющій, краски мѣняющій, глазъ человѣка. Лишь души, цѣлующія Землю, и движущіяся подъ Небомъ, вольнымъ отъ закрытостей, съ первородною смѣлостью и своеобразіемъ ставятъ и разрѣшаютъ вопросы, касающіеся всего полярнаго въ Природѣ и въ душѣ Человѣка. Ставятъ и разрѣшаютъ, а если разрѣшенія нѣтъ, создаютъ красивую легенду, и, бросивъ на нее золотистый свѣтъ и серебряный, дѣлаютъ ее крылатой, и велятъ ей бродить по вѣтрамъ, будя и создавая загадки въ сознаніяхъ, способныхъ почувствовать горючій огонь и воздушныя паутинки.

Въ вольныхъ просторахъ зеленыхъ пространствъ, исполненныхъ вѣщаньями подземныхъ говоровъ и шопотовъ надземныхъ, создались и талисманы Славянской пѣсни и Славянской сказки. Потому и захватъ Славянскаго народнаго творчества первородень, какъ Земля, и окружно-богаты, какъ Лазурь небесной выси.

Пользуясь призмой поэтического воспріятія, беря въ руки волшебное зеркало художественнаго возсозданія, я подхожу къ замысламъ Славянской народной фантазіи,—иду къ своей душѣ отъ души народной и вижу, что Русское, Польское, Славянское народное творчество есть Морское Око, всеобъемлющее Морское Око.

Я прикасаюсь къ преданьямъ—и моя душа поетъ.

Вотъ, у насъ есть весь горизонтъ, весь, какъ говорятъ. Поляки, край-образъ. Мы, Славяне, знаемъ, что было въ началѣ Временъ. И въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, изъ одного Славянскаго края къ другому, вплоть до разночтенія, возникшаго въ умѣ современнаго поэта, идетъ объ этомъ пѣвучее сказанье.

Въ началѣ временъ

Вездѣ было только лишь Небо да Море.

Лишь дали морскія, лишь дали мірскія, да свѣт-
лый бездонный вкругъ нихъ небосклонъ.

Въ началѣ временъ

Богъ плавалъ въ ладѣ, въ неприютномъ, въ
безбрежномъ просторѣ,

И было повсюду лишь Небо да Море.

Ни лѣса, ни травки, ни горъ, ни полей,

Ни блеска очей, Міръ—безъ сновъ, и ничей.

Богъ плавалъ, и видитъ—густая великая пѣна,

Тамъ Кто-то лежитъ.

Тотъ Кто-то невѣдомый тайну въ себѣ сторо-
жить,

Названіе тайной мечты—Перемѣна,
 Не видно ея никому,
 Въ нѣмой сокровенности—дѣйственно-страшная
 сила,

Но Морю и Небу значеніе пѣны въ то время
 невѣдомо было.

Богъ видитъ Кого-то, и лодку направилъ къ нему.
 Невѣдомый смотритъ изъ пѣны, какъ будто-бы
 что запримѣтилъ:

«Ты кто?» вопрошаетъ Господь.

Причудливо этотъ безвѣстный отвѣтилъ:—

«Есть Плоть, подлежащая Духу, и Духъ, устре-
 мившійся въ Плоть!»

Кто я, расскажу. Но начально
 Возьми меня въ лодку свою».

Богъ молвилъ: «Иди». И протяжно затѣмъ, и
 печально,

Какъ будто бы издали голосъ раздался всту-
 пившаго съ Богомъ въ ладью.

«Я Дьяволь». И молча тѣ двое поплыли,

Въ своей изначальной столь разнствуи силѣ.

Весло, разрѣзая, дробило струю.

Тѣ двое, тѣ двое.

Кругомъ—только Небо да Море, лишь Море да
 Небо нѣмое.

И Дьяволь сказалъ: «Хорошо, если-бъ твердая
 встала Земля,

Чтобъ было намъ гдѣ отдохнуть». И, весломъ
 шевеля;

Богъ вымолвилъ. «Будеть. На дно опустишь ты
 морское,

Пригоршню песку набери тамъ во имя мое,

Сюда принеси, это будетъ Земля, Бытіе».

Такъ сказалъ и умолкъ въ совершенномъ покоѣ.

А Дьяволь спустился до дна,

И въ Морѣ глубокомъ,

Сверкнувши въ низинахъ тревожныхъ возжа-
 ждавшимъ окомъ,

Двѣ горсти песку онъ собралъ, но во имя свое,
 Сатана.

Онъ выплылъ, ликуя, играя,
 Взглянулъ—ни песчинки въ рукѣ,
 Взглянулъ, подивился,—сводъ Неба предъ этимъ
 сіялъ и синѣлъ вдалекѣ,

Теперь—отодвинулась вдвое и втрое надъ нимъ
 высота голубая.

Онъ снова къ низинамъ нырнулъ,
 Впервые на Морѣ былъ бѣшенный гулъ,
 И Небо содвинулось, дальше еще отступая,
 Какъ будто хотѣло сокрыться въ бездонностяхъ,
 прочь.

Приблизилась первая Ночь.

Вотъ Дьяволь опять показался. Шумнѣй онъ
 дышалъ и свободнѣй.

Въ рукѣ золотилися зерна песку,
 Изъ бездны внесенныя въ высь, во имя десницы
 Господней.

Изъ каждой песчинки — Земли создалось по
 куску.

И было Земли ровно столько, какъ нужно,
 Чтобъ рядомъ улечься обоимъ имъ дружно.
 Легли.

Къ Востоку одинъ, и на Западъ другой.

Несчетныя звѣзды возникли вдали,

Надъ бездной морской,

Жемчужно.

Быль страненъ, нежданенъ во влажностяхъ гулъ.

Богъ спалъ, но не Дьяволь. Богъ крѣпко заснулъ,

И сталъ его Темный толкать потихоньку,

Толкать полегоньку,

Чтобъ въ Морѣ упалъ онъ, чтобъ въ Безднѣ
 Господь потонулъ.

Толкнетъ,—а земля на Востокъ все шире,

На Западъ толкнетъ—удлинилась Земля,

На Югъ и на Сѣверъ—мелькнули поля,

Все ярче созвѣзды въ раздвинутомъ Мирѣ,

Все шире на Морѣ ночная Земля.
 Все больше, грознѣе. Гудятъ водопады,
 Чернѣютъ провалы разорванныхъ горъ.
 Гдѣ-жь Богъ? Онъ межъ звѣздъ, тамъ, гдѣ звѣздъ
 мириады!

И врагъ ему Дьяволъ съ тѣхъ поръ.

На этомъ океанически-величественномъ горизонтѣ нашей Славянской міротворческой мечты вырастаетъ развѣсистое древо пѣвучихъ вымысловъ, съ своими золотыми яблоками, съ бьющимися изъ-подъ корней его ключами живой и мертвой воды.

Носятся души, раскрываются глубины. Носятся въ синемъ Небѣ бѣлые голуби, и свѣваютъ съ своихъ крыльевъ на Землю заоблачныя сіянія. Славянскій геній поетъ, и возникаетъ для столѣтій «Голубиная Книга». Прикасается къ этой великой Книгѣ впечатлительность нашихъ дней, и возникаетъ «Книга Глубинная».

Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
 Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—
 длинная,

Выпадала вмѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ
 могучая,

Книга-Исповѣдь глубинная,
 Тучей брошенная къ намъ,
 Растянулась, распростерлась по равнинамъ, по
 горамъ.

Долинѣ та книга будетъ—описать ее нельзя.
 Пеперечина—помѣрай, истомить тебя стезя.
 Буквы, строки — чащи лѣса, расцвѣченные
 кусты,

Эта Книга — изъ глубинной безпричинной вы-
 соты.

Къ этой Книгѣ ко божественной,
 Въ день великій, въ часъ торжественный,

Соходились сорокъ мудрыхъ и царей,
 Сорокъ мудрыхъ, и несчетность разномысля-
 щихъ людей.

Царь Всеславъ до этой Книги доступается,
 Съ нимъ вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
 Передъ ними эта Книга разгибается,
 И глубинное писанье расцвѣчается,
 Но не полно означается узоръ.

Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
 А хотя бы и поднять—такъ не сдержать ее,
 А ходить по ней—не выходить картинную,
 А читать ее—прочестъ ли тьму глубинную.
 Но вѣдунъ подходитъ къ Книгѣ, Свѣтловзоръ,
 И подходитъ царь Всеславъ, всепобѣдительный,
 Духъ у нихъ, какъ и у всѣхъ, въ тѣлесный
 скрытъ цвѣтной уборъ,

Но другимъ всѣмъ не въ примѣръ горитъ въ
 нихъ свѣтъ нездѣшній, длительный.

Царь Славянскій вопрошаетъ, отвѣчаетъ Свѣтло-
 взоръ.

«Отчего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ,
 Но доселѣ, въ долги годы, въ людяхъ свѣта
 нѣтъ?»

Отчего у насъ горитъ Солнце красное?
 Мѣсяць свѣтель серебритъ Небо ясное?

Отчего сіяютъ ночью звѣзды дружныя,
 А при звѣздахъ все-жь глубоки ночи темныя?
 Зори утренни, вечернія—жемчужныя?

Дробень дождикъ, вѣтры буйныя, бездомныя?
 Отчего у насъ умъ-разумъ, помышленія?

Міръ—народъ, какъ Море, сумрачный всегда?
 Отчего всей нашей жизни есть круженіе?

Наши кости, наше тѣло, кровь-руда?»
 И вѣдунъ со взоромъ свѣтлымъ тяжело дышалъ,
 Передъ Книгою Глубинной онъ отвѣтъ царю
 держалъ.

«Бѣлый свѣтъ у насъ зачался отъ хотѣнья
 Божества,

И отъ рыбъ по Морю тучи серебристыя пошли.
И летѣли птицы въ Небѣ, словно дымъ стояль
вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синихъ
горъ.

Зайцы, волки и медвѣди все тревожатся съ
тѣхъ поръ.

И протяжно на озерахъ кличетъ стая лебедей.
Ибо Волкъ родился въ мѣрѣ, соколъ, волкъ онъ,
туръ и змѣй.

Оттого въ степи и въ чащахъ звѣрь намъ радость,
не бѣда.

И змѣею наша пѣсня длится, тянется всегда.
Оттого и вѣщій Волховъ именитъ среди стихій,
Чародѣемъ онъ зовется, вѣковой рѣчной нашъ
змѣй.

И по сушѣ, и по Морю всюду въ мѣрѣ, далеко,
Прозвучитъ въ столбѣтахъ пѣсня про богатаго
Садко.

Среди безмѣрныхъ пространствъ, занятыхъ Славянскими племенами, естественно возникаютъ исполинскіе облики богатырей и тонко очерченные лики чарователей, красота которыхъ узывчиво-соблазнительна. Мы встрѣчаемся въ Русскихъ былинахъ съ особымъ, первородно-цѣннымъ, заколдованнымъ міромъ, соединившимъ чарованія личности съ чарованіями Природы. Горы и степи какъ будто вступають въ братскій союзъ съ людьми. Свѣтогоръ, котораго Земля не можетъ больше держать на себѣ, предъ смертью свершаетъ мистерию побратимства съ Владимѣрскимъ мужикомъ, Ильей Муромцемъ. и отдаетъ ему свой всепобѣдннй мечъ - кладенецъ съ лезвіемъ, чья сила ограничена лишь золотою гробницей, замыкающей въ себѣ тайну Природы, порождающей изъ нѣдръ своихъ дива, какихъ она сама не выноситъ. Свѣтогоръ, чей образъ—какъ свѣжная

вершина Эльбруса, озаренная Солнцемъ, смиряетъ свою гордость предъ другимъ творческимъ гениемъ Пашни, предъ мощнымъ и малословнымъ Микулой Селяниновичемъ, несущимъ таинственную суму. Свѣтогоръ видитъ его идущимъ, и не можетъ догнать на своемъ богатырскомъ конѣ. Свѣтогоръ умѣряетъ быстроту коня, а тотъ идетъ себѣ ровно, не обращая вниманія, и, когда Свѣтогоръ проситъ бесѣды, онъ не возбраняетъ встрѣчѣ и бесѣдѣ, и кичливый богатырь не можетъ поднять мужицкую суму, въ которой земная тяга, исполинъ природныхъ силъ, гуляка Стихій, узнаетъ отъ таинственно-скромнаго пахаря свою судьбу. Микула посылаетъ его къ загадочному кузнецу, который куетъ судьбы подъ Древнимъ Древомъ. Молчальникъ, пронзающей Землю сохой, сильнѣе самой Земли, онъ ея тайна и ея безмолвная красота. Пройдутъ столбѣтія отъ исполиновъ до людей, и вмѣсто Свѣтогора, спящаго въ золотой гробницѣ, окованной неразрывными обручами, Микулу будетъ вопрошать человѣчекъ нашихъ дней, но немного будетъ говорить съ нимъ Микула.

Хочется заново спѣть свѣжую пѣсню въ честь засѣвателя сумрачныхъ пашень, въ честь создателя желтыхъ ржаныхъ и пшеничныхъ морей.

Ай же ты, Микула Селяниновичъ, Мужикъ,
Ты за сколько тысячъ лѣтъ къ землѣ своей
привыкъ?

Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ ты водилъ сохой?
Вѣкъ придетъ, и вѣкъ уйдетъ, вѣченъ образъ
твой.

Лошадь у тебя была, не красна на видъ,
А взметнется да заржетъ, облако гремитъ.
Ходитъ, ходитъ, съ бороздой борозда дружна.
Свѣтель Кіевъ, — что мнѣ онъ? Пашня мнѣ
нужна.

Сколько долгихъ тысячъ лѣтъ строить города,
Строятъ, нѣтъ ихъ,—а идетъ въ полѣ борозда,
И Микула новъ свѣтитъ, съ пашней говоритъ,
Ель онъ вывернулъ, сосну, въ борозду валитъ.
Ѣхаль тутъ какой-то князь, витязь, что ли, онъ,
Подивился, посмотрѣлъ, — гуль въ землѣ и
стонъ.

«Кто ты будешь?» говоритъ. «Въ толкъ я не
возьму.

Какъ тебя, скажи, назвать?» говоритъ ему.
А Микулушка взглянулъ, лошадь подхлестнулъ,
Крикнулъ весело, — въ лѣсу стонъ пошелъ и
гуль.

На наряднаго того поглядѣлъ слегка,
На такихъ онъ чрезъ вѣка смотритъ свысока.
«Вотъ какъ ржи я напахалъ, къ дому выволочу,
Къ дому выволочу, дома вымолочу.
Наварю гостямъ я пива, кликнутъ гости въ
торжество:

Вѣкъ крестьянствовать Микулъ, мѣръ — его,
земля — его».

На ряду съ дышащими стихійной энергіей обликами
Свѣтогора, Муромца и Микулы, на весенне-нарядныхъ
тканяхъ народной мечты возникаютъ лики нѣжные, плѣ-
няющіе тонкостью рисунка, завлекающіе какой-то жен-
ственной красотой, я сказалъ бы—чаруютъ той сладостью,
которая ворожитъ намъ въ воздушныхъ созданьяхъ ла-
зурно-золотой Итальянской живописи. Озаренные улыбкой
и грезой образы нашихъ соблазнительей и мечтателей.
Потокъ, о чемъ-то таинственно думающій, когда кругомъ
всѣ пируютъ, и влюбляющійся потомъ въ Бѣлую Лебедь,
которая таитъ въ лебединомъ своемъ ликѣ вѣдѣныя всѣхъ
колдованій, и женскую красоту, и женскую любовь, столь
причудливую и безконечную, что нужно пройти чрезъ

возможность смерти, чтобы воистину приблизиться къ воз-
можности полного счастья любви. Соловей Будимировичъ,
возлюбившій узорные корабли, цвѣтные яхонты, и за всѣ
дары, привезенные въ Кіевъ, желающій имѣть—лишь уго-
локъ въ саду княжны Забавы. Будящій мѣръ любви, весе-
лый Соловей знаетъ, что дѣлать. Онъ зоветъ съ своего
червленаго корабля рабочихъ людей и говоритъ:

Вы берите-ка топорыки булатные скорѣй,
Снарядите дворъ въ саду мнѣ, межъ узорчатыхъ
вѣтвей,

Гдѣ Забава спитъ и грезитъ, въ часъ какъ Ночь
въ звѣздахъ идетъ,
Въ часъ, какъ цвѣтомъ, бѣлымъ цвѣтомъ часто
вишене цвѣтеть.

И теремъ, который задумываетъ для любви Соловей
Будимировичъ, неотразимъ, ибо онъ въ немъ отображаетъ
и Солнце, и Мѣсяцъ, и звѣздныя зори. Не по-простому онъ
любитъ, а по-мудреному, сердце его заглядываетъ въ дру-
гое, загрезившее сердце, черезъ тонкую область слиянья
Земли и Небесъ, все, что есть красиваго въ мѣрѣ, онъ
сливаетъ въ одну хрустальность—и въ этотъ хрустальный
затонъ можетъ ли не заглядѣться душа. Юная княжна, про-
снувшись, изумляется сновидѣнью наяву, узорность зоветъ
ее, сердце ея ждетъ, сердце ея уже любитъ, ибо дѣвиче-
ское сердце, не размышляя, чувствуетъ вниманье другой
души, и вѣрно оцѣниваетъ степень любовной вниматель-
ности. Оцѣниваетъ—о, гадкое слово — чувствуетъ, просто
чувствуетъ, — и что-то влечетъ, въ себя вовлекаетъ эту
дѣвическую утреннюю нѣжность.

Вотъ идетъ Забава въ садъ свой, межъ цвѣтовъ
идетъ Княжна,
Теремъ первый — въ немъ все тихо, золотая
тамъ казна.

Ко второму—за стѣнами потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ въ немъ, все молитву тамъ
творять.

Подошла она ко третьему, стоитъ Княжна,
глядитъ,

Въ третьемъ теремѣ тамъ музыка, тамъ музыка
гремитъ.

Входитъ въ сѣни, дверь открыла, испугалася
Княжна,

Рѣзвыя ноги подломились, видитъ дивное она:
Небо съ Солнцемъ, теремъ съ солнцемъ, въ Небѣ

Мѣсяць, мѣсяць здѣсь,
Въ Небѣ звѣзды, въ Небѣ зори, въ звѣздныхъ

зоряхъ теремъ весь.
Подломились рѣзвыя ножки, Соловей догадливъ

былъ,
Гусли звончаты онъ бросилъ, красную дѣву под-

хватилъ,
Подхватилъ за бѣлыя ручки тутъ Забаву Соловей,

Клалъ ее онъ на кровати изъ слоновихъ костей,
На пуховыя перины, въ обомлѣнныя, положилъ:

«Что жъ, Забава, испугалася?» Тутъ имъ день
поворожилъ.

Солнце съ солнцемъ золотилось, Мѣсяць съ
мѣсяцемъ горѣлъ,

Зори звѣздныя свѣтились, въ сердцѣ жаръ былъ
юнъ и смѣлъ,

Сердце съ сердцемъ, очи въ очи, о, какъ сладко
и свѣтло,

Бѣлымъ цвѣтомъ, всякимъ цвѣтомъ, нѣжно ви-
шене цвѣло.

А въ ту самую минуту гдѣ-то въ предѣлахъ вольнаго
Новгорода играетъ надъ водой другой гуслирь, Садко,
покоряетъ гуслими стихіи, и заставляетъ плясать Воднаго
Царя, и дѣлается богачомъ, и гуляетъ по міру безъ
удержу, доходитъ до морской бездны, до морского дна.

Въ то время, какъ тонутъ корабли и погибаютъ обыкно-
венные люди, Садко своей пѣсней заставляетъ плясать
изумрудноволосое Чудо морей, и смотритъ, какъ свѣтятся
раковины, какъ сіяютъ изогнутыя дуги мѣсяцевъ, какъ въ
великой подводной избѣ висятъ съ потолка самоцвѣтные
камни, какъ все тамъ цвѣтисто и волшебю.

Лампы изъ коралла, изумрудъ-вода,
Такъ бы и дышала тамъ душа всегда.

И въ ту же минуту, тамъ гдѣ-то, гдѣ Море сливается
съ Небомъ, гдѣ Небо алѣетъ невянущимъ огнемъ, на див-
номъ конѣ, обладающемъ вѣщею рѣчью и сказочной ско-
ростью, молодой Стрѣлецъ увозитъ Елену-Красу, напоивши
ее заморскимъ виномъ, и спитъ въ зачарованномъ снѣ
Елена-Краса, а пока они ѣдутъ, во весь ихъ путь золо-
тою ея косою Земля озаряется словно грозюю, словно го-
рятъ рубиновыя молніи, и тихо сіяютъ, на мгновение
вспыхивая, голубыя зарницы, и бѣлыя, и зарницы со
всѣми сіяньями, какія есть въ счастья, въ мечтѣ и влю-
бленности.

И гдѣ-то идетъ на свиданье Чурило, быть можетъ, са-
мый плѣнительный изъ призраковъ, созданныхъ Русскою
народной мечтой. Преданіе о немъ — это переливчатый
узоръ, это цвѣточно вспыхивающій хвостъ павлина.

Въ то время, какъ у ласковаго кіевского Князя идетъ
пиршество, и ужъ будетъ день въ половинѣ дня, и ужъ
будетъ столъ во полу-столѣ, приходятъ охотники и гово-
рятъ, что какіе-то молодцы обездолили лѣса, изловивъ и
пострѣлявъ всю добычу, приходятъ рыболовы и, избитые,
говорятъ, что нѣтъ болѣе рыбы въ рѣкахъ, приходятъ
сокольники, и нѣтъ въ ихъ рукахъ соколовъ. Какіе-то сто-
чужихъ молодцовъ на вольной волѣ куражатся. Чьи мо-

лодцы? Старый Бермята Васильевичъ знаетъ: «Дружина Чурилы». — «А кто же этотъ Чурило?» — «Самъ себѣ господинъ. Дворъ у него богатый на семи верстахъ. Вокругъ двора есть желѣзный тынъ. На каждой тынинкѣ по маковкѣ. По маковкѣ, по жемчужинкѣ. По жемчужинкѣ есть, тѣхъ жемчужинъ не счесть. И свѣтлицы изъ бѣлаго дуба стоятъ посреди двора».

Эти гридни покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ—соболями, а полъ—серебромъ,
А пробой, крюки—все злаченый булатъ,
Предъ свѣтлицами трой ворота стоятъ,
Какъ одни-то рѣзныя, вальящаты тамъ,
А другія хрустальны, на радость глазамъ,
А предъ тѣмъ какъ пройти черезъ стек-
ляныя,

Еще третьи стоятъ, оловянныя.

Князь съ Княгинею ѣдетъ къ Чурилѣ, ибо блескъ привлекаетъ глаза. Старый Пленъ имъ выходитъ навстрѣчу съ почетомъ, и вотъ мы какъ будто въ какомъ-то Восточномъ цвѣтистомъ театрѣ, гдѣ воздухъ такъ прянь отъ курений, и гдѣ такъ пьяно для сердца отъ множества яркихъ тканей. Пленъ ведетъ гостей къ угощенью.

Посадилъ во свѣтлыхъ гридняхъ ихъ за убранны
столы,
Будутъ пить питья медвяны до вечерней позд-
ней мглы.
Только Князь въ оконце глянулъ, закручинился:
«Бѣда!
Я изъ Кіева въ отлучкѣ, а сюда идетъ орда.
Изъ Орды идетъ не Царь ли? Или грозный то
посоль?»
Пленъ смѣется: «То Чурило, сынъ мой, Плен-
ковичъ пришелъ.
Вотъ глядятъ они, а день ужъ вечеряется,

Красно Солнышко къ покою закатается,
Собирается толпа, ихъ за пять сотъ,
Молодцовъ-то и до тысячи идетъ.
Самъ Чурило на могучемъ на конѣ
Впереди, его дружина—въ сторонѣ,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ-цвѣтокъ,
Чтобы жаръ ему лица пожечь не могъ.
Перво-на-перво бѣжитъ тутъ скороходъ,
А за нимъ и всѣ, кто ѣдетъ, кто идетъ.
Князь зоветъ Чурилу въ Кіевъ, тотъ не прочь:
Свѣтель день тамъ, да свѣтла въ любви и ночь.
Вотъ во Кіевѣ у Князя снова пиръ,
Какъ у ласковаго пиръ на цѣлый міръ.
Ликованіе, свирѣльный слышенъ гласъ,
И Чурило препожалуетъ сейчасъ.
Задержался онъ, неладно, да идетъ,
Въ первый разъ вина пусть будетъ невзачетъ.
Старъ Бермята, да жена его душа,
Катеринушка ужъ больно хороша.
Позамѣшкался маленько, да идетъ,
Онъ ногой муравки-травки не помнетъ,
Пятки гладки, сапожки—зеленъ сафьянъ,
Руки бѣлы, свѣтлы очи, стройный станъ.
Вся одежда—драгоценная на немъ
Краснымъ золотомъ прошита съ серебромъ.
Въ каждой пуговкѣ по молодцу глядитъ,
Въ каждой петелькѣ по дѣвицѣ сидитъ,
Застегнется, и милуются они,
Разстегнется, и цѣлуются они.
Заглядѣлись на Чурилу, всѣ глядятъ,
Тамъ, гдѣ дѣвушки, заборы тамъ трещатъ,
Гдѣ молодушки, тамъ звонъ, оконца бьютъ,
Тамъ, гдѣ старыя, платки на шеѣ рвутъ.
Какъ вошелъ на пиръ, тутъ Князева жена,
Лебедь рушила—обрѣзалась она,
Со стыда ли руку свѣсила подъ столъ,
Какъ Чурилушка тотъ Пленковичъ прошелъ.
А Чурило только смѣло поглядѣлъ,

А свирѣльный гласъ куда какъ сладко пѣлъ.
 Пировали такъ, окончили, и прочь,
 А пороша выпадала въ эту ночь.
 Всѣ къ заутрени идутъ, чуть бѣлый свѣтъ,
 Запримѣтили на снѣгѣ свѣжій слѣдъ.
 И дивуются: Смотри да примѣчай,
 Это зайка либо бѣлый горностаи.
 Усмѣхаются иные, говорятъ:
 Горностаи ли были? Тутъ зайка ль былъ?
 Наврядъ.

А Чурило тутъ навѣрно проходилъ,
 Красоту онъ Катерину навѣстидъ.
 Говорили мнѣ, что будто молодецъ,
 На Бермяту натолкнулся наконецъ,
 Что Бермятой былъ онъ будто бы убить,
 Кто повѣдалъ такъ, неправду говорить.
 Ужь Бермятѣ ль одному искать въ крови,
 Чести, мести,—какъ захочешь, такъ зови,
 Не убьешь того, чего убить нельзя,
 Горностаева уклончива стезя.
 Тотъ, кто любить,—какъ ни любить, любить онъ,
 И кровавою рукой не схатишь сонъ,
 Сонъ пришелъ, и сонъ ушелъ, лови его,
 Чуръ меня, желанье сердце не мертво.
 Знаю я, Чурило Пленковичъ красивъ,
 Съ нимъ цѣлуются, цѣлуются, онъ живъ,
 И сейчасъ онъ улыбаяся идетъ,
 Предъ лицомъ своимъ подсолнечникъ несетъ,
 Расцвѣчается подсолнечникъ-цвѣтокъ,
 Чтобы жаръ лицо красивое не сжегъ.

Я говорилъ о призракахъ, созданныхъ Русской народ-
 ной мечтой. Вѣчное сближеніе и вѣчное расхожденіе Ге-
 нія Русскаго языка и Генія Польской Рѣчи даетъ воз-
 можность заглянуть на мгновенье въ таинственныя гор-
 ницы души. Герои Русскихъ былинъ хотятъ любви — и
 достигаютъ ея. Они непремѣнно хотятъ любить, и, любя,

любовно слиться съ желаннымъ. Обладанье — завѣтное
 слово Русской мечты. Но есть и другой полюсъ Красоты.
 Видя любовь, не принять ее. Возбуждая любовь, не брать
 ее. Опрокидывать чувства свои въ непостижимую, въ недо-
 стижимую глубину хрустальнаго затона. Стать озеромъ,
 въ которое глядятъ плакучія вѣтви ивъ и березъ. Стать
 рѣкою, въ которой всѣ чувства могутъ жить лишь какъ
 шепчущій лѣсъ камышей, лишь какъ бѣлыя чаши купавъ,
 озаренныя Новой Луной, лишь какъ тихіе—тихіе ропоты
 души, что прошла чрезъ тѣлесность, и вольно уходитъ въ
 качаніи волнъ къ великой пустынѣ Моря. Образъ, въ ко-
 торомъ, какъ будто въ печальной и свѣтлой зеркальности,
 отразился ликъ Польши, есть образъ Ванды, чье имя есть
 символъ и кличъ для каждаго Польскаго сердца.

Ванда, Ванда, Дѣва Польши, ужь сведенъ съ
 минувшимъ счетъ,
 Свѣтлый приракъ въ глубь принявши, Висла
 медленно течетъ.
 Твой отецъ, о, Панна Влаги, былъ властитель
 Польши, Кракъ,
 Онъ убилъ смолою Змія. Подвигъ тотъ слу-
 чился такъ.
 Змѣй Вавель, въ горѣ пещерной, извиваясь,
 былъ въ гнѣздѣ,
 Истреблялъ людей и нивы, изводилъ стада
 вездѣ.
 Мудрый Кракъ, чтобы искушенъ былъ Змій
 Вавель, хититель злой,
 Начинилъ бычачьи шкуры липко-черною смолой.
 Близъ пещеры, гдѣ темнѣла та змѣиная нора,
 Встали чудища бычачьи, началась въ горахъ
 игра.
 Змѣй Вавель бычачьи шкуры пастью жадною
 пожралъ,

И внутри воспламенился, и, безумствуя, сгораль,
И сгорѣлъ, пробивъ ущелье. Спасъ свою от-
чизну Кракъ.

Городъ Краковъ именитый есть лишь дней ми-
нувшихъ знакъ.

Дочь такого-то героя Ванда стройная была.
Какъ была она надменна! Какъ была она свѣтла!
Много витязей хотѣло Дѣву Польскую плѣнить.
Мысль ничья ей не сумѣла золотую выткать
нить.

Ванда, въ день когда раскрылся красоты ея
цвѣтокъ,

На себя взглянула утромъ въ протекающій
потокъ.

И сказала: «Развѣ можетъ рядомъ съ золотомъ
быть мѣдь?»

Нѣтъ достойнаго мужчины Польской Панною
владѣть».

И молва о Свѣтлоглазой прогремѣла тамъ вдали.
Въ край ея изъ странъ далекихъ Алеманы по-
дошли.

Алеманскій повелитель, пышнокудрый Ритогарь,
Красотою Ванды взятый, плѣнникъ былъ все-
властныхъ чаръ.

И отправились къ ней дважды, трижды къ ней
послы пришли,

Но привѣта Ритогару въ сердцѣ дѣвы не нашли.
Бранный кличъ тогда раздался — нѣтъ добра,
будь геній зла.

Вся дружина Алемановъ копыя длинныя взяла.
Но, хоть длинны, не достали, но, хоть остры,
нѣтъ копыя.

Ты была сполна красива—Ванда, власть сполна
твоя.

Вся дружина Алемановъ, Ванду видя предъ
собой,

Пораженная, какъ Солнцемъ, отступила, кон-
ченъ бой.

Кликнулъ вождь: «Да будетъ Ванда на землѣ и
въ снѣ морскомъ!»
«Ванда въ воздухѣ», воскликнувъ, поразилъ
себя мечомъ.

Чарованье совершилось, отошла звѣзда къ звѣздѣ,
Ванда всюду, звѣздность всюду, на землѣ и на
водѣ.

Пѣсня въ воздухѣ надъ Вислой да не молкнетъ
никогда,

Какъ побѣдный образъ Ванды живъ, пока те-
четъ вода.

Говоря о Польской и Русской душѣ и о способности
Польской души уйти, въ страсти, отъ этой страсти, въ
холодную зеркальность затона, я, конечно, не думаю,
чтобы Поляки были менѣе страстны, чѣмъ Русскіе. Нѣтъ.
Я думаю, что они болѣе страстны,—въ области любви во
всякомъ случаѣ. Уже одинъ Пшибышевскій—достаточно
тому доказательство. И самая утрата своей государствен-
ности—не изъ той ли же сферы явленій? Польская душа,
быть можетъ, болѣе страстная, чѣмъ Русская, но она и
болѣе изящная, а потому въ нѣкоторыя минуты и въ нѣ-
которыхъ вещахъ менѣе размахистая, менѣе первобытная.
Тутъ происходитъ какая-то странная запутанность, пере-
становка — и тотъ, отъ кого можно ждать большаго въ
смыслѣ выявленія природныхъ силъ, въ смыслѣ мощи
первороднаго свѣченія, останавливается на полдорогѣ, или
къ иной уходитъ дорогѣ, ибо, со всей силой страсти мы-
сленно пробѣжавъ извѣстный путь, онъ наталкивается на
свою способность къ изяществу, и въ этомъ обрѣтаетъ
препятствіе. Мы сейчасъ увидимъ любопытный примѣръ.

Русская народная мечта, говоря о любви, доходитъ не
только до кипѣнія страсти, но и опрокидывается въ ка-
кую-то беззавѣтную красивую безшабашность. Тутъ, въ

точномъ смыслѣ, разъ я хочу, чортъ мнѣ не брать. Хочу—и все тутъ. Страсть превращается въ страшность, любовь озаряется ненавистью, мольба обращается въ требованіе, ласка являетъ ликъ истязанія. Съ этимъ огнемъ не шути, а разъ пошутилъ — берегись. Поцѣлуями грезить любовь, грезить нѣжностью, но иногда можетъ вотъ такъ говорить:

Есть поцѣлуи—какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе, до изступленія.
Есть поцѣлуи—какъ снѣгъ холодные,
Есть поцѣлуи—какъ оскорбленіе.
О, поцѣлуи—насилно данные,
О, поцѣлуи—во имя мщенія!
Какіе жгучіе, какіе странные,
Съ ихъ вспышкой счастья и отвращенія!
Бѣги же съ трепетомъ отъ изступленности,
Нѣтъ мѣры снамъ моимъ, и нѣтъ названія.
Я силенъ—волею моею влюбленности,
Я силенъ дерзостью—негодванія.

Душа здѣсь доходить до страшнаго посягновенія. Но не всѣ, однако, посягновенія внѣшне-насилственны. Можно наворожить, колдованьемъ схватить, тоскою взять душу. Если только что прозвучавшія строки могутъ казаться немотивированнымъ воплемъ, крикомъ, донесшимся изъ неслышаннаго нами разговора, вотъ, въ дополненіе, Русскій народный заговоръ, воистину народный, отобразившійся въ напѣвности. Это заговоръ на тридцать три тоски.

Тамъ на морѣ-Океанѣ,
Тамъ на островѣ Буянѣ,
Свѣтитъ камень алатырь,
А кругомъ и даль, и ширь.
На огнѣ тамъ есть доска,
На доскѣ лежитъ тоска,
Не одна тоска, смотри,

Не одна, а тридцать три.
И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски
Вдоль дороги, вдоль рѣки.
Черезъ всѣ пути-дороги,
Черезъ горы крутороги,
Перепутьемъ и путемъ
Мчатся ночью, мчатся днемъ.
Дѣва смотритъ вдоль рѣки,
Вы мечитесь къ ней, тоски,
Къ дѣвѣ киньтесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски.
Киньтесь въ очи, бросьтесь въ ликъ,
Чтобы мѣръ въ глазахъ поникъ,
И въ сахарныя уста,
Чтобы страдала красота.
Чтобы молодецъ былъ ей
Свѣта бѣлаго милѣй,
Чтобы Солнце ослѣпилъ,
Чтобы Мѣсяцемъ ей былъ.
Чтобы плясала для него,
Такъ, не помня ничего,
Чтобы тридцать три тоски
Были въ пляскѣ позвонки.
Чтобы кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нѣжна.

Мнѣ кажется, что я безъ конца слышу звуки гармоникки. Это играетъ деревенскій паренъ, онъ изъ родной моей деревни, но побывалъ въ сосѣднемъ городѣ, на ткацкой фабрикѣ, и, подышавъ среди враждебныхъ стѣнъ, научился злорадству. Исполненъ злорадной любви, онъ теревитъ гармошку, играетъ, играетъ, играетъ, и, наконецъ, со смѣхомъ падаетъ на землю. Когда Славянская

душа вступила на такой путь и заговорила такимъ языкомъ, для нея уже нѣтъ никакихъ преградъ. Любовное хотѣніе сбрасываетъ все узы. Нѣтъ ничего, есть только желанная губы—и къ нимъ должны прильнуть вотъ эти горячія губы. И даже страшныя преграды кровнаго родства, которыя незримой муравьиной работой воздвигаются изъ поколѣнья въ поколѣнье и изъ столѣтія въ столѣтье, колеблются и падаютъ.

Польская сказка говоритъ о братѣ и сестрѣ.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Польская сказка.

Царевичъ, братъ, сестра, Царевна,
И нѣтъ надъ ними въ мірѣ старшихъ,
И велико ихъ королевство,
Однако, счастья имъ нѣтъ.
Сестра—красивая такая,
Что братъ родной въ нее влюбился,
Ее безъ памяти онъ любитъ,
И молить: Будь моей женой.
Когда жъ она его исканья
Отвергла, скорбью уязвленный,
Онъ посмотрѣлъ неотразимо,
И съ безнадежностью вскричалъ:—
Да будетъ! Въ мірѣ пойду широкій,
И если тамъ найду такую,
Что на тебя похожа будетъ,
Ужъ не увидишь ты меня.
Но въ жены лишь возьму такую,
Чтобы во всемъ, какъ ты, являлась,
Коль не найду, назадъ вернуся,
И ты должна моею быть.
Не разсудивши, обѣщала,
И тцетно юный Королевичъ
Къ восходу Солнца направлялся,

И устремлялся на Закатъ.
Семь лѣтъ онъ странствовалъ. Когда же
Седьмой былъ годъ на истеченіи,
Къ сестрѣ вернулся братъ изъ странствій,
Дабы исполнился обѣтъ.
Впервые видя, что ошиблась,
И промедленія желая,
Сказала: Свѣтлую одежду
Мнѣ дай, какъ звѣзды и Луна.
Онъ быстро лунную одежду
Принесъ со звѣздною отдѣлкой,—
Она одежды пожелала.
Въ которой Солнца былъ бы свѣтъ.
Принесъ. Она тогда сказала,
Чтобъ колесницу онъ ей сдѣлалъ,
Чтобы летѣть, куда захочетъ,
И быть невидимой на ней.
Царевичъ вѣдалъ чародѣя,
Тотъ сдѣлалъ чудо-колесницу,
Была отсрочка невозможна,
И былъ назначенъ свадьбы день.
Она въ чертогъ свой удалилась,
Служанку скрытно отослала.
Сама же, стоя въ колесницѣ,
Одежды стала облекать.
И, одѣваясь, говорила:
«Разступись, земля сырая,
Братъ сестру беретъ женою,
То великій грѣхъ».
Когда одѣлась для вѣнчанья,
Земля предъ нею разступилась,
И свѣтлолика Царевна
Невидимо упала внизъ.
Но прежде, чѣмъ въ провалѣ скрыться,
Царевна, плюнувъ, повелѣла,
Чтобъ на вопросы, какъ служанка,
Держала рѣчь ея слюна.
Объятый пыломъ нетерпѣнья,

Братъ приближеннаго послалъ къ ней.
 Тотъ въ дверь стучить и вопрошаетъ,
 Царевну скоро ль нужно ждать.
 Слюна же голосомъ служанки:—
 Уже одинъ чулокъ надѣла.
 И ждетъ Царевичъ въ нетерпѣннѣ,
 Но съ упоительностью ждетъ.
 И вскорѣ снова въ дверь стучатся:—
 Ждутъ гости. Скоро ли готова?
 Слюна въ отвѣтъ:—Надѣла платье,
 Теперь уже почти сейчасъ.
 Надходитъ вечеръ, мракъ густѣетъ,
 И обрученный въ нетерпѣннѣ,
 Понявъ напрасность стуковъ, зововъ,
 Къ Царевнѣ дверь велитъ взломать.
 Со всѣмъ дворомъ въ чертогъ ворвался,
 На пропасть смотритъ изумленный,
 Зоветъ сестру, сестру-невѣсту.
 И говоритъ ему слюна:

«Нѣтъ сестры, ужъ подь землю,
 А тебѣ сказать велѣла:
 Если близкое есть близко,
 Можно ль ближе сочетать?
 А еще она сказала:
 Разступись земля сырая,
 Братъ сестру беретъ женою,
 То великій грѣхъ».

Польская народная мечта останавливается со страхомъ на этой предѣльности. Зная, что Египетскіе Фараоны и дѣти Солнца, Перуанскіе Инки, сочетались съ своими сестрами брачною любовью, при соблюденіи извѣстныхъ ритуальностей, я не вижу ничего страшнаго въ любви—влюбленности брата и сестры. Постижимость ея во всякомъ случаѣ приѣмлю. Но душа моя ужасается и возмущается при мысли о томъ кошмарѣ, черезъ который проходитъ

Эллинскій герой, а между тѣмъ Русская народная мечта говорить именно о тайнѣ сына и матери.

ТАЙНА СЫНА И МАТЕРИ.

Тайной скрыты всѣ рожденья,
 Тайной скрыта смерть.
 Богъ, спаси отъ искушенья,
 И возьми насъ послѣ смерти въ голубую твердь.
 Вотъ выходитъ мать изъ терема, и вся она—
 кручина,
 Чернымъ шелкомъ обвила она дитя, родного
 сына,
 Положила на корабликъ, и пустила на Дунай.
 «Уплывай, судьба, въ безвѣстность. Горе! Дитя
 тятко, прощай!»
 Чтобы страшнаго избѣгнуть, по волнамъ дитя
 пустила,
 Обливаясь горячими слезами, говорила:
 «Ахъ, ты, тихій Дунай,
 Ты сыночка принимай,
 Ты корабликъ этотъ новый потихоньку колыхай.
 А ты, быстрая вода,
 Будь ему сестрой всегда.
 А ты, желтый песокъ,
 Береги его, какъ золото не разъ ты уберегъ.
 Вы, лѣса, вы не шумите,
 Мово сына не будите».
 Плачетъ мать. И будетъ плакать. Жаль ребенка
 своего.
 Страшный рокъ ей былъ предсказанъ. Ускольз-
 нетъ ли отъ него?
 Двадцать лѣтъ прошло не полностью. До тихаго
 Дуная
 За водой вдова изъ терема выходитъ молодая.
 Пристаетъ корабль, на палубѣ красивый мо-
 лодецъ.

Онъ рѣкой, лѣсами выхолентъ, зовуть его Донецъ.
«Эй, пригожая вдова, куда идешь ты?» — «За
водою».

«— Любишь ты Донца, скажи мнѣ? Обвѣнчаешься со мною?»

«— Я люблю Донца, красивъ онъ. Обвѣнчаюсь
съ Донцомъ».

Вотъ сидятъ. Вино и медъ тутъ. Были, были
подъ вѣнцомъ.

То, что тайно, станетъ явно. Незабвенные
есть знаки.

Горекъ медъ, вино не пьяно. Боль огнемъ го-
реть во мракѣ.

«Что же это? Какъ же это? Какъ же быть на
свѣтѣ намъ?»

Мать, поди и утопися. Я же въ лѣсъ пойду
къ звѣрямъ».

Полно, темные. Пойдите, сердцу больно.

Нѣтъ вины на васъ, когда вина невольна.

Если страшное вамъ было суждено,

Помолитесь, канетъ темное на дно.

А Дунай течетъ, до Моря убѣгая,

И Дунаю мать родная—глубь морская,

Изъ морей рѣка по каплѣ собралась,

До морей идутъ всѣ рѣки въ должный часъ.

Ахъ, Дунай ты, Дунай,

Ты меня не потопляй,

Плачу я, мое ты горе потихонечку качай.

А ты, свѣтлая вода,

Будь душѣ сестрой всегда.

А ты, желтый песокъ,

Золотись въ свой должный срокъ.

А вы, темные лѣса,

Вы шумите, говорите, ухожу я въ Небеса.

Всѣмъ они открыты намъ,

Есть скончанье всѣмъ путямъ.

Миръ, прощай,

Ахъ, Дунай ты, Дунай, тихій плещущій Дунай!

Прикоснувшись къ страшному, начавъ играть въ загадки, Славянская душа не останавливается у преддверья лабиринта, а блуждаетъ, блуждаетъ безъ конца, какъ будто Водяной ее заманиваетъ въ топи и трясины, какъ будто Русалки увлекаютъ ее подъ мельничное колесо, какъ будто Лѣшій, какъ будто Лѣсъ, издѣваясь, крутитъ и кружить обезумѣвшаго путника, и мыслью овладѣваетъ пьяное забвеніе, и ноги идутъ не туда, куда хочетъ идти все тѣло, гибнетъ въ напрасномъ круженіи все желанное, что было только что легко достижимымъ, умножается наводненіе, и въ неоглядности родныхъ пространствъ возникаетъ страшная тѣнь Рока. Говоритъ Русская дѣвица, и говоритъ она о Горѣ. Говоритъ добрый молодецъ, и говоритъ онъ о Горѣ. Вотъ оно, Горе, отъ него не уйдешь. Плачетъ, надрывается дѣвическій женскій голосъ.

Въ воскресенье матушка замужъ отдала,

Въ понедѣльникъ Горе привязалось къ ней.

«Ты скажи мнѣ, матушка, какъ избѣгнуть зла?»

Горе привязалось, помоги скорѣй.

Я отъ Гора спрячуся въ темные лѣса,

Тамъ поютъ привольные птички голоса».

Горе вслѣдъ бѣжитъ за ней, Горе говоритъ:

«Лѣсъ срублю, тебя найду. Чу, какъ лѣсъ

шумитъ».

«— Ты скажи мнѣ, матушка, мнѣ куда идти?»

Можетъ, я въ поляхъ смогу свой уютъ найти?»

Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:

«Всѣ поля серпомъ прижну, рокъ не защититъ».

«— Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ укрыться мнѣ?»

Я пойду въ зеленый лугъ, онъ цвѣтетъ во снѣ».

Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говоритъ:

«Я скошу зеленый лугъ, лугъ измѣнитъ видъ».

«— Ты скажи мнѣ, матушка, какъ развѣять

тѣмъ?»

Въ теремъ я высокъ пойду, спрячусь въ терему». Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:

«Теремъ я высокъ зажгу, теремъ твой сгорить». «— Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же скрыться мнѣ?»

Въ горы я круты пойду, скроюсь въ вышинѣ». Горе вслѣдъ идетъ за ней, Горе говорить:

«Я червемъ совьюсь, не твердь предъ червемъ гранить».

«— Ты скажи мнѣ, матушка, гдѣ же отдохнѣ мнѣ?»

Въ землю я въ сыру пойду, скроюсь въ глубинѣ».

Горе вслѣдъ идетъ за ней, заступомъ стучить, Стало, размѣялося, роетъ, говорить:

«Дочь моя родпмая, я тебѣ вѣдь мать, Ты сумѣла, доченька, горе горевать».

Много нѣжности въ Русской женской душѣ, въ душѣ дѣвической, но гибнетъ она, задавленная, въ безысходной нашей степной тоскѣ, безвыходной, хотя и непредѣльной. Чѣмъ нѣжнѣй, тѣмъ больнѣй. И правду говоритъ Индусская пословица, что нѣжный цвѣтокъ можетъ вынести тяжесть пчелы, но не птицы. А злая птица—Горе. Тяжелая, съ темными крыльями, съ цѣпкими когтями.

И мужская смѣлость, юношеская сила такъ же безсильны передъ этимъ сумрачнымъ Призракомъ, какъ и женская нѣжность. Снова слышится плачущая пѣсня, и чудится, что это безъ конца жалуется тоскующая береза, тоскующая ива, шелестятъ подъ осеннимъ вѣтромъ изсохшіе листья, скрипятъ и скрипятъ искривленные стволы, рваня другъ друга слишкомъ тѣснымъ соприкосновеніемъ.

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилось Горе отъ земли сырѣй,

Изъ-подъ камня сѣраго явилося, Подъ ракитой спало, подъ сухой. Встало Горе, въ лапти пріобулося, И въ рогожку Горе пріодѣлося, Повязалось лыкомъ, усмѣхнулося, И близъ добра молодца усѣлося.

Смотрить, видитъ молодець: Не скроешься. Сѣрымъ зайцемъ въ поле устремляется.

«Стой, стой», тутъ Горе усмѣхается, «Въ западнѣ моей», моль, «успокоишься».

Да, не такъ легко отъ Горя скроешься. Онъ въ рѣку уходитъ рыбой-щукою.

«Будетъ неводъ молодцу наукою, Въ частой сѣти скоро успокоишься».

Смотрить, видитъ молодець: Не скроешься. Въ лихорадку онъ да во постелюшку.

«Полежи, ты день лежи, недѣлюшку, Полежишь въ горячкѣ, успокоишься».

Смотрить: Что жъ, и въ бредѣ не укроешься? Застоналъ тутъ молодець въ лихой тоскѣ.

Знать, одинъ есть отдыхъ—въ гробовой доскѣ. Горе заступъ взяло: «Успокоишься».

Жизнь родилась, жизнь въ землѣ сокрылася. Тутъ и все. А Горе усмѣхается.

Изъ-подъ камня сѣраго явилося, Снова къ камню сѣрому склоняется.

Блуждающій путникъ постучался рукою своею въ послѣднюю, самую плотную, стѣну, но оттуда лишь говоръ костей осыпающагося склепа. Тутъ и самые сильные безсильны. Встрѣчается на конѣ своемъ Добрыня со Смертью, и кичится, и хочетъ съ ней биться. Но угрожающій и спокойный голосъ говорить ему:

Эй, Добрыня, поспѣй, съ бѣлымъ свѣтомъ протитися, выну пилы, засвѣтятъ, звеня, Подсѣку, эти пилы—невиданно-острыя, подсѣку, упадешь ты съ коня.

И напрасно онъ молить сроку, чтобъ ему—за грѣхи попроситься, за силу убитую, и о крови промолвить слова. Съ безопадностью Каменнаго Гостя ни минуты не даетъ Смерть Добрынѣ. И Оника Воинъ будетъ такъ же молить Смерть прекрасную, беспосульную и безродную, но и для него счетъ составленъ, роспись дней.

Больше нѣтъ ни лѣтъ, ни мѣсяцевъ, ни времени,
Ни минутки, чтобъ другой нарядъ надѣть.
Будетъ. Паль Оника Воинъ съ гуломъ бремени.
Паль съ коня. Ему мы будемъ память пѣть.

Такъ же и всѣ Витязи, дойдя въ бореньи съ земною силой до полной побѣдительности, непременно захотятъ, въ Славянской своей удали, схватиться съ силой Нездѣшней, и будутъ рубить Невѣдомыхъ, а разрубленные будутъ удваиваться въ числѣ и силѣ, пока не окаменѣетъ безразсудная стремительность, зашедшая за полюсь Человѣческаго. И будутъ Витязи застывшими камнями.

Преступленіе, Горе, Смерть—Славянская греза помнить и знаетъ этихъ Темныхъ Ангеловъ, окруженныхъ страшнымъ сіяніемъ. Но вдругъ оторвемся отъ топей, трясинъ, отъ уродства и трупнаго цвѣта. Отойдемъ отъ черныхъ дорожныхъ столбовъ, указующихъ на роковое и запретное. Славянская мысль, въ своей всеобъемлющести, хорошо ихъ знаетъ, но Славянскій ликъ, какъ ликъ Мексиканскаго бога Вѣтровъ, Кветцалькоатля, не темный, а свѣтлый, онъ Изумрудно-Перистый Змѣй, его глаза—узывчивость свѣтлыхъ глубинъ, его волосы—золотыя струны солнечныхъ лучей. Духъ жизни и духъ Возрожденія, Возстанія изъ мертвыхъ—въ великой Славянской душѣ.

Есть въ неоглядныхъ пространствахъ придавленный нуждой, но, будучи отрѣшенъ отъ временнаго и случай-

наго, будучи возведенъ въ свою естественную идеальность, необычайно-красивый и богатый человѣкъ, это—Русскій Крестьянинъ. Это онъ, онъ выносилъ въ своихъ глубинахъ и тѣни Боговъ Славянскихъ, Боговъ Свѣтлоглазыхъ, имъ же нѣсть числа, и великую мысль о стихійномъ захватѣ необозримыхъ, несчетныхъ равнинъ и лѣсовъ, и вѣчевой колоколь гулкихъ былинъ, и свирѣльную пѣсню въ содружествѣ бѣшеной пляски, и сказку, переменчивую, какъ оборотень, переливчатую, какъ воды разливной рѣки,—это онъ безъ конца пронзаетъ Землю сохой, прислушивается къ говорамъ Природы, создаетъ загадки и заговоры, выбрасываетъ на песчаное побережье, какъ нѣкое морское чудо, загадку своей исторической судьбы, первородной и единственной въ лѣтописяхъ Мира. Среди Русскихъ народныхъ заговоровъ особенно значителенъ и волшебное зеркаленъ «Заговоръ на зеленую дуброву». Вотъ онъ, воссозданный въ ритмѣ.

Я по острову хожу,
Черезъ всѣ лѣса гляжу,
По прогалинамъ и мракамъ,
По оврагамъ, буеракамъ,
Дубъ, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмель,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всѣмъ гляжу вѣтвямъ,
По листьямъ, и по цвѣтамъ,
Я зову мою дуброву,
Быть бы живу мнѣ, здорову:—
Подступая къ ней, звѣрь и гадъ,
Чтобъ сейчасъ же шли назадъ,
Чтобъ не шли къ намъ люди злые,
Вѣдьмы, вихри, водяные,
Чтобы въ дубровѣ, подъ листвою,

Самъ себѣ я былъ большой,
 Чтобы листья мнѣ, въ шуршаньи,
 Были въ тихомъ послушаньи,
 Чтобы легкій вѣтеръ къ намъ
 Шель, танцуя по верхамъ.

Мнѣ чудится, что Славянскій міръ былъ, мѣстами есть, и снова можетъ быть—такой свѣтлой, радостной зеленой дубравой, весенней дубравой, въ которой нѣжны свѣжіе листки и звонки веселыя переклички. Мы двоебожники, мы знаемъ Бѣлбога и Чернобога, но, когда два эти бога вели бесѣду-споръ, и когда въ историческихъ нашихъ судьбахъ мы увидѣли, что начинаетъ осиливать Чернобогъ, когда мы увидѣли, что

Какъ Хаосъ—міръ лѣсной,
 Ужъ поздно для лучей,
 Ужъ воронъ тьмы ночной
 Прокаргалъ часъ ночей,

тогда мы съ творческимъ лукавствомъ сдѣлали самый мракъ красивымъ и звѣздоноснымъ, мы соединили Бѣлбога и Чернобога въ поэтическомъ дѣйствѣ, и, принявъ черный цвѣтъ, умножили число нашихъ красокъ. Мнѣ кажется, что это было такъ.

Бѣлбогъ съ Чернобогомъ былъ въ спорѣ,
 Кто въ чарахъ красивыхъ сильнѣй.
 Раскинулось темное Море,
 Помчались потоки лучей.
 И Солнце, во имя Бѣлбога,
 Пронзило огнемъ глубину,
 И въ высяхъ ночного чертога
 Зажгло золотую Луну.
 Но хитростью Бога Ночного
 Несчетности яркихъ лучей

Зажглись, какъ безмолвное слово,
 Во влажностяхъ темныхъ очей.
 И ежели Небо красиво,—
 Ночной оно чарой зажглось,
 Какъ блескъ синего отлива
 На пышности черныхъ волосъ.
 Такъ спорили долго и много
 Два Бога, и міръ былъ смущенъ,—
 И День полюбилъ Чернобога,
 И Сумракъ въ Бѣлбога влюбленъ.

Въ черной оправѣ, красивой, какъ черный мраморъ и какъ эбеновое дерево, въ оправѣ, нетлѣющей въ паденіи столѣтій, какъ нетлѣнень корабль викинговъ, построенный изъ черного дуба, Славянская мысль развернула широкую, свѣтлую картину, полную жизнерадостности,—смотришь на нее, и въ душѣ звенять колокольчики, смотришь на нее, и видишь сплетенія лучистыхъ призраковъ, присутствуешь при свадьбѣ міровыхъ Стихій. Зеленые Святки, праздникъ цвѣтовъ, вѣютъ Вѣтры, Стрибоговы внуки, бѣшеной вѣдьмой кричатъ, и нѣжною флейтой чаруютъ, качаютъ вершины деревьевъ, заставляютъ листья цѣловаться, поютъ и поютъ, и поютъ. Лѣсные царьки, Золотые рожки, свѣтятъ въ ночахъ вдоль рѣкъ и въ чащѣ лѣсной, гдѣ звѣздится папороть, уводятъ въ Землю и выводятъ изъ Земли на вольный воздухъ, покажутъ рѣзныя чаши въ пещерахъ, и снова уманяютъ на лѣсную поляну подъ лазурный пологъ, на которомъ означился пышною млечностью Птичій путь, Дорога душъ. Въ полдень пляшутъ Лѣсунки. Смотрите.

Вонъ, въ одеждѣ паутинной,
 вмѣстѣ двѣ, и порознь три.
 Волосъ свѣтлый, волосъ длинный,
 И въ вѣнкахъ они, смотри.
 Вонъ, еще, семья другая,

Порознь три, и вмѣстѣ двѣ,
 Пляшутъ, въ зелени мелькая,
 Нѣтъ слѣдовъ отъ нихъ въ травѣ.
 Бриллиантъ роняютъ въ дрему,
 Въ бѣлый ландышъ, въ василекъ,
 Освѣжаютъ ихъ истому,
 Расцвѣчаютъ лепестокъ.
 Вольныхъ бабочекъ вѣнчаютъ
 Въ беззаконной ихъ любви,
 Стебли тонкіе качаютъ,
 Говорятъ всему: Живи.
 И лѣсныя щебетуньи
 Имъ поютъ свой птичій стихъ,
 Эти малыя колдуньи
 Сестры имъ въ забавахъ ихъ.
 Въ гусяхъ сказочныя струнки
 Терebитъ зеленый жукъ.
 Пляшутъ стройныя Лѣсунки,
 Долго длится тонкій звукъ.

Дивны жены колдуютъ за стволами. Причудницы Полудницы крутятъ дорожный прахъ. Къ вечеру Лѣшій схватилъ лѣсныя гулы, свилъ изъ нихъ великую звуковую змѣю, и вьется она, извивается между деревьевъ, мелькаетъ свѣтами, переливается тѣнями, дышитъ на ночныя фіалки, пьянитъ дрему и розовую кашку, перешепнется съ бѣлкой и совой, заманитъ въ чащу мечтанье, и чудитъ, и чудитъ, и звено за звеномъ слагаетъ пѣсни и сказки. Необъятно раскинулось Небо, и свѣтятся на немъ свѣчи судебъ нашихъ, самоцвѣтные камни созвѣздій,—

Небо, носящее имя Сварога,
 Небо, верховная степь голубая,
 Небо, родившее Солнце, Дажьбога.

Богъ Перунъ прогремѣлъ молніями, и теперь ушелъ за

край Неба, и тѣшится тамъ голубыми зарницами. Спитъ, но назавтра проснется Богиня Громовница,—

Бѣлѣетъ, застылая, словно дремотная
 Купава болотная,
 Что еле раскрылась среди камышей.

За ночь сплететь для нея Ярило ожерелье изъ рдяныхъ огней.

Богъ стадь, прошумѣвшихъ отъ пастбища къ дому, прошелъ на ночлегъ, проигравъ на свирѣли земной свой псаломъ, пращуръ нѣжныхъ пѣвцовъ, полный изумрудной дремы, Волосъ-Велесъ. Годъ спѣтъ. Домой—подъ звукъ свирѣли. Литовскій праздникъ росы, Польскій праздникъ Живены, слившійся съ крикомъ кукушки, Русскій праздникъ Лады, когда покоются веснянки и цѣлуются губы, всемірный праздникъ влюбленности, праздникъ первыхъ въ лѣсу лепестковъ, вѣдовскій праздникъ, отмыкающаго клады, папоротника—промелькнули всѣ праздники, озаряющіе круговратность Славянскихъ дней, и каждый изъ нихъ бросилъ мечтѣ какой-нибудь цвѣтокъ. Годъ спѣтъ. И давно ужъ Ярило, на бѣломъ конѣ своемъ, возлюбивъ Бѣлоруссію, захватилъ въ свою лѣвую руку горсть желтыхъ колосьевъ и голубыхъ васильковъ, удалился отъ полей къ домамъ, и возникъ повсюду, среди безпредѣльной Россіи, и каждый, увидѣвшій его, чувствовалъ, что онъ явился только для него, какъ Кришна, когда танцевалъ съ пастушками, былъ одинъ, а каждая пастушка думала—и неложно—что онъ танцуетъ только съ ней. Домой. Когда входятъ въ окна дыханія полей и звуки лѣсовъ, домъ не тюрьма, а уютъ. Послѣ великой мистеріи жатвы кто-то начинаетъ пѣть:

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.

И какъ отклики многоголосаго Эха, перекидывающагося черезъ горы изъ пещеры въ пещеру, въ сельскихъ пространствахъ, то въ одномъ просвѣтленномъ домѣ, то въ другой просіявшей избѣ, слышится пѣсня Жизни.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрѣшайтесь
Въ пѣвучія слова.
Въ душѣ есть тоже зерна,
И долго, и упорно
Таятся зерна тѣ
Въ душевной темнотѣ.
Но мракъ души не вѣченъ,
Восходятъ зеленыя,
О, милый, ты отмѣченъ
Тамъ въ сердцѣ у меня.
Вотъ, стебли зеленѣютъ,
Желтѣютъ, и полнѣютъ,
Густѣетъ ихъ толпа,
И мирно ждетъ серпа.
Красиво жнется нива,
Красивъ склоненный жнецъ.
О, все въ тебѣ красиво,
И мой ты наконецъ.
Лежатъ снопы рядами,
Блестятъ они предъ нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.
Вы, зерна, возвращайтесь,
Ужъ мельница жива,
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Безъ друга, молодая,
На мельницѣ была я,

Вдвоемъ зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

Радостенъ звукъ отшумѣвшихъ грозъ. Хороши поцѣлуи счастья. Хорошо поетъ птица любви. И много птицъ на нашемъ Небѣ. Много ихъ, съ звучными голосами, въ нашихъ лѣсахъ и надъ святынею нашихъ полей. Слушая ихъ, мы однажды заснули, въ золотое апрѣльское утро, и не жаворонки уже намъ пѣли, не соловьи, а Райскія птицы. Тотъ голосъ былъ сладостенъ.

На Макарійскихъ островахъ,
Куда не смотрятъ наши страны,
Куда не входятъ Смерть и Страхъ,
И не доходятъ великаны, —
На Макарійскихъ островахъ
Живутъ безъ горя человѣки,
Тамъ въ изумрудныхъ берегахъ
Текутъ пурпуровыя рѣки.
Тамъ камни цѣнные цвѣтутъ,
Тамъ все въ цвѣтеньи вѣчно юномъ,
Тамъ птицы Райскія живутъ,
Волшебный Сиринъ съ Гамаюномъ.
И если слышимъ мы во снѣ
Напѣвъ, который многолиренъ,
Въ тотъ часъ, въ блаженной той странѣ,
Поетъ о счастья свѣтлый Сиринъ.
И если звономъ нѣжныхъ струнъ
Ты убаюканъ, засыпая,
Такъ это птица Гамаюнъ
Поетъ въ безвѣстномъ, голубая.

Такъ пѣли намъ Райскія птицы. О полномъ счастьи. О полнотѣ того, чего хочетъ сердце. Снилось намъ также и птица Стратимъ, всемирно-грезящій, вѣчно живущій

на морѣ, съ крыльями такими, что они отъ края до края Мира, и когда онъ поднимаетъ эти два крыла, весь Океанъ колыхается, и рождается правда для людей, и рождается Солнце для Мира.

Какъ же вернуться намъ въ чертогъ свѣтлыхъ вымысловъ, и какъ намъ дойти до дѣйствительно-сущей зеленой дубравы? Четверично-сіяющій Богъ, великій нашъ Богъ, Свѣтовить, бросилъ свой храмъ, онъ умчался на бѣломъ конѣ изъ алой Арконы. Жертвенный рогъ съ виномъ лежитъ на полу опустѣвшаго храма. Лежитъ тамъ и лукъ, метавшій острия, мѣткія стрѣлы. Богъ Свѣтовить умчался въ Славянскій широкій міръ, объятый пожаромъ. Онъ озарить насъ, нашъ Свѣтовить. Но не въ Божескомъ ликѣ, а въ Человѣческомъ. Объ этомъ намъ молвить тихонько одна изъ цѣлебныхъ-волшебныхъ травъ нашихъ загадочныхъ Славянскихъ лѣсовъ, Трава-Костерь.

Есть трава—растетъ
 Возлѣ тихихъ рѣкъ.
 И не каждый годъ
 Та трава цвѣтетъ,
 А когда придетъ
 Человѣкъ.
 Ростъ—ея стрѣла,
 И красивъ узоръ.
 Та трава была
 Много разъ свѣтла,
 Снова расцвѣла,
 Какъ костерь.
 И горитъ огонь
 Возлѣ тихихъ рѣкъ.
 Мчится красный конь,
 Ржетъ, поетъ: не тронь,
 Не хватай огонь,
 Человѣкъ.

Съ ржаньемъ конь скакалъ,
 Убѣжалъ въ просторъ.
 Яркое промелькало.
 Былъ расцвѣтно-аль,
 Возлѣ рѣкъ сверкала
 Цвѣтъ-костерь.
 И свѣтла была
 Влага тихихъ рѣкъ.
 Въ мірѣ вѣсть прошла,
 Что трава цвѣла:
 Былъ здѣсь въ мірѣ зла
 Человѣкъ.

Трава-Костерь загорѣлась опять. И есть такой Человѣкъ, который изъ нѣмой и нѣмотствующей тиши, отъ тихихъ рѣкъ и изъ страшныхъ глубинъ, придетъ, какъ духъ Освобожденья. Онъ освященъ союзомъ съ Землей этотъ человѣкъ. Онъ ее холить, онъ ее нѣжитъ, онъ ее слушаетъ, онъ ея слушается. Связанъ съ ней трудомъ и поцѣлуемъ.

Среди безсмертныхъ призраковъ, увидѣнныхъ Русской былинною мыслью, самый красивый и самый таинственный—это простой мужикъ, притомъ еще увѣчный, ставшій въ единый мигъ—изъ калѣки—исполиномъ. Смиреникъ лѣсовъ, Илья Муромецъ, спавшій тридцать лѣтъ, и проснувшійся, чтобы взять мечъ-кладенецъ Свѣтогора, чтобы смѣнить человѣческимъ ликомъ стихійныя блужданія природнаго, владѣющаго человѣческой душой, лишенной опоры средоточія,—геній Русской пашни, твердо знающій архимедовское «Дай гдѣ стать—и переверну Мѣръ», Илья Муромецъ, который, бросая, для подвиговъ, свою родную тихую рѣку Оку, внутренне поклонился не измѣнять никогда святынь Крестьянства,—какъ символическій даръ бросилъ въ свѣтлыя рѣчныя воды корку черного

хлѣба. А если изъ сказаній тайновѣдѣнія мы знаемъ, что пшеничный колосъ, такъ же, какъ дающая золотистый медь пчела, былъ принесенъ людямъ съ Вечерней Утренней Звѣзды, Венеры, намъ, Русскимъ, нужны небесные дары, но еще нужнѣе нашъ черный хлѣбъ. Безъ него мы жить не можемъ, и не можемъ не тосковать. И свѣтъ на коня, Илья въ единый мигъ ускочилъ въ новое невѣдомое бытіе, но конь пробилъ копытомъ ямину, а изъ ямины брызнула свѣжая вода, и эта лѣсная криница все еще поитъ Славянскую душу, и напоить ее много еще разъ живою водой. И еще, самое главное, Илья Муромецъ единый изъ всѣхъ былинныхъ героевъ не кичился по-пустому своей могучею силой. Микула Селяниновичъ—не его ли другая ипостась? Илья Муромецъ вѣдалъ великую гордость взметнуть своего врага на воздухъ, въ высоту, и схватить падающаго, чтобы онъ не убился. Что убивать по-пустому, ежели можно и безъ этого? «Но если»...

Всѣ былинные наши родные герои завершили свой кругъ, и судьба ихъ пропѣта и спѣта до конца. А о смерти Ильи ничего намъ невѣдомо. Знаемъ, что онъ разметалъ Кіевскія роскошества, заставилъ присмирѣть кичливыхъ щеголей, и знаемъ, что отъ Земли онъ ушелъ къ Морю, что ѣхалъ онъ по Морю на быстромъ кораблѣ, именуемомъ Соколь, и что гнался за Соколомъ Сизый Орелъ, но Соколь-то былъ быстрѣе, и ушелъ, и ушелъ—а куда? Такіе, какъ Муромецъ, ужъ вѣдаютъ, куда имъ уходить, и какъ и когда придти.

И Муромецъ идетъ.

Онъ не утонулъ въ Морѣ, его призракъ ужъ чудится въ страшной для многихъ, въ желанной для многихъ, близи. Геній Земли о Землѣ стосковался, и идетъ, чтобы взять ее снова себѣ, чтобы освободить отъ плѣна стосковавшуюся

о немъ невѣсту и жену его. Снова слышится топотъ коня, грохотъ копытъ, пробивающихъ мертвую тьму для рожденія цѣлящихъ источниковъ, раздается какъ гулъ нарастающихъ грозъ. Отъ молній по тихимъ рѣкамъ пойдутъ небывалые рокоты. Жертвенно будетъ пылать, вдоль по теченію струй, растущая на берегахъ Трава-Костерь. И сердце живое желаетъ бури, и молитъ о грозѣ. Мы, прошедшіе черезъ такія грозы, когда погибаетъ все, можемъ ли, станемъ ли мы трепетать громовъ? Намъ приснилась Птица Огня, а путь въ ея дворець—черезъ мостъ Радуги. И мы, Славяне, мы, Русскіе, лишь вступаемъ въ великій водоворотъ воздушныхъ вихрей, а отсюда ужъ видимъ неизбѣжную Радугу. И другіе народы знали пѣсни различныя, лунныя и солнечныя, но спѣлъ ли кто во-истину псаломъ цвѣтистой Радуги! А мы споемъ его. Вотъ, мы его поемъ:

Радуга—лучъ,
Изъ котораго Индра пускаетъ свои громоносныя
стрѣлы.

Кто въ мірѣ единый развѣдаетъ звукъ,
Тотъ услышитъ и все семизвучье, раздвинетъ
душой звуковые предѣлы.

Онъ войдетъ въ восьмизвучье, и вступитъ въ
цвѣтистость, гдѣ есть фіолетовый полюсъ
и бѣлый,

Онъ услышитъ всезвучность напѣвовъ, рыданій,
восторговъ, моленій, и мукъ.

Радуга—огненный лучъ,
Это—оружье Перуна,
Бога, который весь міръ оживляетъ стрѣлой,
Гулко поющей надъ Майской, проснувшейся,
жадной Землей,

Лучъ огневого Перуна,
Бога, въ которомъ желаніе жизни, желаніе юности
вѣчно и юно.

ГОРЯЩЕ ПАЛЬЦЫ.

(Два Польскія сказанія).

Въ глубокой народной душѣ много тайнствъ скрывается, много таится сокровищъ, цѣнныхъ камней и рѣдкихъ цвѣтовъ, перстней магическихъ, кои вовѣки амулетами быть не перестанутъ, и много вѣщаній, всегда готовыхъ ожить, и много чудовищъ такихъ, что они приглашаютъ горе цѣлымъ областямъ,—если для борьбы съ Дракономъ не найдется святой Георгій.

Иногда народныя сказанія совершаютъ краткій кругъ, и остаются въ маломъ просторѣ, какъ звонъ приходской церкви. Иногда же они становятся крылатыми, и облетаютъ страны и вѣка. И порой изъ страны въ страну они долетятъ всего черезъ четыре времени года, а порою летаютъ, мѣняютъ души и мѣняются, и перелетятъ изъ одной страны въ другую черезъ двѣнадцать столѣтій, какъ двѣнадцать есть счетъ измѣненій года, число круговорота, который все и всѣхъ, во вращеніи, влечетъ къ расплатѣ. Но крылатыя народныя сказанія, какъ крылатая душа, когда съ воплемъ она отлетаетъ отъ мѣста неправды, чтобъ своимъ присутствіемъ не освящать злодѣйства, чтобъ дать безумному ослѣпшему тѣлу вовсе быть въ кровавомъ безуміи, быть въ ужасной тѣни пережидины,

на камнѣ среди камней, пока не перевернется снова магическое число двѣнадцать, и духъ отомщающій не выйдетъ изъ-подъ земли, залитой кровью, чтобъ сказать безумцамъ: «Полночь!».

Есть страшное Польское сказаніе «Горящіе пальцы». Долго-ли бродило оно, съ разными ликами, не знаю, но вотъ дошло и до меня, и такую приняло форму.

ГОРЯЩІЕ ПАЛЬЦЫ.

За боромъ, за лѣсомъ, дворъ, высланный кам-
немъ,

Жилъ шляхтичъ на этомъ дворѣ,
Владѣлецъ помѣстій, богатыхъ и многихъ,
И бора, и лѣса того.
Роскошно справлялъ онъ свои именины,
Сосѣдей позвалъ и родныхъ,
Кто ѣхалъ верхомъ, кто въ коляскѣхъ среди жен-
щинъ,

Былъ смѣхъ и веселіе лицъ.
Изъ темнаго бора, изъ частаго бора,
Какой-то возникъ человѣкъ,
Ружье на плечѣ у него не дрожало,
Былъ острый за поясомъ ножъ.
Смотрѣлъ онъ какъ волкъ, какъ лиса онъ та-
ился,

Слѣдя за песчанымъ путемъ,
И сѣлъ за кустомъ онъ въ тѣнистомъ укрытѣи,
Считалъ, и двѣнадцать онъ счелъ,
Изъ лѣса зеленаго вышелъ незримо
Какой-то другой человѣкъ,
Ружье на плечѣ у него не дрожало,
За поясомъ ножъ былъ и ножъ.
Смотрѣлъ онъ какъ волкъ, какъ лиса онъ та-
ился,

Слѣдя за проѣзжимъ путемъ,
Вошелъ въ можжевельникъ, и сталъ за кустами,

Считалъ онъ, и счелъ четырехъ,
И оба, тѣ двое, что были какъ волки,
Внезапно другъ съ другомъ сошлись,
Тихонько другъ съ другомъ они говорили,
И къ городу вмѣстѣ пошли.
Висѣлъ тамъ вчерашній повѣшенный, мертвый,
На взгорьи, подъ глыбою стѣнъ,
Они ему руку на сгибѣ отсѣкли,
И къ лѣсу поспѣшно ушли.
Пять пальцевъ, пять выгнутыхъ пальцевъ кри-
вилось

На той отсѣченной рукѣ,
И вороны черные были на трупѣ,
И каркала стая воронъ.
А въ борѣ, а въ лѣсѣ густѣли деревья,
Стволы уходили къ стволамъ,
И въ вѣтрѣ крутились песчинки, пылинки,
Бѣжали проѣзжимъ путемъ.
Объять ликованьемъ дворъ, высланный камнемъ,
Пируетъ привѣтливый панъ,
Шумятъ, веселятся родные и гости,
Ужь полночь, пора на покой.
Сосѣди легли на дворѣ, а родные
Во флигель далекій пошли,
Одинъ былъ съ женой, богомольной и честной,
Пошла она съ мужемъ своимъ.
Въ покоѣ просторномъ душистое сѣно,
На немъ дорогіе ковры,
А женщинѣ дали лежанку. Уснули
Четыре, на золотѣ спятъ.
Она же не спитъ и читаетъ молитвы,
И дрогнула—филинъ кричитъ.
На крышѣ онъ ухнулъ, и страшно, и близко
Чу, попоты, шорохъ, шаги,
Минута, и двери раскрылись, и ясность
Ударила въ очи ея,
Вошелъ человѣкъ тотъ, со взорами волка,
Онъ мертвую руку держалъ.

Горящіе пальцы, четыре, четыре,
 Какъ факель былъ каждый изъ нихъ,
 Ихъ пламя, дымясь, синевато-сѣдое,
 Сіяньемъ слѣпило глаза.
 За этимъ другой шель, со взорами волка,
 Имѣлъ онъ съ собой два ножа,
 И несъ онъ на блюдѣ четыре стакана.
 Два волка вошли на порогъ.
 И первый тутъ поднялъ горящіе пальцы,
 Свѣченіе трупей руки,
 Другой же, надъ каждымъ стаканомъ подувши,
 Ихъ всѣ опрокинулъ вверхъ дномъ.
 И спящіе разомъ вздохнули глубоко,
 Во снѣ задрожали тѣла,
 И каждый за саблей своей потянулся,
 Проснуться жъ не могъ ни одинъ.
 Надъ сонными свѣчи такія свѣтили,
 Что сонъ непробудный струять,
 И ангель-хранитель отъ каждаго скрылся,
 И руки свои заломилъ.
 Приблизился къ каждому часъ неповторный,
 Молиться жъ не могъ ни одинъ,
 А женщину словно бы что оковало,
 Недвижными были глаза,
 Застыла безъ сна, ибо пятого пальца
 Тогда для нея не зажгли,
 И въ пятый стаканъ не подули, чтобъ было
 Кому на убійство смотрѣть.
 Тутъ вынуть былъ ножъ изъ-за пояса острый,
 Убійца до спящихъ пошелъ,
 И женщина взоромъ слѣдила безумнымъ,
 Какъ шель онъ, какъ шель, какъ ступаль,
 И первымъ лежалъ ея мужъ, и хотѣлось
 Ей крикнуть, но голосъ тоски,
 Но голосъ отчаянья грудь разрывалъ ей,
 И въ горлѣ безмолвно тонулъ.
 И въ грудь остріе погрузилось глубоко,
 Кровь брызнула алой струей,

И очи убійцы залила, но быстро
 Онъ вытеръ ихъ, снова былъ зрячъ,
 Такъ были и трое убиты, другіе,
 Когда же собралъ онъ мѣшки,
 Взявъ золото, къ женщинѣ, дико глядѣвшей,
 Пошелъ онъ съ кровавымъ ножомъ.
 Другой посвѣтилъ, и лицо было блѣдно,
 Какъ холстъ, и недвижны глаза,
 Холодные руки застыли въ молитвѣ,
 И вложенъ въ тѣ руки былъ ножъ.
 Онъ теплою кровью лицо ей помазалъ,
 Одежды ея окропилъ,
 Далъ знакъ, и, потухнувъ, на землю упала
 Въ безгласности трупья рука.
 Что было на утро? Нѣмую казнили.
 И мнилось, свѣтились, дымясь,
 Горящіе пальцы, четыре, четыре,
 Безжалостной мертвой руки.
 Застывшіе очи увидѣли столько,
 Что былъ имъ не страшенъ палачъ,
 Застывшія губы упорно молчали,
 И что бы могли говорить.
 Когда жъ хоронили молчавшую жертву,
 Изъ самой могилы ея
 Взлетѣла безвѣстная бѣлая птица,
 И съ крикомъ пропала вдали.
 И кровью залитый дворъ, высланный камнемъ,
 Сталъ мѣстомъ пожаровъ и бѣдъ,
 Пожаровъ, зажженныхъ незримой, но мѣткой,
 Горящею мертвой рукой.

Позорно праздновать именины—вблизи отъ висѣлицы.
 Безчеловѣчно—устраивать пиръ—подъ тѣнью перекладыны.
 За что бы ни былъ повѣшенъ вчерашній повѣщенный, въ
 его казни есть злая чара, и не будь этой злой чары, не
 возникни незримо, вблизи отъ уродливыхъ столбовъ, лихой
 сглазъ мстительнаго демона, не пошли бы разбойники за

пальцами, которые могут горѣть, не взяли бы стакановъ, на которые можно адскимъ духомъ повѣять—и потомъ опрокинуть ихъ, а съ ними—опрокинуть и живыя жизни. Такъ бы и остались эти волки въ лѣсу, лязгали бы тамъ зубами, а тутъ вотъ сумѣли считать, насчитать, не ошибиться, убить пирующихъ вблизи перекладины, убить уснувшихъ на золотыхъ мѣшкахъ, и магическимъ ужасомъ своего появленія заставить оцѣпенѣть единственную кроткую, такъ что замолчала душа, улетѣла душа, не захотѣла душа и не смогла быть тамъ, гдѣ сияютъ горящія пальцы казненнаго. И тѣмъ, что она улетѣла, бѣдная бѣлая птица, безпріютная, устрашившаяся капель крови съ ихъ повторностью, этимъ самымъ она еще больше усилила уже существующую неправду, вовлекла вовлеченныхъ въ злодѣяніе еще большее, ибо камень, падая съ горы, толкаетъ другіе камни,—и кто исчислитъ тяжесть паденія и число убитыхъ и раненыхъ, ежели съ горы, не съ маленькой горки, если съ Казбека падаетъ глыба, обломокъ скалы, ознакомленной съ молніей?

Въ Польскомъ преданіи, какъ оно дошло до меня, разбойниковъ-то уловили, и казнили ихъ. Такъ. Такъ.

Но дѣло вотъ въ чемъ. До меня дошло еще другое Польское преданіе. Я ужъ его приведу—не мѣняя.

На полянѣ, зовущейся Поляной Каменистой, убилъ атаманъ разбойниковъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, а убилъ его изъ зависти, потому что былъ тотъ ловокъ въ бѣгѣ, въ стрѣльбѣ, въ красотѣ и въ скорости. Отсѣкъ ему голову. Съ той поры голова эта, съ безмѣрно длинными волосами, показывается на той полянѣ, и хотя поднимаютъ ее, и бросаютъ куда-нибудь далеко, то въ оврагъ, то въ глухую ямину, всегда возвращается назадъ.

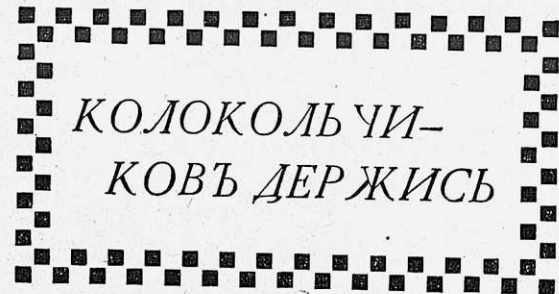
Когда мнѣ сказывали это сказаніе, эту голову я видѣлъ.

Она снова только что была отброшена отъ Поляны Каменистой, и опять возвратилась, съ мертвыми глазами, и съ волосами болѣе длинными, чѣмъ когда-либо. И что-то на этотъ разъ зацѣпилось за ея волосы. Что,—ужъ не вѣдаю: волосы слишкомъ далеко ушли. Но что-то, на что не хотѣлъ бы я смотрѣть. И врага уберегъ бы отъ смотрѣнья, если-бъ могъ. Это что-то встало—и идетъ. И мертвые глаза слѣдятъ. И горящія пальцы свѣтятъ.

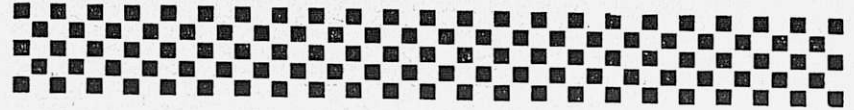
Soulac-sur-Mer.

1907. Іюнь.

*КОЛОКОЛЬЧИ-
КОВЪ ДЕРЖИСЬ*

КОЛОКОЛЬЧИКОВЪ ДЕРЖИСЬ.

(О Польскихъ преданіяхъ).

ШИРОКІЯ крылья могучихъ птицъ заслоняють все Небо, простираясь отъ Востока до Запада. Глядишь—и видишь полеть. Глядишь—и видишь крылья. И они уносятъ тебя, твою мысль, твою мечту, твою судьбу, всего тебя. Слышишь свистъ вѣтра. Громы говорятъ. Малое все внизу, робкое все далеко. Ты летишь, ты летишь безъ конца. Близятся звѣзды. Близко сияютъ златымъ и серебрянымъ блескомъ два щита зовущей Лазури, щитъ горячій, раскаленный, окруженный оправою Дня, и щитъ освѣжительно-прохладный, въ бахромѣ бѣлыхъ облаковъ и въ оправѣ прозрачной Ночи. А между двумя щитами—всѣ битвы, мечты, всѣ воинства желаній, устремленій, вскриковъ надежды и мести, гулы земныхъ и небесныхъ сраженій, вознесшіяся въ высь и павшія знамена, и вмѣсто живыхъ людей—застывшія изваянія, и недопѣтый стихъ, и ручеекъ новой надежды, который все бѣжитъ-бѣжитъ, который все звенитъ-звенитъ, точно бѣлые хлопья отцвѣтшихъ цвѣтовъ летять, послѣ золота жизни летять одуванчики, а на смѣну имъ нѣжно, небесно, сквозисто цвѣтуть голубые расцвѣты, звенять колокольчики. Плачутъ они или радуются? Звенять колокольчики.

Раскрываешь глаза и глядишь. Что со мной? Гдѣ я? Что я? Былъ въ небесахъ всеобъемлющихъ, а лежу, живой, хоть разбитый паденіемъ, на уклонѣ горы, на опушкѣ зеленого гая, и смотрю на цвѣты, на зарю, вечернюю и утреннюю, и слышу—цвѣты поютъ. Цвѣты поютъ—объ орлиномъ гнѣздѣ.

Я слышу.

Орлиное гнѣздо.

Недалеко отъ Добромилы,
На поникающей горѣ,
Гдѣ сонный вѣтръ шумитъ уныло,
Гербуртовъ замокъ. На зарѣ
Развалины его то млѣютъ въ янтарѣ,
То рдѣютъ въ пламени червонномъ. Но могила—
Могила, какъ ее ни разрисуй.
Здѣсь родъ былъ славный. Это было.
Но только ропотъ горныхъ струй
Напомнитъ звукомъ пѣнной пляски,
Что здѣсь когда-то были ласки,
И въ вѣковѣчности завязки
Звучалъ мгновенный поцѣлуй.
Гербурты. Каждый былъ могучій
Въ огняхъ и въ громахъ бытія.
И разросталась ихъ семья.
Когда - жь какой Гербуртъ, отживъ свой вѣкъ
кипучій,

Прощался съ жизнью, съ здѣшнимъ днемъ,
Сѣдымъ онъ дѣлался орломъ,
И съ крикомъ уносился въ тучи,
И орлій клекоть, свистъ крыла
Хранила вышняя скала.
Такъ было до тѣхъ поръ, пока Гербурты знали,
Что родъ орлиный чтитъ орловъ,
И Рокъ покорнымъ быть готовъ
Для горныхъ хищниковъ, чей клювъ острѣе стали,

Такъ было до тѣхъ поръ, пока
Одинъ Гербуртъ, въ игрѣ презрѣнной,
Не посягнулъ на тѣхъ, чья доля высока.
Его ничтожная рука
Взяла ружье, и, съ мѣткимъ глазомъ
Въ союзъ войдя, убила разомъ
Крылатость гордыхъ думъ, созвенные вѣга,
Орлиный духъ, орлиный разумъ.
Рука Гербуртова могла
Убить орла. Убить орла!
Когда охотникъ безразсудный
Домой вернулся въ этотъ день,
Онъ тамъ, гдѣ садъ былъ изумрудный,
Волчцы увидѣлъ и кремь,
И умеръ сынъ его въ какой-то мукѣ трудной,
И въ замкѣ рухнула ступень,
Назавтра, въ быстрой перемѣнѣ,
Еще звучалъ могильный звонъ,
Еще обрушились ступени,
Еще былъ праздникъ похоронъ.
И такъ скончались дни. Сложилась цѣпь вре-
менъ.
Родъ вымеръ. Замокъ палъ. Лишь вѣтеръ надъ
руиной

Лелѣтъ призрачный свой стонъ.
Орлы исчезли. Крикъ орлиный
Припоминается какъ сонъ.
И лишь ручей звенитъ, спадая,
Звенитъ и плачетъ, покидая,
Когда-то славный, горный склонъ.

Такъ вотъ что, вотъ что. Я сердцемъ это зналъ.
Я помню все дали, къ которымъ я прикоснулся. И
мыслью могу возвращаться къ миновавшему. Но двинуться
мнѣ нельзя. Я прикованъ своимъ паденіемъ къ горному
склону, предъ зеленымъ лугомъ, предъ зеленымъ лѣсомъ,
за которымъ, чую, шумять-шелестять желтыя нивы, зо-

лотыя моря поющихъ колосевъ. Наклоняются они, безъ конца наклоняются, точно плакучія ивы. А дальше, тамъ дальше и дальше, лѣсные затоны, стоячія воды, покрытыя ржавчиной, черное озеро, черное зеркало душъ, что глядятся въ темноту. Мнѣ свѣтитъ вѣчное Солнце. Я въ вѣчной веснѣ. Но гдѣ-то тамъ, гдѣ хотѣлъ бы я быть, замерзаетъ прудъ, падаетъ снѣгъ, и двое, которымъ помочь нельзя, скользятъ, обутые въ сталь, танцуя, скользятъ къ выжидающей проруби. И сами избрали ее. И помочь имъ нельзя. Нельзя. Задыхаюсь. Не крикнешь. Не двинешься.

Злое, колдуетъ. Беретъ. Подходить. Уйти не могу. Преступленіе дышитъ, напоминаетъ, уводитъ сознание въ замокъ, въ которомъ страшныя окна. Тутъ что-то случилось, что даже мѣняетъ воздухъ кругомъ. И если въ зловѣщемъ Домѣ Эшеръ окна—глазныя впадины, и по комнатамъ ходятъ тамъ живые мертвецы, мнѣ вѣдомъ Замокъ Рыдзиньскій, гдѣ гости ужасны. И я не могу не глядѣть, какъ встаетъ Привидѣніе въ Замокѣ Рыдзиньскомъ.

Привидѣнья вѣтвей. Привидѣнья страстей. Привидѣнья, которыя тайну скрыли. Но пожаръ далеко, а зарево видно. Привидѣнья поютъ.

ПРИВИДѢНІЕ ВЪ ЗАМКѢ РЫДЗИНСКОМЪ:

Въ замкѣ Рыдзиньскомъ часовня есть,
Предъ часовней покой,
Въ томъ покоѣ портретъ есть женщины,
Неизвѣстной, но знатной.
Кто она, кто ее написалъ,
Кто повѣсилъ, откуда взялась она въ замкѣ,
Никто не развѣдалъ того никогда,
Никто никогда не узнаетъ.
Въ томъ лицѣ ничего нѣтъ особеннаго,

Только взгляды затаилъ въ себѣ что-то угрюмое,
Да еще вотъ рука одна
Неестественно какъ-то лежитъ,
Пальцы руки той какъ-будто въ усилии сжались,
Окостенѣли

Послѣ какого-то крайняго, труднаго дѣла,
Можетъ быть, преступленья.
Мысли такія напрасны,
Конечно, нѣтъ тѣни въ нихъ правды;
Все же тутъ высмотрѣть это, пожалуй, воз-

можно,
Ибо когда-то глухіе здѣсь слухи кружились,
Что въ незапамятномъ прошломъ какое-то было
Злое здѣсь дѣло.

Даже о двухъ сиротахъ говорили, темно и не-

ясно,

Но достовѣрно никто въ эти слухи не вѣрилъ.

Рѣдко, не часто о томъ повторяли,

Конечно, умолкли-бъ совсѣмъ,

Если бы, въ замкѣ,

Привидѣніе женщины, время отъ времени,

Не будило явленьемъ своимъ

Въ забывшейся памяти

Мучительный этотъ рассказъ.

Привидѣніе то не смущаетъ покой такъ рѣзко,

Какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ.

Видаютъ его иногда въ переходѣ,

Стоитъ на колѣняхъ и молится, тонетъ въ мо-

литвахъ.

Гостямъ, что ночуютъ въ покоѣ томъ, возлѣ ча-

совни,

Лишь тихою поступью въ полночь напомнить чутъ

слышно,

Что вотъ оно тутъ;

А если тутъ женщины, если тутъ малыя дѣти,

Ихъ оно никогда не смутитъ,

Какъ-будто бы помнить, что въ нихъ отъ при-

роды пугливость.

Однако же въ каждомъ году
 Есть страшная, тяжкая ночь,
 Въ которюю въ замкѣ никто неспособенъ заснуть;
 И тѣхъ даже, кто ничего
 Не видитъ, не слышитъ,
 Не знаетъ во тьмѣ ни о чемъ,
 Объемлетъ тревога, чего-то имъ все неспокойно;
 Какъ-будто бы что-то внѣ мѣры въ природѣ
 тогда.

Во всю эту ночь, хотъ бы небо безоблачнымъ
 было,

Надъ замкомъ какая-то туча виситъ,
 А ближе, деревья, въ саду, хотъ безъ вѣтра,
 Шуршатъ, шелестятъ, шелестятъ.
 На башнѣ одиннадцать лишь истекаетъ,
 А въ малой часовнѣ ужъ стуки, движенья,
 Какъ-будто тамъ ходятъ, какъ-будто тамъ бро-
 дятъ,

И утварь встаетъ по мѣстамъ.
 Скрываются въ замкѣ всѣ слуги подалше,
 Лишь самые смѣлые ближе подходятъ,
 И слушаютъ, смотря, глядятъ,
 Ихъ лица блѣднѣютъ, ихъ волосы встали,
 И ужасомъ воздухъ насыщенъ кругомъ.
 Бьетъ полночь. Двѣнадцать часовъ.
 Растворяются двери въ часовнѣ
 Сами собой,
 Загораются свѣчи
 На алтарѣ,
 Но дивнымъ какимъ-то,
 Блѣднымъ какимъ-то
 И синеватымъ свѣтомъ;
 Привидѣнїе женщины, въ бѣлой и длинной одеждѣ,
 Съ волосами распущенными,
 Съ лицомъ отъ болѣзни увядшимъ,
 Встаетъ на колѣни предъ алтаремъ.
 Холодъ могильный внезапно кругомъ настааетъ;
 Въ ризѣ священникъ идетъ обѣдню служить.

Чудовищный видъ!
 Тотъ священникъ—скелеть.
 Голова его—трупья.
 Руки, несущія чашу,—лишь бѣлыя кости.
 Два передъ нимъ, въ стихаряхъ,
 Малые два скелета,
 Чашу одинъ несетъ,
 Въ которой вода и вино.
 Другой же—огромный требникъ.
 Начинается месса святая.
 Руки свои какъ нужно слагаетъ священникъ,
 Ихъ воздымаетъ,
 Обернулся, и сталъ на колѣни,
 Въ требникъ глядитъ и читаетъ,
 Молится онъ горячо;
 Сдается, что этимъ молитвамъ
 Отвѣтствуютъ два мертвеца.
 Два малыхъ скелета,
 Но голоса нѣтъ никакого,
 И не слышно ни вздоха.
 Только въ минуту, когда
 Подносится съ кровію тѣло Господне,
 Слышится отзвукъ звонка костяного,
 Прерывая глухое молчанье.
 Конченъ обрядъ;
 Въ кресло садится священникъ,
 Исповѣдаться призракъ подходитъ.
 Какъ горячо передъ этимъ онъ молится,
 Тяжесть какая грудь разрываетъ ему!
 Исповѣдуется.
 Слушаетъ молча священникъ,
 Слушаетъ, слушаетъ долго.
 Сколько же слезъ и вздыханій
 Исповѣдь ту прерываетъ.
 Боже Великій!
 Какъ же должны быть ужасны признанья
 Того привидѣнья,
 Преступленья его!

Глядите! Глядите!

По трущому лбу у священника
Холодный струится и капает потъ:
Въ прорытыхъ отверстиями мертвыхъ очахъ,
Сверкаетъ огонь возмущенья:
Женскій портретъ на стѣнѣ, затемняясь, чернѣетъ.
Надъ замкомъ глухой разражается громъ.
Два малыхъ скелета стоятъ на колѣняхъ
И молятся, молятъ прощенья ей.
Повѣдала все, головой преклонилась,
Бьетъ въ грудь себя, въ боли, въ тоскѣ покаянья.
Бьетъ сильно—и плачетъ, и ждетъ.
Проходятъ минуты. Съ мольбою подноситъ
Къ священнику взоръ свой, со стономъ: Прощенья.
Могильнымъ онъ голосомъ ей отвѣчаетъ:
Не въ этомъ году.
Когда же? Когда же?—твердитъ привидѣнье.
Священникъ молчитъ.
Онъ ей указываетъ два малыхъ скелета,
Застывшіе въ горькой мольбѣ,—
И вотъ исчезаетъ—и свѣчи погасли—
И вотъ замыкаются двери часовни—
Лишь стонъ раздается за ними протяжный,
И сразу все тихо, и то, что здѣсь было
Минуту тому, отошло безъ слѣда.

Когда же?

Не въ этомъ году.

Но отчаянье—путь. Если отчаяніе — безъ конца, безъ предѣла, какъ бы велико ни было преступленіе, какъ бы могильна ни была тайна, судорожный трепетъ души измѣняетъ душу и дѣлаетъ ее застывшей, какъ камень, или освѣженно-чистой, какъ чистъ послѣ осени съ темною грязью только что выпавшій бѣлый снѣгъ.

Вѣдь былъ же Тотъ, Чья алая кровь сдѣлала черный грѣхъ бѣлоснѣжнымъ. Тотъ, Кто смертію далъ жизнь. Иди

туда, кто можетъ идти. Къ Нему, Чья пытка полна великаго веселія, ибо гласить о возстаніи изъ мертвыхъ. Священникъ, который отвергаетъ безбрежность раскаянья, есть не священникъ, а — страшный колдунъ. Оборотень. Иди къ Возрождающему. А если ты къ мѣсту прикованъ, вѣдь душа способна отъ сильнаго хотѣнія исторгаться изъ тѣла и идти неслышной поступью по всѣмъ путямъ и дорогамъ.

Есть сказаніе о нѣкоемъ Пилигримѣ.

ПИЛИГРИМЪ.

Шелъ пилигримъ убогій, и зашелъ
Въ такія скалы, что нигдѣ изъ нихъ
Онъ выхода не видѣлъ. Такъ прошло
Все лѣто. Подошла зима, такая
Суровая, что птицы, замерзая,
Изъ воздуха въ золотыхъ спадали перьяхъ.
Озябшій пилигримъ ждалъ вѣрной смерти,
Какъ вдругъ онъ горностая увидалъ,
Который пробѣжалъ въ скалѣ огромной
Черезъ узкую расщелину. Взглянувши,
Обрадовался онъ, что есть дорога,
«Дорога здѣсь», вскричалъ, но тѣ слова
Замерзли тотчасъ, самъ же пилигримъ
Въ огромный мертвый камень превратился.
Пришелъ другой въ то мѣсто пилигримъ,
И такъ же между этихъ скалъ высокихъ
Онъ выхода не могъ найти, какъ первый.
Ужъ началъ онъ отчаяваться, плакать,
Вдругъ Солнце на весну оборотилось,
Оттаяли замерзшія слова.
Взглянулъ онъ, видитъ, что лежатъ слова,
Ихъ ледъ держалъ, съ послѣднимъ темнымъ
снѣгомъ,
Теперь же въ нихъ сіяла мурава,
Свѣжо. Онъ подошелъ и прочиталъ:

«Дорога здѣсь». Пошелъ по указанью,
И этотъ проводникъ не обманулъ,
Онъ вышелъ прямо къ гробу Іисуса.

Не тотъ ли это пилигримъ пришелъ къ гробу Господню,
который воскликнулъ «Дорога здѣсь», и замерзъ лишь въ
одномъ своемъ ликѣ, чтобы душой просіявшей заставить
ледъ растаять и преобразить темный и грязный снѣгъ въ
новую жизнь свѣжихъ побѣговъ? Малый бѣлый звѣрекъ
показалъ дорогу. Да хвалимъ мы все, что живетъ. Малый
въ огромномъ своей быстротой указалъ на расщелину,
черезъ которую вотъ прорывается свѣтъ безконечности,
съ необманностью вѣчныхъ пасхальностей. Да хвалимъ мы
все, что живетъ. Великой, священной хвалою Всебожія
мы мѣняемъ то, что въ насъ вызвало гимны Осанны, и
мѣняемся сами. Въ насъ рождаются звоны, чьей властью
мы въ ритмъ вовлекаемся, забываемъ личины оборотня,
вступая въ звеняція числа кружащихся звѣздъ.

О, я гляжу на зеленый склонъ и вспоминаю, съ ве-
ликимъ облегченіемъ, освѣжительно-странную и вѣрную
судьбу монаха, который, послушавшись Дьявола, бѣжалъ
изъ святой обители.

Вотъ этотъ новый голосъ.

МОНАХЪ.

На той полянѣ, что зовутъ Погостомъ,—
Прошла ли тамъ война или чума,—
Есть грубый пенъ, узлистый и корнистый,
И въ разные часы изъ-подъ него
Монахъ являлся. Выходилъ онъ малымъ,
Но, чуть вставалъ, великъ былъ ростъ его.
Показывался въ разныхъ онъ фигурахъ,
Но чаще—въ бѣломъ, или въ клобукѣ.
Не только слухи. Можно было видѣть,

Какъ въ воду онъ входилъ, распростиралъ
Монашескій клобукъ, и становился
Все меньше, меньше,—меньше,—исчезалъ.
То кающійся былъ монахъ какой-то,
Который изъ обители бѣжалъ,
И былъ убитъ разбойниками злыми.
Какъ женщину его видали также,
Въ шляхетскомъ одѣяньи. Ничего
Не говорилъ, и никому не сдѣлалъ
Чего-нибудь дурного. Человѣкъ,
Что здѣсь его въ послѣдній разъ увидѣлъ,
Испуганный видѣнъ, закричалъ:
«Да хвалить Бога каждое дыханье».
А онъ сказалъ: «И я Его хвалю».
Сказавъ, исчезъ, и былъ съ тѣхъ поръ невидимъ.
А ежели когда еще являлся,
Коль спрашивали, онъ не отвѣчалъ,
Лишь головой кивалъ или рукою.

Я молюсь беззакатному Солнцу, и отъ безмолвныхъ
причастій кругомъ расцвѣтаютъ цвѣты. Мнѣ становится
странно-легко. Я лелѣю въ цвѣточныхъ звонахъ, ле-
лѣютъ меня качанья, дрожанья голубыхъ колокольчиковъ.
Я шевельнулъ рукой... Я вижу—она дотянулась до голу-
быхъ колокольчиковъ. Я живу. Ручей звенитъ. Лѣсъ раз-
двигается. Прочь, призраки. Когда я, возжаждавъ всемір-
ной напѣвности, коснусь голубыхъ колокольчиковъ, буду
ихъ слушать, стану на нихъ глядѣть, надо мною не властны
ни тяжкіе своды Прошлаго, ни чудовища, которыя мѣ-
няться не хотятъ, не могутъ захотѣть.

Я возсталъ.

Мнѣ весело знать, что темныя силы души, какъ ле-
тучія мыши отъ свѣта, бѣгутъ отъ моихъ голубыхъ коло-
кольчиковъ. Однимъ цвѣткомъ, когда въ немъ звонъ все-
мірности, я побѣждаю Адъ.

И какой-то голосъ поетъ мнѣ о страшныхъ Дивожонахъ, о которыхъ нужно намъ знать, какъ поступаютъ съ нами, кошмарно хотящимъ давить живое. Этотъ голосъ далекій, и кажется мнѣ, что онъ Польскій. А быть можетъ онъ Южно-Русскій. А быть можетъ Всечеловѣчскій.

Ну, являйте себя, Дивожоны.

ДИВОЖОНЫ.

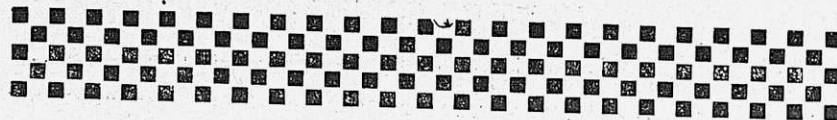
Дивожоны, дивожоны,
 Чужды наши имъ законы,
 Страшенъ смѣхъ нашъ, страшны звоны
 Нашихъ храмовъ вѣковыхъ.
 Если даже, межъ цвѣтами,
 Колокольчики предъ нами,
 Мы отъ нихъ какъ за стѣнами,
 Вольны мы отъ женщинъ злыхъ.
 Дивожоны—съ грудью длинной,
 Зыбкой точно сонъ пучинный,
 Двухаршинной, трехаршинной,
 Чуть увидишь, такъ бѣги.
 А не то узнаешь лапки
 Дивной женки, дивной бабки,
 Промелькнетъ въ червонной шапкѣ,
 Страшны дивные враги.
 Будешь рабъ. Бѣлье стирай имъ.
 Чтобы жизнь была имъ Маемъ,
 Будешь холодомъ терзаемъ,
 Будешь знать, какъ спину гнуть.
 А не хочешь, груди эти,
 Словно дьявольскія плети,
 Будутъ бить тебя, и въ свѣтѣ,
 И во тьмѣ узнаешь кнутъ.
 Тутъ вотъ дѣвушка пропала,
 Пропадаетъ ихъ немало,
 Въ этой пѣснѣ нѣтъ начала,

Врядъ ли будетъ и конецъ.
 Поискали, позабыли,
 Дивожоны тайну скрыли,
 Да нашель въ живой могилѣ
 Ту дѣвицу молодецъ.
 Шель въ лѣсу, и слышитъ стоны,
 Онъ крутые видитъ склоны,
 Вотъ куда вы, дивожоны,
 Въ тайну прячете людей.
 Только конь былъ недалеко,
 Сердце къ сердцу, зорко око,
 Онъ съ ней скачетъ, вотъ, далеко,
 Дивыхъ женъ толпа за ней.
 Вотъ бѣгутъ, и добѣгаютъ,
 Устрашая настигаютъ,
 И уродливо мелькаютъ
 Грудь-плети вверхъ и внизъ.
 Только дѣвушка смекнула,
 На цвѣты она взглянула,
 Быстро молодцу шепнула:
 Колокольчиковъ держись.
 Въ травянистой колыбели
 Колокольчики звенѣли,
 Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ,
 Дивожоны разошлись.
 Если встрѣтишь ихъ, такъ это
 Ты запомни для совѣта,
 Необманчива примѣта:
 Колокольчиковъ держись.

ТВАРДОВСКИЙ

ТВАРДОВСКІЙ.

(Тайна Вѣчной Юности).

МОЖЕТЪ ли быть что-нибудь красивѣе утренней юности. О ней думали свѣтлые боги, когда они глядѣли на прогалину Апрѣля, и отъ ихъ взглядовъ расцвѣтали голубые цвѣты: оттого у юности свѣтлые глаза. Юность есть дѣтство, и дѣтство есть юность. Они встрѣтились въ солнечный день на берегу лѣсного затона, взглянули другъ на друга, и въ глубокомъ затонѣ ихъ отраженья слились. Юность сливается съ дѣтствомъ, дѣтство переходитъ въ юность, какъ Апрѣль переходитъ въ Май, и отъ него неотдѣлимъ, и какъ цѣлующійся сливается съ тѣмъ, кого онъ цѣлуетъ, или какъ нѣжные звоны лютни сливаются лунно съ трепетаньями флейты. Домысломъ тайной мечты, которая сама себя не видитъ, дѣтство, быть можетъ, ближе къ великимъ запредѣльнымъ родникамъ, откуда въ нашу жизнь непрерывно вливается свѣтъ нездѣшній, какъ сіянье алебаstra, который просвѣчиваетъ, а юность достигаетъ посвященности въ таинство страсти, въ сладкій ужасъ и восторгъ наслажденья. Но страсть уже дышитъ и въ ребенкѣ, когда онъ тонкимъ молоточкомъ стучится подъ материнскимъ сердцемъ, и домысль тайной мечты не погибаетъ юношу, когда онъ внезапнымъ поцѣлуемъ вызываетъ

на дѣвическомъ ликѣ страстный румянецъ или смертельную блѣдность. Величайшее счастье — быть ребенкомъ всегда и всегда быть юношей, это не только счастье, но и единственное достоинство.

Это слово мое знаютъ тѣ, которые любятъ, тѣ, чья кровь создаетъ багряные и алые пожары въ горницахъ души, что сжигая—не сжигаетъ ихъ. Уходя отъ тайны, входить въ другую, быть предназначеннымъ для посвященія, и потому вступить въ уносящія волны таинства, гдѣ плывецъ отъ волны переходитъ къ волнѣ, и гдѣ волны, качая, не топятъ его, пока онъ достоинъ волны. А волнѣ измѣнишь—и волна измѣняетъ — измѣнить она и измѣнится. Тутъ — все рассказано быть не можетъ. Довольно лишь бросить указующій знакъ.

Звѣзды нѣкоторыхъ любятъ, и при ихъ рожденіи осуществляютъ необманный гороскопъ. Человѣкъ, звѣздой отмѣченный и къ высокой звѣздности предназначенный не мирится съ человѣческимъ—слишкомъ человѣческимъ, онъ хочетъ большаго, предѣльнаго, достовѣрнаго, и, силою своей воли, переноситъ въ ограниченную жизнь безграничность, измѣняетъ условія времени и пространства, перепутываетъ возрасты, не перепутываетъ, а играетъ ими всѣми, какъ играетъ искусный игрокъ на всѣхъ струнахъ, останавливаясь на той, которая ему желаннѣе, столько, сколько ему захочется. Такой звѣздоокій можетъ вступать въ союзъ съ свѣтлоглазыми Стихійными геніями, можетъ заключать союзъ и съ темноглазыми Стихійными, но, разъ онъ вноситъ въ такой союзъ душу свою цѣликомъ, высшее Око это увидитъ, и онъ не погибнетъ ни въ медлительной, полноводной рѣкѣ, текущей между мирныхъ береговъ, ни въ кипящихъ вспѣнныхъ волнахъ горнаго потока, любящаго острые выступы, изломы и паденье съ утесовъ.

Среди такихъ звѣздоокихъ вспомнимъ Лигейю, которую видѣлъ и узналъ Эдгаръ По. Не только старость она побѣдила, но смерть. Черезъ недугъ, который какъ будто являлся великимъ пораженьемъ, она избѣгнула возможности старости, и, окутавшись въ страшныя Ассирійски-прекрасныя чары колдовства, явилась къ любимому для новой, для вѣчно той-же, но для новой любви.

Къ иному еще лику обращается сейчасъ моя мысль, когда я заговорилъ о тайнѣ Вѣчной Юности. Мнѣ видится онъ, герой, созданный народной Польской фантазіей, Твардовскій, чье имя есть лозунгъ. Вглядываясь въ лицо Польскаго волшебника, какимъ оно предстаетъ не въ литературныхъ его портретахъ, а именно въ народныхъ преданіяхъ, видишь изумительно много говорящихъ недоговоренностей. Я беру три народныя Польскія сказанія, и воспроизвожу ихъ съ соблюденіемъ всѣхъ подробностей, быть можетъ, лишь невольно подчеркивая ту или иную черту.

Заглянемъ въ тайную зеркальность: и припомнимъ прежде всего, что, какъ создатель магическихъ видѣній, знавшій Лигейю, Польскій волшебникъ, конечно, любилъ зеркало, и умѣлъ черезъ него достигать запретностей. Чего именно и сколько, кто-жъ это можетъ узнать и высчитать? Вотъ легенда.

ЗЕРКАЛО ТВАРДОВСКАГО

Въ Венгріи, въ старомъ костелѣ приходскомъ,
Въ ризницѣ плоское зеркало есть,
Изъ металла блистательно-бѣлаго,
Зеркало это—высокое,
Зеркало кругло-широкое,
Съ малымъ уклономъ отъ круга—въ длину,
Граненое все по краямъ,

Въ старосвѣтской широкой и черной оправѣ,
 Прозрачное, словно затонъ.
 Ни пятна, лишь внизу вкось прошедшая трещина.
 Юноши въ зеркалѣ этомъ видали
 Множество ликовъ,—манили одни,
 Но въ недоступную глубь уходили,
 Пугали другіе, страшили другіе.
 И словно изъ раны они выступали,
 И словно какъ змѣи срывались внизъ,
 И юноши въ страхѣ бросали камнями,
 Но зеркалу камень не могъ повредить,
 Одинъ догадался—и связкою бросилъ
 Церковныхъ ключей,
 И трещина вкось пробѣжала узоромъ,
 Который для призраковъ былъ какъ замѣкъ.
 Тѣмъ зеркаломъ, много въ себѣ затаившимъ,
 Когда-то владѣлъ чернокнижникъ Твардовскій,
 На рамѣ доселѣ виднѣется надпись
 «Twardovius Magicus»,—что-то еще,
 Но буквы неполны, отъ времени стерлись.
 Высоко то зеркало тамъ надъ дверями,
 Дабы не страшило глядящихъ въ него.
 Когда облачаются ксендзы для мессы,
 Нельзя имъ глядѣть въ это зеркало, ибо
 Тамъ Дьяволъ всегда сторожить.

Ксендзы не могли смотрѣть въ это зеркало, и имъ нельзя въ него глядѣть, когда они облачаются для свершенія святой мессы, ибо молящійся уже внѣ жизни, и не долженъ на нее глядѣть, а чарующее яйцевидное зеркало овальнымъ ликомъ своимъ уводитъ мечту къ жизни, въ которой царствуетъ Демонъ, отвлекающій душу отъ самой себя, проводя передъ ней милліоны масокъ. У души, какъ любили повторять Испанскіе мистики, три врага: Diabolo, mundo у carne, Дьяволъ, мірское и плоть. Скажемъ по-нашему: жизнь. И мы знаемъ въ точности, что зеркало

Твардовскаго было 22 дюйма въ длину и 19 въ ширину. То-есть, числовая сумма этихъ начертаній равняется 41, то-есть равняется 5. Число 5 символизируетъ наши чувства, а наше человѣческое я, въ человѣческой своей полнотѣ, начинается тамъ, гдѣ ликуютъ свой праздникъ эти смутительные 5. И на видъ это зеркало—плоское, но глубина въ немъ неисчерпаемая, способная создать столько ликовъ, сколько назначить мечта, то-есть безконечность ихъ. Это зеркало — высокое. Въ низость ли будетъ смотрѣться Твардовскій? И оно—по краямъ граненое, ибо, доходя до края, до предѣльности чего бы то ни было, Твардовскій смотритъ что же дальше, и въ красивой своей человѣческой гордости дѣлается кинжално-острымъ. Оно не могло не быть въ широкой оправѣ, и въ оправѣ черной. Чернокнижникъ любитъ Солнце и золото, но, не будучи ни одно-рукимъ, ни однозвучнымъ, онъ любитъ и правое, и лѣвое, онъ причащается и свѣта, и тьмы. Широта этой оправы говоритъ о степной волѣ крылатой души неугомнаго бродяги, и всѣ эти знаки и признаки—словно звѣзды, отразившіяся въ черномъ щитѣ. А ужъ если къ зеркалу жизни прикоснулись грубо церковные ключи, — какъ не пройти вкось трещинѣ?

Твардовскій, чтобъ превысить человѣческое, свершилъ то, что задолго до него свершилъ Киприанъ Антиохійскій, начальный предокъ христіанскихъ однозвучниковъ, возжелавшихъ быть въ двойственной полнотѣ: онъ заключилъ формальный договоръ съ Дьяволомъ. Это было знакомо и Англійскому поэту, Кристоферу Марло, заколотому чужой, но какъ бы собственной, рукой,—и безвѣстнымъ создателямъ Германской легенды о Фаустѣ. Но вопреки пониманію Марло и Германской легенды, Твардовскій, какъ Киприанъ, познаетъ—и притомъ безъ воздѣйствующей помощи

Юстины или иного «Христова ягненочка»—освободительную силу «крещенья слезами».

Но возьмемъ самое преданіе о Твардовскомъ.

ТВАРДОВСКІЙ.

Твардовскій добрый шляхтичъ былъ съ обоихъ
Концовъ семьи: кудели и меча.
Хотѣлъ умомъ сильнѣе быть, чѣмъ люди,
И снадобе хотѣлъ найти отъ смерти,
Затѣмъ что умирать онъ не хотѣлъ.
Начетчикъ, въ старыхъ книгахъ прочиталъ онъ,
Какъ можно вызвать Дьявола, и въ полночь,
Подъ Краковомъ, вступилъ съ нимъ въ договоръ,
Гдѣ выставилъ, въ числѣ другихъ, условье,
Что до тѣхъ поръ ни къ тѣлу, ни къ душѣ
Не можетъ сила ада подступиться,
Пока не будетъ въ Римѣ схваченъ онъ.
Засимъ—услуги Дьявола. Безъ счета.
Все серебро, какое было въ Польшѣ,
Онъ въ мѣсто снесъ одно, пескомъ засыпалъ,
Отсюда—Олькушъ съ славнымъ рудникомъ.
Чего бы только ни хотѣлъ Твардовскій,
Онъ все имѣлъ, лишь вымолви желанье.
Нарисовавъ коня, на немъ скакалъ;
Леталъ безъ крыль по воздуху высоко;
По водамъ Вислы съ милой плавалъ противъ
Течения, безъ весла и безъ вѣтриль;
По прихоти своей капризной воли
На груди горь онъ горы громоздилъ;
И въ ночь одну выкапывалъ озера;
Когда хотѣлъ жениться, тайну панны
Отъ пчелки златокрылой онъ узналъ;
Смѣялся надъ людьми, порой—лѣчилъ ихъ,
Дурачилъ ихъ, предназначалъ по волѣ—
Того женить, а этихъ разженить;
О золотѣ и говорить не нужно,—
Оно съ нимъ было, какъ съ волной песокъ.

Однажды, безъ приборовъ чернокнижныхъ,
Зашелъ въ глухой онъ боръ, и думалъ тамъ.
Задумался глубоко онъ. Вдругъ—Дьяволъ.
Предсталъ, глядитъ, и глухо молвилъ: Въ Римъ.
Разгнѣванный, заклиалъ его Твардовскій,
Злой духъ отъ чернокнижника бѣжалъ,
Зубами скрежеща въ безсильной злобѣ,
Но, убѣгая вырвалъ онъ сосну,
Въ Твардовскаго съ размаху ей швырнулъ онъ,
И былъ съ минуты той Твардовскій хромъ.
Притомъ, какъ чернокнижникъ не былъ сча-
стливъ

Отъ всѣхъ причудъ, которыя исчерпалъ,
Такъ Дьявола возможно-ль усыпить
Какой-то причиненной хромотою!
Къ Твардовскому приходитъ дворянинъ
И молить: «Дай лѣкарства. Панъ вельможный
Внезапно занемогъ. Приди, спаси,
Вѣдь ты одинъ». Твардовскій—въ Сандомпр-
скомъ.
Въ корчмѣ, гдѣ слегъ и ждетъ вельможный
панъ.

Чуть только перешелъ порогъ Твардовскій,
На крышу сѣли вороны кругомъ,
Закаркали. И понялъ чернокнижникъ,
Что тутъ случилось что-то внѣ разчета.
Онъ быстро къ колыбели подошелъ,
Гдѣ былъ ребенокъ, только что крещеный,
И на руки беретъ его. А Дьяволъ
Ужъ тутъ какъ тутъ, и говоритъ: «Ты—мой».
«—Я твой?»—«Мы въ Римѣ».—«Это что за
бредни?»

«—Корчма, въ которой ты, зовется Римъ».
Подъяты когти Дьявола, но сила
Ребенка, освященнаго крещеньемъ,
Ему—стѣна. Черезъ стѣну ходятъ мыши.
Онъ говоритъ: «Послушай, ты вѣдь шляхтичъ.
Такъ значитъ знаешь, *verbum mobile*

И stabile, конечно, debet esse». Твардовскій, видя, что никакъ нельзя Шлихетское нарушить обѣщанье, Ребенка въ колыбель вернулъ. А самъ съ товарищемъ черезъ каминъ промчался. Воронье стадо грянуло привѣтомъ. Летятъ, летятъ, все выше надъ Землей, Твардовскій смотритъ внизъ, и видитъ Краковъ, Отъ боли сердце сжалось у него, Все, что любилъ, онъ тамъ внизу оставилъ. Въ немъ встали чувства лѣтъ первоначальныхъ, И дѣтскую молитву онъ запѣлъ, Свой стихъ, что спѣлъ когда-то въ честь Маріи. Чуть кончилъ пѣснь, онъ видитъ, изумленный, Что въ воздухѣ недвижно онъ виситъ. Взглянулъ—его товарищъ странствій скрылся, Лишь мощный голосъ слышитъ надъ собой: «Повисши такъ, до дня Суда здѣсь будешь». И вотъ, когда заходитъ полный мѣсяцъ, На немъ намъ видно черное пятно: Твардовскій во плоти, который будетъ Тамъ въ воздухѣ висѣть до дня Суда.

При бѣгломъ взглядѣ выходитъ такъ, что Твардовскій осужденъ на длительный ужасъ оторванности отъ Земли, его постигло проклятіе—вѣчно висѣть въ воздухѣ, а потомъ еще ждетъ Страшный Судъ. И такъ, конечно, черно-книжникъ осужденъ. Однако. Посмотримъ на все это и такъ и сякъ. Поляки—народъ болѣе тонкій и хитрый, нежели, скажемъ, Нѣмцы. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь изящнаго лукавства—и омытой слезами проникновенности, на которую способна лишь католическая душа?

Полагаю, что есть.

Твардовскій вступилъ въ договоръ съ Дьяволомъ потому, что онъ хотѣлъ быть сильнѣе, чѣмъ люди, и не хотѣлъ смерти. Это не такъ ужь мелко. Себялюбье здѣсь

не спускается до узкости своекорыстья. Ребенокъ хочетъ каждый день праздника, юноша не можетъ не хотѣть непрерывности наслажденья. Желать быть сильнѣе людей—не преступленье, а великое дѣяніе, ибо люди низки и ничтожны, и желать быть сильнѣе ихъ—значитъ желать быть воистину человѣкомъ—звѣздоокимымъ человѣкомъ. И смерть есть проклятіе. Желать не вступать въ водоворотъ проклятія—не есть ли гордая стройность человѣка, который, идя по скользкому льду, имѣетъ спокойную рѣшимость не опрокидываться? Переходя отъ панорамы къ панорамѣ, Твардовскій былъ ребенкомъ, и не переставалъ быть юношей. Въ этомъ его оправданье, если еще нужно оправдаться, когда прошелъ черезъ ужасъ, гибель и сладость дѣтскихъ слезъ, какими Дьяволъ не сможетъ заплакать, хотя бы даже захотѣлъ. Когда жалкій обманщикъ, Дьяволъ, уловляетъ его въ западнѣ и говоритъ: «Благородное слово должно быть твердо»,—Твардовскій, вмѣсто того, чтобы пускаться съ нимъ въ казуистическія препирательства, подтверждаетъ свое слово—и смѣло пускается съ Дьяволомъ въ неизвѣстность, въ свирѣпыя ужасы всѣхъ возможностей Ада. Дьяволъ формально былъ правъ, но, когда безпристрастное Око видитъ, что во время дѣтской игры одинъ ребенокъ говоритъ другому: «Сдѣлай это, иначе ты лгунъ», и обвиняемый ребенокъ смѣло опровергаетъ обвиненье, не замѣчая даже, что передъ обманщикомъ не оправдываются, и что обманщика даже дозволительно обмануть,—это безпристрастное Око посылаетъ незримый зачарованный взглядъ, которымъ уничтожается жалкій сглазь Дьявола.

Дьяволъ получилъ власть умчать Твардовскаго, но онъ влечетъ его не внизъ, а вверхъ. И чѣмъ выше Дьяволъ его уноситъ, тѣмъ ближе Твардовскій къ благословенному

крещенью слезами, къ этой поразительно-трогательной возможности — запѣть въ высотѣ дѣтскую пѣсню любви, молитву младенческой вѣры. Чей былъ этотъ мощный голосъ, воскликнувшій: «Повисши такъ, до дня Суда здѣсь будешь»? Быть можетъ голосъ оттуда, гдѣ Око — но тогда Твардовскій, уже осужденный висѣть въ воздухѣ, осужденъ, уже присужденъ къ карѣ, и въ день Великаго Суда, конечно, будетъ оправданъ, ибо правосудіе Божеское не есть судъ человѣческой, или Дьявольскій, и дважды оно не наказуетъ за одну и ту же вину. А не есть ли даже этотъ возгласъ — отображенный вопль Дьявола, который безъ Твардовскаго могъ еще нѣсколько взнестись по параболѣ, чтобы грузно свергнуться въ свою преисподнюю, въ безсильной ярости на то, что простодушный чернокожничикъ въ концѣ-концовъ обманулъ его своимъ прямымъ простодушіемъ. Безъ лжи обманулъ, какъ и нужно.

И еще. Какимъ былъ Твардовскій, когда онъ такъ повисъ? Объ этомъ говоритъ третья легенда, третій узоръ прихотливой Польской мечты.

ВѢЧНАЯ ЮНОСТЬ ТВАРДОВСКАГО.

Всю жизнь свою придумывалъ Твардовскій
 Какъ ускользнуть отъ смерти. И нашель.
 За нѣсколько годовъ предъ тѣмъ, какъ Дьяволъ
 Его унесъ,
 Онъ вѣрному велѣлъ ученику
 Себя разсѣчь, и разсказалъ подробно
 Какъ дальше поступать. Разнесся слухъ,
 Что умеръ чернокожничикъ. Былъ Твардовскій,
 И нѣтъ его. А ученикъ межъ тѣмъ
 Его разсѣкъ, и приготовилъ зелья,
 Облилъ куски вскипявшимъ сокомъ травъ,

И въ землю схоронилъ наоборотъ ихъ,
 И не въ оградѣ, а передъ оградой.
 Твардовскій поручилъ ему, чтобы онъ
 Не прикасался къ тѣмъ кускамъ три года,
 Семь мѣсяцевъ, семь дней и семь часовъ.
 И ученикъ все въ точности исполнилъ.
 Одинъ пришелъ онъ, въ полночь, въ новолунье,
 И семь свѣчей изъ жира мертвеца
 Зажегъ передъ оградой. Сбросилъ землю,
 Прогнившую сорвалъ онъ съ гроба крышку, —
 Какое чудо. Больше нѣтъ останковъ, —
 Гдѣ саванъ былъ, фіалки тамъ цвѣтуть,
 Съ пахучею травой богородской.
 На этой муравѣ дитя лежало,
 Объятое дремотой, и въ чертахъ
 Обличіе Твардовскаго являя.
 Онъ взялъ ребенка, и принесъ въ свой домъ.
 За ночь одну возросъ онъ какъ бы за годъ,
 Семь дней прошло, и онъ ужъ обо всемъ
 Такъ говорилъ, какъ говоритъ Твардовскій,
 Въ семь мѣсяцевъ онъ юношею сталъ.
 Тогда-то обновившійся Твардовскій
 Въ искусствѣ чернокожничномъ сталъ работать.
 Онъ щедро наградилъ ученика,
 Однако же, чтобы тайна возрожденья
 Не разгласилась, онъ его заклилъ,
 И сталъ тотъ паукомъ. Его держалъ онъ
 Въ своихъ покояхъ, въ добромъ попеченьи.
 Когда потомъ Твардовскій изъ корчмы
 Бѣсами унесенъ былъ въ вышній воздухъ,
 Паукъ, что прицѣпился паутинкой
 Къ его одеждѣ, вмѣстѣ съ нимъ повисъ...
 Паукъ ему товарищемъ остался,
 На нити онъ спускается къ землѣ,
 Глядитъ, что тамъ, взбирается къ высотамъ,
 Надъ ухомъ у Твардовскаго присядеть,
 И говоритъ, что видѣлъ онъ, что слышалъ,
 Чтобы Твардовскій очень не скучалъ.

Итакъ, когда Твардовскій былъ унесенъ Дьяволомъ, онъ имѣлъ ликъ юноши, онъ былъ юношей. Надъ юностью боги блюдутъ. Твардовскій, не боявшійся ничего, не боялся и тайства того самоуничтоженія, черезъ которое проходятъ посвященные. Онъ не только зналъ тайны черногнѣзья, но еще свѣтлый талисманъ имѣлъ—бесконечность довѣрія одной человѣческой души къ другой. Вѣдь ученикъ-то могъ солгать, забыть, измѣнить. Не такъ-ли? А онъ повѣрилъ. И силой своего довѣрія осуществилъ возможность того, что ученикъ не обманулъ, и не ошибся. Пожалуй, бесконечность довѣрія Твардовскаго и бесконечность любви ученика къ своему учителю создали магическій кругъ, въ который не взглянули, во все теченіе должнаго срока, ни глазъ человѣка, ни глазъ Дьявола, ни болѣзнь, ни ошибка, ни смерть. Троекратный круговоротъ человѣческаго года пропѣлъ свою триаду, похоронную балладу дней надъ изношеннымъ тѣломъ, рѣшившимъ черезъ смѣлую чару достигнуть вѣчной юности. И священная семикратность свершила осуществленье желанія, которое умѣло быть безпредѣльнымъ. Смертію смерть. Гроба нѣтъ. Гдѣ былъ саванъ, тамъ фиалки. Цвѣтокъ предѣльный по цвѣту, и дѣтскій, столь дѣтскій по нѣжному духу своему. Ученикъ былъ превращенъ въ паука, ибо, когда тайство окончилось, въ ученикѣ опять проснулось человѣческое—человѣка, еще не достигшаго предѣльностей. Но, какъ паукъ, сплетающій вѣчныя паутинки подъ серебрянымъ свѣтомъ Луны, онъ, словно сосудъ высокаго колодца, вѣчно поднимается и опускается, и узоры жизни безсмертны въ своихъ очарованьяхъ и просвѣтленіяхъ.

Твардовскій былъ цѣльнымъ во всемъ, и потому онъ не добыча Дьявола, а ключъ свода. Тотъ сводъ широкъ,

какъ Небо, и тотъ храмъ безсмертенъ, какъ жизнь, и въ немъ осуществляется тайство Вѣчной Юности.

На основѣ серебрянаго свѣта Луны Твардовскій во плоти чернѣетъ какъ точка. Но вѣдь точка есть атомъ, начало, исходъ. Отъ блага свѣта безгласнаго Цѣлаго къ ликующимъ крикамъ и рыдающимъ гимнамъ нашего великаго человѣческаго я.

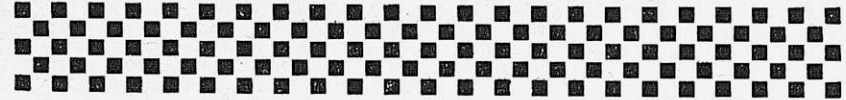
И пожалуй скорѣе Твардовскій—не черная точка на кругѣ Луны, а нѣчто иное. Тутъ развернулась особая звѣздная книга души. Твардовскій кометой понесся въ пространствѣ съ Дьяволомъ, но Дьяволъ тутъ былъ прицѣпкой, у кометы былъ страшный змѣиный хвостъ. И кометный хвостъ полетѣлъ себѣ внизъ по параболѣ, а комета, волею чары, превратилась въ блестящую звѣзду. Мы видимъ ее. Всегда когда любимъ.

Сполна.

ЛИТВА

ЛИТВА.

ХОТЯ Литва входитъ въ нашу великую Родину, со всѣми своими земными пространствами, морскими вѣяніями и историческимъ прошлымъ, мы, Русскіе, мало что о ней знаемъ. Я собралъ нѣсколько Литовскихъ цвѣтковъ, и вѣнокъ изъ нихъ посвящаю моему другу, сыну Литвы, поэту одиночества и зимней вьюги, Юргису Балтрушайтису.

1. ЛИТВИНЪ.

Литвинъ уѣзжалъ на войну,
Мать оставлялъ и жену.
Мать начинаетъ тужить.
«—Кто тебѣ будетъ служить
Въ далекой Угорской землѣ?»
«—Что же, родная? Есть звѣзды во мглѣ.
И не счесть.
Божія дочери есть.
Свѣтятъ глазами,
Бѣлыми свѣтятъ руками,
Будутъ какъ знамя, какъ буду рубиться съ вра-
гами.»
Ты вотъ, родная, какъ будешь одна?»
«—Буду молиться».—«А ты какъ, жена?»
«—Буду любить тебя. Буду молиться». —
«—А какъ ребеночекъ малый родится?»

«—Буду ребенка качать.
 Пѣть буду пѣсни». — «А будутъ мятели?»
 «—Лаума, вмѣсто меня, къ колыбели
 Съ блѣднымъ лицомъ подойдетъ,
 Будетъ ребенка качать.
 Снѣга мнѣ въ сердце немного положить.
 Это поможетъ.
 Буду молчать».

2. ВАНДИННИИ.

Подъ кленомъ течетъ ручеекъ,
 Далеко, въ Литвѣ, гдѣ лужокъ,
 Не всякій лужокъ, а съ алмазною
 Танцующей сказкою связною.
 Тамъ Божьи сыны, рыбаки,
 Что вѣрятъ въ свои огоньки,
 Тамъ Божіи дѣвы, вандинніи,
 Взглянуть, такъ картины—картиннѣе.
 Ихъ синія очи—какъ сонъ,
 Красивая очередь, лень,
 Который дошелъ до сребристости
 Отъ лунной колдующей мглистости.
 Вандинніи, выйдя изъ водъ,
 Подъ кленомъ ведутъ хороводъ,
 И къ нимъ рыбаки приближаются,
 И въ лунный нарядъ наряжаются.
 Чуть каждая дѣва изъ водъ
 Волною волосъ шевельнетъ,—
 И воздухъ наполнится лунными
 Напѣвами снова многострунными.
 Чуть рыбарь играющихъ водъ
 Къ вандинніи въ пляскѣ прильнетъ,—
 И пляска въ себѣ не обманется,
 До самаго Неба протянется.

3. МѢСЯЦЪ И СОЛНЦЕ.

Солнце—Савлита—красивая дѣва,
 Мѣсяцъ женился на ней.

Свѣты—направо, и свѣты—налѣво,
 Солнце поетъ, и подъ звуки напѣва
 Розы раскрылись на сѣткѣ вѣтвей.
 Солнце взошло, и по Небу блуждало,
 Мѣсяцъ сказалъ: «Цѣловались мы мало»,
 Мѣсяцъ блѣднѣетъ отъ трепета силъ.
 Слышитъ въ вѣтвяхъ онъ поющую птицу,
 Видитъ блестящую дѣву Денницу,
 Вмигъ свѣтлолицую онъ полюбилъ.
 Онъ ее нѣжитъ, цѣлуетъ, ласкаетъ,
 Видитъ Перкунасъ измѣну его,
 Поднялъ карающій мечъ, набѣгаетъ,
 Мѣсяцъ разрубленъ, но живъ. Оттого
 Солнце—Савлита, пылая отъ гнѣва,
 Ходитъ по синему Небу вдовой,
 Мѣсяцъ же часто въ ущербъ, но дѣва,
 Диво-Денница, въ сіяньи напѣва,
 Слышитъ, какъ Мѣсяцъ ей шепчетъ: «Я твой».

4. РУТА.

Расцвѣла въ саду рута
 Вышла дѣва-красота.
 Вышла дѣва и поетъ.
 Не меня ли манишь? Вотъ.
 Нѣженъ садикъ рутяной.
 Выйди въ садикъ, милый мой.
 Дѣва, дѣва, оглянись.
 Я съ тобой. Цвѣты зажглись.
 Рутяной вѣнокъ сплела.
 Въ воду бросила, свѣтла.
 Нѣжно счастье. Милый—милъ.
 Рутяной вѣнокъ ушмылъ.

5. ДЕВЯТЬ.

Аушрина—разсвѣтная солнцева дочь,
 Та звѣзда, что глядитъ—въ день и въ ночь.
 Ее выдала замужъ, взглянувши открыто,
 Ея мать, что есть Солнце, Савлита.

Вдругъ Перкунасъ пришелъ, съ смѣхомъ огнен-
ныхъ губъ,

Разрубилъ зеленѣющій дубъ.

Аушрина въ крови, капли крови горять,

Окровавленъ дѣвичій нарядъ.

Страшенъ дочери Солнца—кровавости видъ,

«Что мнѣ дѣлать теперь?» говоритъ,

«Гдѣ я вымою платье, свой бѣлый покровъ?»

«—Тамъ гдѣ сходится девять ручьевъ».

«Гдѣ-жъ сушить его буду, сушить гдѣ смогу?»

И отвѣтъ былъ опять: «На лугу,

Гдѣ раскрылося девять сіяющихъ розъ».

«—А носить его?» новый вопросъ.

«—А носить его будешь въ поляхъ круговыхъ,

Девять солнцъ будутъ пѣть тебѣ стихъ».

Такъ отвѣтъ былъ законченъ пресвѣтлой Сав-
литой,

Златолитый отвѣтъ къ Сребролитой.

6. ПОГОНЯ.

Стучать. Стучать. Чей стукъ? Чей стукъ?

Ударъ повторный старыхъ рукъ.

«Сыны. Вставайте.

Коней сѣдлайте.

Скорѣй, доспѣхи надѣвайте».

Стучить, кричитъ старикъ сѣдой.

«Идемъ, но что, отецъ, съ тобой?»

«—Сынъ старшій, средній, помоги,

Сынъ младшій, милый, помоги,

Угнали дочерей враги».

«—Враги похитили сестеръ.

Скорѣй за ними. О, позоръ.

Нашъ зорюкъ взоръ. Нашъ мечъ остеръ».

«—Сыны, летимъ. Враговъ догонимъ.

Въ крови враговъ позоръ скоронимъ».

«—Узнаемъ милыхъ средь враговъ,

На нихъ сіяющій покровъ».

«—Свѣжа ихъ юная краса,
Златые пышны волосы».

«—На волосахъ золотыхъ вѣнки,
Румяность розъ и васильки».

«—Мы у враговъ ихъ отобьемъ».

И пыль вскружилась надъ путемъ.

Сіяютъ мстительныя очи.

Четыре быстрые коня.

Четыре сердца. Путь короче.

Сейчасъ догонять. Тѣни ночи

Плывутъ навстрѣчу краскамъ дня.

«—Сынъ старшій, слышишь ли меня?

Сейчасъ мы милыхъ отобьемъ.

Сынъ средній, слышишь ли меня?

Враговъ нещадно мы убьемъ.

Сынъ младшій, слышишь ли меня?

Какъ кровь поетъ въ умѣ моемъ».

Четыре сердца ищутъ милыхъ.

Нагнали воинство. Не счесть.

Но много силы въ легкокрылыхъ.

Глядятъ. Есть тѣни женщинъ? Есть.

Но не лучисты ихъ одежды,

Средь убѣгающихъ враговъ,

А дымно-сумрачный покровъ,

Какъ тѣнь отъ сказочныхъ дубовъ.

Закрыты дремлющія вѣжды.

Блѣдна ихъ лунная краса,

Сребристо-снѣжны волосы,

И чаши лилій, лунныхъ лилій

Снѣгами головы покрыли.

Четыре сердца бьютъ набатъ.

«Чужія!» тайно говорятъ.

Отъ брата къ брату горькій взглядъ.

И все-жъ—впередъ. Нельзя—назадъ.

Искать, искать. Другимъ путемъ.

Искать, пока мы не найдемъ.

Черезъ вѣка летѣтъ, скакать,

Хоть въ Вѣчность, но искать, искать.

7. АНАФЕЛЯСЪ.

Тамъ, гдѣ горь взнеслася груди,
 Гдѣ живутъ и любятъ Жмуды,—
 И живутъ, и умирають,—
 Есть высокая гора.
 Анафелясь называютъ
 Эту срывность, и вѣщаютъ,
 Что кому пришла пора,
 Кто дойдетъ до завершенья
 И помретъ,
 Тотъ, какъ бѣлое видѣнье,
 Къ этой срывности идетъ.
 Долженъ кверху онъ взбираться,
 По уступамъ вверхъ цѣпляться,
 Чтобы въ жизни дать отчетъ.
 Чѣмъ богаче, тѣмъ труднѣе,
 Потому что тяжелѣе.
 Чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ скорѣй,
 Меньше тяжесть—легче съ ней.
 Вотъ богатый изловчился,
 Наготовилъ лѣстницъ онъ,
 Въ когти-крючья нарядился,
 Онъ когтями надѣленъ,
 Вотъ подползъ и уцѣпился,
 И для скорости, въ запасъ,
 Онъ коней пригналъ какъ разъ.
 Но, взойдя до половины,
 Онъ услышалъ звоны струнъ,
 И заржалъ, летя съ стремнины,
 Конскій вспугнутый табунъ.
 Когти-крючья подломились,
 И пока летѣлъ онъ внизъ,
 Въ звѣроликаго вонзились,
 И шипами въ немъ зажглись.
 Безъ когтей онъ долженъ снова
 Въ грудной тотъ ползти предѣлъъ.
 А бѣднякъ, не молвя слова,

Словно перышко взлетѣлъ.
 Змѣйи Визунась подъ горою,
 На вершинѣ Богъ въ зарѣ.
 Счастье тамъ возьметъ безъ бою
 Кто восходитъ—лишь собою.
 И ведетъ борьбу съ змѣею
 Кто сорвался на горѣ.

8. ЦАРИЦА БАЛТІЙСКИХЪ ВОДЪ.

Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря
 Возносился когда-то янтарный дворець
 Синеокой царицы Юраты.
 Стѣны были въ чертогахъ—чистѣйшій янтарь,
 Золотые пороги, алмазные окна,
 Потолки же изъ рыбьихъ чешуй.
 И звучали въ чертогахъ глубинныхъ напѣвы,
 И въ русалочьихъ пляскахъ мерцали тамъ дѣвы,
 Взглядъ у каждой—одинъ поцѣлуй.
 Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря
 Разслала однажды Юрата всѣхъ щукъ
 Извѣститъ всѣхъ богинь знаменитыхъ,
 Что пожаловать къ пиру ихъ просить она,
 И совѣтъ учинить о значительномъ дѣлѣ,
 О великой неправдѣ одной.
 И богини въ чертогахъ царицы Юраты
 Пировали, наряды ихъ были богаты,
 И держали совѣтъ подъ Луной.
 «Вамъ извѣстно, подруги,—сказала Юрата,—
 Что властитель Земли и Небесъ, и Морей,
 Мой всесильный отецъ Праамжимась
 Поручилъ мнѣ всѣ воды и жителей ихъ,
 Всѣмъ вамъ знать, учинила-ль кому я обиду,
 Было счастье въ кротости водъ.
 Но явился Цаститисъ, рыбакъ вѣроломный,
 Надъ рѣкою онъ Свентой сидитъ, и, нескромный,
 Онъ для рыбъ моихъ сѣти плететъ.
 «Вамъ извѣстно, что даже и я не ловлю ихъ,

Самой маленькой рыбки невинной не съѣмъ,
 Ко столу подавать ихъ не смѣю,
 И ужь какъ я люблю камбалу, а и то
 Съ одного только бога ее объѣдаю,
 И гуляетъ она на другомъ.
 Покараемъ его, поплывемъ, и заманимъ,
 И въ объятяхъ стѣснимъ, и задушимъ, обма-
 немъ,

И засыплемъ мы очи пескомъ».
 Такъ рекла, и поплыло сто лодокъ янтарныхъ,
 Чтобъ свершить безпощадную грозную мечь,
 И плывутъ, и сияетъ имъ Солнце.
 Тишина—въ неоглядности призрачныхъ водъ,
 И ужь эхо разноситъ слова ихъ напѣва:
 «Эй, рыбацъ. Эй, рыбацъ. Берегись».
 Вотъ ужь устье рѣки, полноводной и въ лѣтѣ,
 На прибрежьи рыбацъ развивалъ свои сѣти,
 Вдругъ предъ нимъ изумруды зажглись.
 Изумленный, глядитъ онъ: сто лодокъ янтар-
 ныхъ,

Сто дѣвицъ въ нихъ пречудныхъ, и свѣтъ ото
 всѣхъ,

Изумрудныя очи у каждой.
 А у главной, Царицы, глаза какъ сафиръ,
 Какъ лазурь высоты, и какъ синее море,
 Жезль янтарный въ поднятой рукѣ.
 И поютъ, и поютъ, ихъ напѣвы желанны,
 И морскія къ нему приближаются панны,
 На янтарномъ смѣясь челнокѣ.

Глянь, рыбацъ, красивый, юный,
 Сѣти брось, иди въ ладью,
 Съ нами вѣчно плясы, струны,
 Сдѣлай счастьемъ жизнь свою.
 Къ намъ иди, съ душой не споря,
 Слышишь, нѣженъ тихій смѣхъ,
 Будешь ты владыкой Моря,
 И возлюбленнымъ насъ всѣхъ.

Опьянился рыбацъ чарованьемъ обманнымъ,

И ужь хочетъ онъ броситься въ синюю глубь,
 Вдругъ свой жезль опустила Юрата.
 «Стой, безумный. Хоть ты и виновенъ весьма,
 Но тебя я прощу, ибо мнѣ ты желаненъ,
 Поклянись только въ вѣчной любви».
 «—Я клянусь». — «Такъ. Ты — мой. Каждый
 вечеръ я буду
 Приплывать на зарѣ». — «Не забудь». — «Не
 забуду.

Завтра—здѣсь». — «Поскорѣй приплыви».
 Минулъ годъ. Каждый вечеръ царица Юрата
 Приплывала на берегъ любить рыбака,
 И любилась они, и любилась.
 Но провѣдалъ объ этихъ свиданьяхъ Перкунъ,
 И разгнѣвался онъ, что богиня посмѣла
 Полюбить одного изъ земныхъ.
 И однажды метнулъ молнеглазые громы,
 И янтарныя онъ опрокинулъ хоромы,
 Разметалъ онъ обломками ихъ.
 Рыбака же, который былъ громомъ повергнуть,
 Приковалъ Праамжимасъ, тамъ въ Морѣ, къ
 скалѣ,

Приковалъ передъ нимъ и Юрату.
 И на милаго мертвого вѣчно она,
 Въ глубинѣ блѣдноводной Балтійскаго моря,
 Смотритъ, смотритъ, любовью горя.
 Оттого то въ часъ бури намъ слышатся крики,
 И по взморью, за бурей, какіе-то лики
 Намъ бросаютъ куски янтара.

О ЖЕСТОКОСТИ

О ЖЕСТОКОСТИ.

Съ дѣтскихъ дней я привыкъ, научаемый повседневною рѣчью, думать, и даже быть увѣреннымъ, что среди Европейскихъ народовъ есть одинъ, который несомнѣнно первенствуетъ въ области чувства, именующагося Жестокостью. Черная маска, кинжалъ, бархатъ и кровь, блѣдныя лица и шпаги, убійство, романтика. Ну, конечно, я говорю объ Испанцахъ. Ихъ ревность, ихъ фанатизмъ. Кто объ этомъ не говорилъ, съ доступнымъ краснорѣчіемъ, а чаще—косноязычно. И кто же не вѣдаетъ объ Испанской Инквизиціи, хотя Инквизиція была, кажется, Итальянскимъ изобрѣтеніемъ, получившимъ опробацію, болѣе или менѣе, всѣхъ Европейскихъ народовъ, межъ которыми Испанцы были какъ разъ послѣдними, себѣ ее усвоившими. И потомъ—Испанскіе сапоги. И Испанскій бой быковъ. Хотя, конечно, Нюренбергскій пыточный музей тоже весьма краснорѣчивъ, а всемірные бои пѣтуховъ, и охотничьи травли лѣсовъ Славянскихъ и Германскихъ и всяческихъ иныхъ записаны въ Лѣтописяхъ Жизни не лазурными, а красными буквами.

Но заглянемъ въ зеркало Народной Души, въ сферу Народной Пѣсни. Въ этихъ кристаллостяхъ зрѣніи всегда увидитъ что-нибудь тайное. Беру 3-й томъ «Сап-

tos Populares Españoles» («Испанскія Народныя Пѣсни»), и среди этихъ пѣсень, собранныхъ Франсиско Родригесомъ Мартиномъ, нахожу особый отдѣлъ «Odio» («Ненависть»). Въ этихъ пѣсняхъ Ненависти отражается вражда чувства усомнивагося, или отвернувшагося, или охладѣвшаго, или вознегодовавшаго—словомъ всячески недоброжелательнаго. Перевожу нѣсколько маленькихъ этихъ, быстрыхъ пѣсенокъ.

Съ глазъ моихъ долой сокройся,
Не хочу тебя я видѣть;
Ты мнѣ мерзостень, какъ мерзокъ
Смертный грѣхъ.

Я не хочу твоихъ хотѣній,
И не хочу тебя хотѣть,
Но чтобъ меня ты ненавидѣлъ,
Я бѣ ненавиждла тебя.

Съ самой высокой стѣны
Пусть мой ненавистникъ падетъ;
Если мужчина онъ, пусть разорвется,
Женщина, пусть въ бѣснованьи умретъ.

Да восхочетъ Богъ, чтобъ всюду, всюду,
Гдѣ пять чувствъ твоихъ ты помѣщаешь,
Ты оплаченъ былъ въ твоёмъ хотѣньи,
Какъ хотѣнью платишь моему.

Твои глаза да вырветъ воронъ,
И сердце да пронзятъ орлы,
Да точатъ внутренности змѣи,
За чувства, что въ тебѣ такъ злы.

На двери дома твоего
Своей я кровью начертилъ:
Нѣтъ срока, чтобы не истекъ,
Нѣтъ долга, чтобъ не взысканъ былъ.

Не слишкомъ ли все это изячно—для Жестокости? Это — вольная человѣческая душа. Тутъ нѣтъ суда-роги.

А посмотримъ, что намъ гласить Русская Народная Пѣсня. Русский Народъ, въ его цѣломъ, говорятъ, христоролюбивый. Народная Пѣсня отражаетъ народныя свойства, душу цѣлаго Народа, въ его расовомъ единствѣ, безъ какихъ-либо классовыхъ различій.

Веру «Великорусскія Народныя Пѣсни», изданныя профессоромъ А. И. Соболевскимъ, и въ 3-мъ томѣ, посвященномъ пѣснямъ семейнымъ, на стр. 98-й читаю (Спб., 1897):—

Кочеты запѣли, я сижу таки, сижу;
Другіе запѣли, на разумъ не беру;
Третіи запѣли, заря занялась,
Заря занялась, я домой собралась.
Подхожу я ко широкому двору;
Деверь ходитъ по широкому двору.
Прялочку на лавочку, башмачки подъ кровать,
Башмачки подъ кровать, сама лягу на кровать.
Старый мужъ обужается,
Сѣдая борода поворачивается.
«Борони, жена, не теперь ли ты пришла?»
— Старый мужъ, ты не бредишь ли?
Сѣдая борода, не во снѣ ли говоришь?
Я хочу вставать, хочу печку топить,
Хочу щи-кашу варить, тебя, старого, кормить.
Петельку на шейку накладывала,
Милому въ окошко конецъ подала.
Милый, потяни, душа-радость, помоги.
Старый захрапѣлъ, ровно спать захотѣлъ,
Зубы-то оскалилъ; будто смѣхъ одолѣлъ,
Глазамъ замигалъ, будто я хороша,
Въ ладоши захопалъ, будто тѣшится,
Ногамъ задрогалъ, будто бѣсится.

Обращаю вниманіе читателя на то, что это пѣсня «хороводная», и что, кромѣ перваго и послѣдняго, каждый ея стихъ въ пѣніи повторяется.

Зубы-то оскалилъ, будто смѣхъ одолѣлъ,
Зу-убы-то оска-алплъ, будто смѣ-ѣхъ одолѣ-ѣлъ.

Такъ нѣжно, такъ весело, такъ длительно, такъ сладостно, такъ ласково-любовно звучитъ повторность каждаго стиха. Кто-то радуется, и радость свою такъ и сякъ перевертываетъ. Кто-то тѣшится, нѣжнымъ изяществомъ тѣшится, и никакъ, и никакъ не натѣшится. Тутъ вырастаетъ ужасъ,—явное ощущеніе кошки, душащей мелкаго грызуна,—ощущеніе также и борзыхъ собакъ, толпой напавшихъ на одну чужую, и тискающихъ ея бездыханное, но все еще теплое тѣло. Горе мелкому грызуну. Горе чужой собакѣ. Горе всѣмъ, кто живетъ, горе всему, что чувствуетъ, ибо одна жестокость всегда, неизмѣнно, рождаетъ другую жестокость. И такъ до страшнаго срыва въ какую-то ненасытную пропасть.

Вы быть можетъ думаете, что эта пѣсня случайный единственный бредъ какой-нибудь одинокой души? Нѣтъ. Эта пѣсня съ различными видоизмѣненіями гуляетъ по всей безмѣрной Россіи. Ея варіаціи, угрожающія ея разночтенія, записаны изслѣдователями въ Костромской губерніи и въ Олонецкой, въ Черниговской и Вятской, въ Уфимской губерніи и въ Донской области. Тутъ очевидно есть звукъ, говорящій отъ предѣла къ предѣлу. Мѣняется интонація, измѣняется степень изобрѣтательности, но звукъ идетъ и поетъ, и грозитъ.

Ты тyani, тyani, милой,
Потягай, дорогой.
Старое огужище не сбръется,
У стараго шея не отбръется.

«Рукамъ-ногамъ забилъ, будто чортъ задавилъ, еще лобъ залощилъ, глаза вытаращилъ...—«Ноги въ потолокъ, будто чортъ поволокъ...»—«Языкъ высунулъ, ровно дражнится...»—«Слюни распустилъ, будто бѣсится...».

Временами, вмѣсто звѣрской грубости и упоенія элементарнымъ дьявольствомъ, издѣвающаяся рѣчь въ точномъ смыслѣ цвѣтиста и узорна.

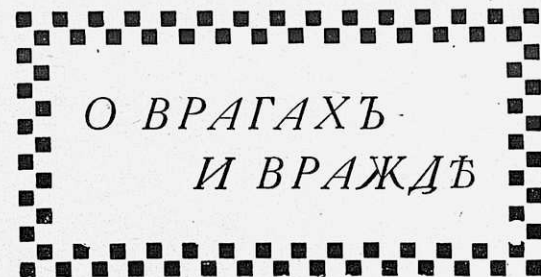
«Пойдемъ, старый, погуляемъ,
Сине море повидаемъ».
Середь моря распцѣлъ цвѣтикъ.
«Поди, старый, сорви цвѣтикъ».

И старый неизбѣжно идетъ,—мучимый Молодою, мучитель Старый идетъ,—и первый шагъ—по колѣни, второй—по горло, третій—какъ ключъ ко дну.

Я спрошу того, кто слушаетъ и слышитъ: Не великій ли здѣсь, грозій и растуцій, ужасъ? Не сдавливаютъ ли несправедливая жестокость, не сдавливаютъ ли неуступчивая слѣпота умирающаго Стараго — молодое горло, которое съ чудовищнымъ торжествомъ будетъ распѣвать пѣсню Жестокости, послѣ того какъ молодые руки, вотъ еще безгрѣховныя, вотъ еще красиво-незапятнанныя, осквернятся страшной неизбѣжностью.

Парижъ. Пасси.
1907. Весна.

О ВРАГАХЪ
И ВРАЖДѢ

О ВРАГАХЪ И ВРАЖДЪ.

И враги чловѣку — домаш-
ніе его.

Истина иссопичная.

Я быстро шелъ по морскому берегу. Плотный песокъ воздушно хрустѣлъ подъ ногами, и тонко шелестѣлъ съ каждымъ шагомъ.

Утреннее Солнце ярко свѣтило. Ночью была гроза, и воздухъ былъ полонъ особенной свѣжести. Я былъ счастливъ въ этомъ жаркомъ мѣсяцѣ Іюль. Свобода. Югъ Франціи. Жиронда. Soulac-sur-Mer. Я шелъ—уходилъ, изъ дома, гдѣ мнѣ было хорошо, чтобъ черезъ часъ вернуться въ этотъ домъ, гдѣ мнѣ хорошо. Гдѣ меня любятъ, гдѣ меня понимаютъ, гдѣ меня не обманываютъ. Гдѣ никто не пользуется мной какъ орудіемъ, какъ вещью. Никто не схватитъ меня. Не заставитъ меня идти, куда идти мнѣ не хочется. Не броситъ въ яму.

А еслибъ это было такъ?

Я вадрогнулъ. Почему эти мысли, столь непохожія на все, что кругомъ, пришли мнѣ сейчасъ въ голову? А! Мнѣ кажется, я знаю почему. Въ воздухѣ есть злое колдовство. По мѣрѣ того, какъ я уходилъ, воздухъ пересталъ мнѣ казаться освѣжительнымъ. По всему побережью, черезъ опредѣленные промежутки, были разбросаны длинныя, спутанныя, морскія водоросли, съ прінымъ, прѣлымъ за-

пахомъ. Ночью была гроза и буря на Морѣ. И это ночью Океанъ, разметавъ свои водныя громады, набросалъ на прибрежный песокъ скомканныя кучи морскихъ водорослей. Точно великая битва прошла. Вотъ онѣ лежатъ, бывшія тамъ въ водѣ такими красивыми, похожія тамъ въ водѣ на исполинскія орхидеи, а теперь хрящевидныя, поздраватыя, противныя стебли, сломанныя, спутанныя, мертвыя. И духъ отъ нихъ—капустный, затхлый. Вырвала ихъ возмущенная волна изъ собственнаго ихъ царства, и вотъ, вмѣсто красоты—безобразіе, вмѣсто пловучей зыбкой жизни—лежачее разложеніе. Тутъ—лишь поваго ждать прилива, или твердаго касанія рукъ человѣческихъ, чтобы воздухъ снова сталъ свѣжительнымъ, и песчаное побережье—свободнымъ отъ наносовъ.

Вотъ этотъ малый стебель—онъ совсѣмъ какъ зеленая орхидея. И онъ тоже мертвый? И онъ тоже гниетъ и будетъ гнить съ гнилыми? Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ жаль, такъ жаль этого стебля. И такъ далеко, далеко унеслась моя мысль. Въ недавнее прошлое. Къ иному Океану—къ страшнымъ морямъ суши, что зовется Маньчжурія, и усѣяна кучами, выбросками Ночного Океана. И тамъ, въ одной изъ безчисленныхъ этихъ кучъ,—онъ, мой товарищъ, Леонидъ***, съ которымъ я провелъ дѣтство и юность, и который лежитъ на чужбинѣ въ кровавой гнилости. Вырвали, взяли, умчали, сломали, лежи. Человѣкъ, въ которомъ былъ умъ и сердце, и который думалъ, что идетъ на великую войну, былъ втянутъ въ огромное позорное побоище. Безславное избиеніе.

И однако онъ былъ смѣлымъ. Безымянный, славное имя унесъ онъ въ могилу. Какъ сказано:—

Бравыми, бравыми были солдаты, которые жили
въ бою и жизнь пронесли черезъ битву,

[Вознесены имена ихъ теперь],
Но самыя бравыя шли и тѣснились впередъ, и
пали безвѣстно, безъ имени.

Такъ говоритъ Американскій бардъ Уольтъ Уитманъ въ книгѣ своей «Побѣги Травы». Онъ былъ братомъ милосердія въ великую Американскую войну и близко видѣлъ ея ужасы. Смотря черезъ призму минувшихъ лѣтъ, онъ такъ говоритъ о старыхъ снахъ бранныхъ дней:

Въ Полночь я сплю и мнѣ снятся лица, тревож-
ныя лица,
Взглядъ пораженнаго на смерть [неописуемый
взглядъ!],
Лица умершихъ, что навзничъ упали раскинувши
руки,—
Я вижу ихъ, вижу ихъ, вижу.

Снятся мнѣ сцены Природы, поля, и равнины,
и горы,
Небеса за грозой такъ прекрасны, ночью Мѣ-
сяцъ нездѣшній горитъ,
Къ намъ онъ смотритъ и нѣжно сіяетъ, а мы
роемъ, копаемъ траншеи,—
Это вижу я, вижу я, вижу.

Миновали давно эти лица, и равнины, и эти
траншеи,
Гдѣ я шелъ съ зачерствѣлымъ лицомъ, сквозь
рѣзню, и отъ павшаго прочь.
Я спѣшилъ все впередъ въ это время, но теперь
ихъ видѣнья мнѣ ночью
Снятся, вижу ихъ, вижу ихъ, вижу.

Огромная равнина, по которой шли тысячи. И не
дошли ни до чего. Лишь до смерти и уродства. Ненуж-

ной смерти, напраснаго уродства. Зачѣмъ? Почему? Кто виноватъ? Зачѣмъ убили тысячи этихъ людей, и моего друга среди нихъ? Почему убійцы не испытываютъ раскаянія?

Въ картинѣ, которая снится черезъ годы и годы Американскому поэту, есть смыслъ, жестокій, трагическій, но смыслъ. Этими жертвами куплена свобода великаго народа, вольность цѣлой расы.

А здѣсь?

Бойня—и убійцы не раскаиваются.

Уитманъ видитъ еще иную картину. Строки лунно поютъ:

Взгляни, прекрасный Мѣсяць, и облей
Своимъ лучомъ картину предъ тобой,
Потокъ ночного нѣжнаго сіянья
Низлей, какъ ореоль вокругъ главъ святыхъ,
Вкругъ этихъ лицъ ужасныхъ, вздутыхъ, крас-
ныхъ,

На мертвецовъ, лежащихъ на спинѣ,
Съ раскинутыми бѣшенно руками.
Низлей свой свѣтъ, священный, безпредѣльный.

Уитманъ былъ сторонникъ этой освободительной войны. Онъ зналъ, что это великая освободительная война. Не бойня, придуманная нѣсколькими лицами въ корыстныхъ интересахъ. И когда война свершилась, и врагъ, долженствовавшій быть побѣжденнымъ, былъ побѣжденъ, ему, побѣдившему, легко было произнести слово примиренія, для котораго онъ нашелъ глубокой тонъ взволнованной и просвѣтленной души. Была умѣстна вражда,—было красиво примиренье. Между двумя человѣками встало недоразумѣніе, оно развѣялось, и снова человѣкъ видитъ чело-
вѣка.

Слово надо всѣмъ прекрасное какъ Небо.
Прекрасно, что война со всей своей рѣзною
Во времени совсѣмъ, совсѣмъ сотрется,
Что руки двухъ сестеръ,
Смерти и Ночи,
Безпрестанно смываютъ, смываютъ—омываютъ
запятнанный міръ,
Умеръ мой врагъ, человѣкъ, такой же, какъ я,
божественный, умеръ,
Я гляжу на него, какъ лежитъ онъ тихо, съ
бѣлымъ лицомъ, въ гробу,
Я къ нему подхожу, наклоняюсь, касаюсь слегка
Своими губами до бѣлаго лика
Въ гробу.

Отчего-же я лишень этой великой радости примиренья? И кто мой врагъ? Тотъ, который былъ моимъ врагомъ во время войны, не возбуждаетъ во мнѣ ни дружбы, ни вражды. Онъ былъ чужой, и остался чужой. Я никогда не хотѣлъ съ нимъ биться. Къ битвѣ меня принудили, и вотъ, когда она окончилась, я вижу, что несмотря на всѣ свои ужасы, эта битва была миражемъ, она была и не была, она была чѣмъ-то внѣшнимъ, и, изуродовавъ мое тѣло, не коснулась моей души, не приблизила меня къ тому, съ кѣмъ я бился, и не отодвинула меня отъ него. Кошмаръ. Врагъ мой не есть мой врагъ. Врагъ мой есть тотъ, кто толкалъ меня на врага, что не былъ врагомъ. И онъ остался моимъ врагомъ. И онъ ужасенъ тѣмъ, что онъ мой домашній врагъ. Онъ схватилъ меня, какъ вещь, оторвалъ меня ото всего, что мнѣ дорого, изуродовалъ меня, лишилъ меня счастливыхъ дней, дорогихъ людей у меня укралъ. И вотъ онъ теперь со мной рядомъ въ нашемъ общемъ домѣ. И у него веселое лицо. И онъ ни въ чемъ не раскаивается.

Почему же убійца, совершившій убійство, не испытываетъ раскаянія?

Вражда некрасивое и тяжелое чувство. Пусть тотъ, кто виновенъ, сознаетъ свою вину—и тогда начнется новая жизнь. До тѣхъ поръ—невозможно.

Пусть тотъ, кто виновенъ, сознаетъ свою вину. Жить съ враждою нельзя въ одномъ домѣ. Земля и Небо кричатъ о томъ, чтобы кончилась великая вражда великаго народа, измученнаго, истерзаннаго, изнемогшаго подъ бременемъ великой вражды.

Беркендаль.
1908. 13 марта.

НАШЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ.

Замѣтка.

КОГДА начинаются разсужденія о литературѣ и поэтическомъ творествѣ, мной овладѣваетъ мучительная скука и безпомощная тоска. Безпомощная, ибо разсужденіе вообще занятіе бесплодное, съраго цвѣта, а разсужденія о поэтическомъ творествѣ, которое по существу своему внѣ способности разсуждающей, есть кромѣ того и занятіе ложное, лживое, недобросовѣстное. И помочь людямъ, которые добросовѣстно дѣлають недобросовѣстное дѣло, невозможно.

Когда рѣчь идетъ о творествѣ, можно говорить лишь о своемъ впечатлѣніи, а не вязать и разрѣшать. Можно говорить лишь о своемъ отвѣтномъ, отображенномъ, разбуженномъ, усложненномъ моей собственной личностью, обогащенномъ моей собственной личностью, новомъ, измененномъ, или вовсе новомъ, вновь родившемся, художественномъ впечатлѣніи. А критика, какъ критика, есть нонсенсъ. Критикъ, какъ критикъ, есть всегда—или разбойничающій журналистъ, или смѣшной подслѣповатый воспитатель, котораго не хотятъ и не могутъ слушаться никакіе воспитанники, кромѣ тѣхъ, коимъ онъ обыкновенно и самъ не радъ, ибо чего можно ждать отъ послушной бездарности.

Разсуждающіе создаютъ рядъ бессодержательныхъ и тяжеловѣсныхъ кличекъ. Будто бы формуль, а подъ формулы эти ничего не подведешь. Классикъ, реалистъ, декадентъ, символистъ. Фехтовальная школа. Жонглерство словами. Игорный домъ понятій, игорный домъ, гдѣ крапленныя карты отнюдь не рѣдкость. Хотите, кромѣ этихъ кличекъ, я придумаю немедленно еще столько, сколько дней въ году? Нѣтъ. Отказываюсь, мнѣ ужъ и отъ этихъ скучно и тягостно.

Въ творествѣ, въ истинномъ творествѣ, для меня не то важно, къ какой школѣ принадлежитъ тотъ или другой писатель, а есть ли у него талантъ, и своеобразенъ ли этотъ талантъ. Одного этого слова еще недостаточно. Если я просто скажу — «хорошій конь» — я ничего не скажу. Что такое хорошій конь? И Русскіе битюги, и Фламандскіе тяжеловозы весьма хорошіе кони. Отъ нихъ далеко однако до понятія тонконогаго Арабскаго коня, являющаго ликъ бѣлоснѣжнаго полета, или до темноцвѣтнаго Англійскаго скакуна, который весь — устремленная сила стали. Русскій битюгъ хорошъ, когда онъ везетъ сто пудовъ — или болѣе? — но скакать на немъ смѣшно. Рыцари однако же, кажется, скакали на Фламандскихъ коняхъ, не только на картинахъ Веласкеса. И я думаю, что рыцари бывали въ такія минуты смѣшны. Совершенно такъ же смѣшно и неумѣстно, когда такой, напрымѣрь, несомнѣнно большой, сильный, но тупой талантъ, какъ Золя, начинаетъ создавать трогательно-нѣжныя картины, или пытается разсуждать о томъ родѣ поэзіи, въ которомъ маэстро — Верленъ. Когда въ сферу такого несоотвѣтствія вступаетъ не только талантъ, но и своеобразный талантъ, и притомъ гениальнаго размаха, результаты получаются еще болѣе убогіе (слонъ ли можетъ танцевать?) —

и книга Льва Толстого объ Искусствѣ, или его разсужденіе о Шекспирѣ, принадлежать къ самымъ прискорбнымъ событіямъ въ Литературѣ.

Истинный талантъ, и талантъ своеобразный, въ соотвѣтственной ему обстановкѣ, вотъ, кажется мнѣ, основные моменты въ творествѣ. Но чѣмъ талантъ сильнѣй, и чѣмъ онъ своеобразнѣе, тѣмъ болѣе для него возникаетъ возможностей переплеснуть за свои берега. И тутъ всѣ рамки ломаются, и всѣ клички теряютъ смыслъ. Я неохотно назову Льва Толстого гениемъ, я скажу скорѣе, что это огромный талантъ, достигающій иногда гениальныхъ моментовъ. О Достоевскомъ же не буду сомнѣваться, знаю, что это гений, и такихъ было мало на Землѣ. Этимъ различіемъ между двумя нашими исполинами объясняется то, что Достоевскій, сразу, и то, что называютъ реализмомъ, и то, что называютъ декадентомъ, и то, что называютъ символистомъ, и еще, и еще. О чемъ бы Достоевскій ни заговорилъ, его слово мѣтко, его достиженіе — какъ арканъ Индійца, его положенія неожиданны, каждый его замысль — остріе. И онъ одинаково хорощъ въ описаніи комнаты и въ рѣчи къ Богу, въ политической статьѣ и въ размышленьи о стихахъ. Когда же Левъ Толстой начинаетъ говорить о Бодлэрѣ, онъ не умѣетъ даже грамотно его процитировать, и когда онъ начинаетъ говорить о Богѣ, его плоскости возмущаютъ душу.

Въ большихъ крыльяхъ есть разные перья, и разныхъ взаимосоотвѣтствій. Въ малыхъ крыльяхъ — тоже разные перья, но сопоставить ихъ, — не такъ ужъ они различествуютъ въ размѣрѣ, различье лишь въ окраскѣ — для глаза, который лишь бѣгло смотритъ. Но это не въ осужденіе малымъ крыльямъ. И колибри вѣдь птица малая, и

два фейные царя—соловей и жаворонокъ — не щеголяютъ размѣрами крыльевъ и тѣль.

Говорю это, дабы отъ великаго масштаба перейти къ малому, и заговорить о современной Русской литературѣ. То, что въ ней живого, почти цѣликомъ ограничивается поэтами. Прозаики, за двумя-тремя исключеніями, непристойны по своей повторности, по изношенности приемовъ, по вульгарности своего языка. Одни имѣютъ талантъ, но не умѣютъ писать, другіе умѣютъ писать, но не имѣютъ таланта, или имѣютъ его въ ограниченныхъ размѣрахъ. Третьи, наконецъ, исчерпали себя, временно или на вове. Оперный пѣвецъ Русской прозы, Леонидъ Андреевъ, сталъ вчерашнимъ днемъ, и потому его творчество какъ разъ подстать для большой международной публики. Для нея же, — хочетъ ли онъ того или не хочетъ, — пишетъ свои компилятивные романы Мережковскій. Зинаида Гиппиусъ безшумно увяла. Любопытны Зайцевъ и Ремизовъ, но не приковываютъ вниманія. Въ томъ или иномъ смыслѣ можно назвать еще нѣсколько именъ. Но здѣсь нѣтъ живого дуновения, отъ котораго бы радостно вздохнулъ и сказалъ: «Весна». Вотъ, развѣ Ремизовъ броситъ иногда весенній цвѣточекъ, или Зайцевъ найдетъ осеннюю травку, которая похожа на весеннюю. Мало. Почему мало? По причинамъ чисто-формальнымъ: нѣтъ большихъ талантовъ. Малый же талантъ можетъ дать большое — и даже великое—если его обладатель сожжетъ себя въ горниль. Немногомъ хочется идти въ огонь, съ недостовѣрнымъ оттуда исходомъ.

Я невысокаго мнѣнія и о современныхъ Русскихъ поэтахъ. Однако, я все чего-то отъ нихъ жду, и, кромѣ того, уже многіе дали что-нибудь, продолжаютъ давать. Брюсовъ, Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, Балтрушайтисъ

Блокъ, на минутку Кузминъ, на полминутки Городецкій зовутъ, влекутъ, и притягиваютъ. Брюсовъ, съ своимъ узко-ограниченнымъ, острымъ талантомъ, далъ съ десятокъ замѣчательныхъ вещей, и много интересныхъ. Его «Крысоловъ», «Адамъ и Ева», «Путь въ Дамаскъ», «Крылья, крылья» сияютъ неувядающей красотой. Многія его пѣсни о Городѣ даютъ ощущение стѣнъ, улицъ, и домовъ, и выдыханій домовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Но онъ подъ такимъ сильнымъ влияніемъ Уольта Уитмана, Верхарна, Верлэна, Уэльса, онъ такъ весь проникъ многообразными влияніями Французской литературы, и иныхъ литературъ, что, когда начинаешь, для самого себя, выяснять, что есть собственно Валерій Брюсовъ, улавливаешь несомнѣнный брюсовскій тонъ, но въ смыслѣ элементовъ мало что находишь доподлинно Брюсовскаго. Я уже не говорю о совершенно ничтожныхъ его рассказахъ, и о его романѣ. Вячеславъ Ивановъ, въ отдѣльныхъ достиженияхъ чрезвычайно сильный поэтъ, въ общемъ представляетъ какъ бы параллель къ Брюсову. Онъ книжникъ. Онъ вобралъ въ себя, внѣ соотвѣтствія съ размѣрами и свойствами своей поэтической личности, столько разнородныхъ книжныхъ элементовъ, что они заслонили отъ него его самого. И въ однихъ вещахъ это истинно-Русскій плѣнительный лѣсной поэтъ, въ другихъ, въ огромномъ большинствѣ, онъ не болѣе какъ словесникъ-дистилляторъ. Такъ-таки и чувствуешь аптеку, и очень доброкачественныя трубочки и пузырьки, наполненные смѣсями разныхъ эссенцій, но до дуга и лѣса довольно далеко. Сологубъ — дьяволоподобный схимникъ, и когда его слова звучатъ не слишкомъ часто, они интересны, но по свойству своего обличія онъ часто говоритъ не должнъ, а то впечатлѣніе получается не достоудное.

Балтрушайтисъ печатался слишкомъ мало, но чувствуется, что это настоящий Литвинъ, соединеніе суровости и нѣжности, душа, которая мало говоритъ, оттого что много знаетъ, и особенно твердо помнитъ, какую форму принимаютъ кристаллы, когда застываютъ слезы. Блокъ неясенъ, какъ падающій снѣгъ, и какъ падающій снѣгъ уводитъ мечту. Приведетъ ли куда, не знаю,—хорошо, что порою уводитъ ее. Городецкій — выпущенный изъ клѣтки щегленокъ. О немъ пока много говорить нечего. У Кузмина есть уже свой стиль, который я назову стилемъ имитации. Безъ ироніи. Его «Комедія объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ» зачаровываетъ своимъ тонкимъ изяществомъ.

Есть еще цѣлый рядъ именъ. Есть, на примѣръ, совершенно внѣшнее имя: Андрей Бѣлый. Стихотворецъ незначительный, весь состоящій изъ разрозненныхъ кусочковъ, дошедшихъ къ нему и оттуда, и отсюда. Но — разудалый журналистъ. Проскользнутъ два-три чарующіе стиха Аделаиды Герцыкъ, Любови Столица, Маргариты Сабашниковой. И снова дверь, которая куда-то на мигъ приоткрылась, наглухо закрывается. И чувствуешь мутный осенній воздухъ *).

Отчего мутная осень? Причинъ много, но главныхъ, мнѣ кажется, двѣ: во-первыхъ, обычная — нѣтъ, или мало, крупныхъ талантовъ; во-вторыхъ, сопутствующая — чрезвычайно много маленькихъ талантовъ и дарованьищъ, кото-

*) Послѣ того какъ предлагаемый очеркъ былъ написанъ, Любовь Столица напечатала книгу «Раиня», гдѣ есть рядъ превосходныхъ стихотвореній. Кузминъ напечаталъ свои плѣнительныя «Газелы». Я прочелъ также замѣчательные стихи Аделаиды Герцыкъ, которые еще не напечатаны. Отъ трехъ названныхъ поэтовъ и отъ Городецкого я жду истинно-художественныхъ произведеній.

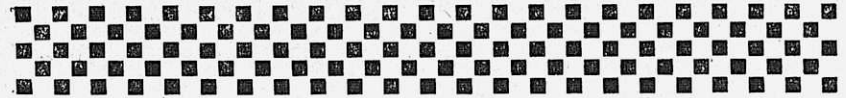
рые, обрадовавшись готовымъ формуламъ, безъ конца занимаются словеснымъ спортомъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Русскій стихъ еще не вѣдалъ той нервной жизни, какую онъ узналъ за періодъ послѣднихъ лѣтъ семи. Постепенно, въ соотвѣтствіи съ сложными внутренними переживаніями трехъ-четыреохъ крупныхъ поэтическихъ личностей, надѣленныхъ даромъ непрерывнаго внутреннего ритма, Русскій стихъ развился, усложнился, расцвѣлъ многопѣвными звонами, разукрасился яркими цвѣтами и золотыми округлостями, какія возникаютъ лишь въ богатыхъ садахъ. Этотъ расцвѣтъ далъ жизнь и возможность творчества цѣлому ряду малыхъ талантовъ, у которыхъ хорошая способность воспріятія, но нѣтъ перерабатывающей способности созиданія, и нѣтъ соотвѣтствія между внутренними переживаніями и высокими задачами Искусства. Сказать ли? Слишкомъ часто нѣтъ никакихъ внутреннихъ переживаній, кромѣ самыхъ элементарныхъ. Змѣй показалъ Райское древо, но люди не стали богами. Нѣсколько сильныхъ змѣевъ родило много малыхъ змѣенышей, разныхъ, но свившихся въ одинъ спутанный клубокъ. И правда, если что поражаетъ въ Русскихъ поэтахъ нашего сегодня, такъ это ихъ кружковая сплетенность въ одинъ клубокъ. *А* говоритъ о *Б*. *Б* говоритъ объ *А* и *В*. *В* говоритъ объ *А* и *Б*, и такъ далѣе, все другъ о другѣ. Какой-то пляшущій алфавитъ, исполненный самовосхваленія и чрезвычайнаго довольства собой. Ну, что-жь. «Пусть такъ будетъ, какъ кто хочетъ», — говоритъ мудрый Вейнэмейнэнъ. Красиво это или некрасиво другой вопросъ.

Мнѣ вспоминается нѣкоторое сказаніе, бродившее по разнымъ странамъ. Змѣи священны, это звѣри особенные, обожествлявшіеся во всѣхъ великихъ цивилизаціяхъ. И

красива одна цвѣтистая сильная змѣя, а есть кромѣ того еще и праздникъ змѣй, когда они свиваются въ могучій клубокъ. Это бываетъ въ яркій день Осени, отмѣченный въ тайныхъ рунахъ, въ глухомъ лѣсу, надъ глубокимъ озеромъ, надъ страшнымъ лѣснымъ глянцевитымъ прудомъ. Змѣи свиваются, они извиваясь являютъ ликъ многоликаго грознаго существа, мелькаютъ зеленымъ свѣтомъ и синимъ, и всѣми другими свѣтами, и сплетаются жалами, и ликуютъ въ змѣиномъ торжествѣ, а въ должный часъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ прозвенѣть, расходятся, и тамъ, гдѣ сплетались змѣиные жала, остается на землѣ великій цѣнный изумрудъ. Такихъ изумрудовъ, въ каждомъ вѣкѣ, и въ каждой странѣ, немного. Змѣи расходятся, и послѣ праздника живутъ, каждая своей отдѣльной змѣиной извивною жизнью, и по-отдѣльному бываетъ красива каждая. Но если такое змѣиное таинство случайно, неполно подсмотреть змѣеныши, они тоже свиваются клубкомъ на берегу пруда. И ликуютъ, покуда въ тотъ прудъ не свалятся, или пока не промчится мимо крылатая хищная птица, которая боится трогать змѣй, но истребляетъ быстро змѣенышей.

Притчи хороши безъ истолкованій, и я кончаю, подтвердивъ, что я очень люблю змѣй.

О КНИГАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Замѣтка.

Мнѣ радостно, и мнѣ прискорбно. Передо мною двѣ книги, предназначенныя для дѣтскаго чтенія: «Новые поэты». Сборникъ избранныхъ стихотвореній современныхъ поэтовъ для дѣтей. В. Л., Москва, 1907,—и—«Живое Слово». Книга для изученія родного языка. Часть I. Составилъ А. Я. Острогорскій, директоръ Тенишевскаго училища въ Спб., С.-Петербургъ, 1908.—И въ той, и въ другой книгѣ есть мои стихи, а нарядная книга Острогорскаго даже такъ и начинается тремя «Осенями»: Гр. А. К. Толстого, К. Бальмонта и А. Фета. Радостно. Приятно. И даже лестно. И для меня счастье — знать, что мои слова доходятъ до дѣтскаго сознанія. Но... Но... Разсмотримъ.

Лѣтъ пять тому назадъ съ половиной былъ я въ Крыму въ гостяхъ у Льва Николаевича Толстого. Великій старикъ добрымъ, незабываемо-ласковымъ голосомъ говорилъ, подтрунивая: «А Вы все декадентскіе стихи пишете? Нехорошо. нехорошо». И попросилъ меня что-нибудь прочесть. Я ему прочелъ «Ароматъ Солнца», а онъ, тихонько покачиваясь на креслѣ, беззвучно посмѣивался и приговаривалъ: «Ахъ, какой вздоръ! Ароматъ Солнца! Ахъ, какой

взоръ!» Я ему съ почительной ироніей напомнилъ, что въ его собственныхъ картинахъ весенняго лѣса и утра звуки перемѣшиваются съ ароматами и свѣтами. Онъ нѣсколько принялъ мой аргументъ, и попросилъ меня прочесть еще что-нибудь. Я прочелъ ему: «Я въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта». Левъ Толстой притворился, что и это стихотвореніе ему совершенно не нравится. Но оно произвело на него впечатлѣніе, и онъ совершенно другимъ тономъ сказалъ: «Да кто Вы собственно такой? Расскажите мнѣ, кто Вы?» Онъ, кажется, любитъ такіе вопросы предлагать посѣтителемъ. На меня мгновенно напало состояніе художественнаго синтеза, и я, въ десять или пятнадцать минутъ, съ великимъ довѣріемъ, рассказалъ ему всю свою жизнь, въ главныххъ ея чертахъ. Отдѣльные вопросы и переспросы, которыми онъ изрѣдка перебивалъ мой торопливый рассказъ, показывали мнѣ, какъ онъ слушаетъ. Быть можетъ, никогда въ моей жизни ни одинъ человекъ такъ не слушалъ меня. За одну эту способность—такъ приникать душой къ чужой, чуждой душѣ можно безконечно полюбить Льва Толстого, и я его люблю. Отъ всего этого свиданія съ нимъ, длившася нѣсколько часовъ, у меня осталось единственное по ласковости, очаровательное впечатлѣніе, и вотъ сейчасъ,—черезъ мглу годовъ, вспоминая этотъ ласковый крымскій вечеръ, я чувствую въ душѣ дѣтскую радость, дѣтски-сладостную признательность къ Льву Толстому за каждое его слово и движеніе. А «Ароматъ Солнца» онъ все-таки не понялъ, какъ, при всей своей безмѣрной чуткости и при всемъ своемъ творческомъ гениі, цѣлаго множества явленій онъ не понимаетъ.

Нынѣ же, вотъ, раскрываю я книжечку, предназначенную для дѣтей, и вижу, что тамъ есть нѣсколько

моихъ вещей, и межъ нихъ на первомъ мѣстѣ «Ароматъ Солнца». Что должно было совершиться—совершилось. Кругъ очертился сполна, и конечная точка снова стала начальной.

Я знаю многихъ дѣтей, которыя принимаютъ «Ароматъ Солнца». И знаю дѣтей, которыя, разъ прослушавъ это стихотвореніе, уже потомъ всегда, въ опредѣленный солнечный мигъ, во время прогулки въ лѣсу или въ саду, вдругъ останавливаются и говорятъ: «Ароматъ Солнца». Для меня—высокое художественное счастье—эта радость знать, что тонкія золотыя струны, прозвучавшія въ моей душѣ, звучатъ и звучатъ въ утонченныхъ дѣтскихъ душахъ. О, утонченныхъ! Слѣпцы думаютъ, что дѣтскія души—простыя, какъ они думаютъ, что Природа есть образецъ простоты. Но Природа, каждый день создающая новые закаты и каждое утро находящаяся въ безбрежномъ творчествѣ, есть воплощенная сложность, а не простота. Природа бѣжитъ простоты, какъ бѣжитъ пустоты. И дѣтскія души сложны, утонченны, душа ребенка извилиста, дѣтская душа—лабиринтъ. На берегу Балтійскаго моря трехлѣтняя свѣтлоглазка нашла кусочекъ янтаря, и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «Смотри, я нашла маленькое солнце». Эта же дѣвочка, одѣтая, хочетъ войти въ море. Няня удерживаетъ ее. Она улучаетъ минуту, быстро вбѣгаетъ въ воду по горло, и побѣднымъ голосомъ кричитъ: «Море—мое!» Эта же дѣвочка, теперь, когда ей семь лѣтъ, недовольна, что наступаетъ ночь, и свѣтитъ блѣдная Луна. Безъ чыхъ-либо внушеній, она беретъ большой листъ синей бумаги, рисуетъ на немъ сверху до низу множество блѣдныхъ звѣздъ, бѣлый серпъ Луны вверху, а рядомъ съ нимъ, дотянувшійся отъ самой земли, тонкій стебель желтаго цвѣтка, побѣдителяго, огромнаго, какъ Солнце, а внизу,

на холмѣ, маленькій человѣкъ, съ угрозою вздымающій къ небу превеликій мечъ. На этомъ *золотъ въ лазури*—надпись: «Вызовъ въ небо». Другая дѣвочка, на два года ея старше, дѣтски-любя слушать мои сказочки, говоритъ мнѣ: «Когда, ночью, я закрываю глаза, Ваши сказочки приходятъ ко мнѣ на подушку». «У меня желтые волосы»,—говоритъ она.—«Вѣдь я же овсяночка, и Вы любите Солнце, я всегда буду Вашей женой». Каждый день мы проходимъ въ саду по зеленымъ тропинкамъ и песчанымъ дорожкамъ. Встрѣтимъ четыре камешка, одного имъ взгляда не подаримъ. Развѣ, что глянemъ, когда отшвырнемъ ихъ ногой. А подойдетъ къ этимъ камешкамъ ребенокъ, и изъ четырехъ построитъ мірозданіе.

Вернемся, однако, къ тѣмъ двумъ книжкамъ. Въ сборникѣ стиховъ для дѣтей—двадцать два имени. И между прочимъ тутъ есть Мережковский, у котораго на счетъ 5—6 хорошихъ стихотвореній, тутъ есть прославленный П. Я.,—прославившійся чѣмъ, не вѣдаю,—но что лучше всего, тутъ есть Ватсонъ, и Германовъ, и Фольбаумъ. Не прелестно-ли? Дѣтямъ хотятъ показать не только цвѣты именитые. Чѣмъ незабудка хуже орхидеи? Правда, чѣмъ? Вы только объясните мнѣ? Но дѣло-то вотъ въ чемъ. Забыли о незабудкахъ и Ватсонъ, и Фольбаумъ. Не вѣдаютъ цвѣтовъ ни П. Я., ни Германовъ. А хотѣлъ бы я спросить г-на В. Л., составлявшаго сборникъ,—неизвѣстны-ли ему три имени: Минскій, Брюсовъ, и Балтрушайтисъ? Ему неизвѣстно, что у Минскаго есть прекрасныя строки о разметанномъ птичьемъ гнѣздѣ? Ему неизвѣстны строки Балтрушайтиса «Боярыня-Зима»? Ему неизвѣстны кристальные строки Валерія Брюсова о мальчикѣ, которому ангелъ помогаетъ ввезти въ гору мерзлую бочку съ водой? И строки Брюсова о Палочкѣ-Выручалочкѣ? И его строки:

«Вы, снѣжинки, вѣйте, насъ лишь пожалѣйте»? И г-ну В. Л., быть можетъ, неизвѣстно, что ребенокъ свое дѣтское впечатлѣніе запоминаетъ на всю жизнь, и что подсунуть ребенку шелуху, когда можно дать ему драгоценныя зерна, есть поступокъ дрянной и преступный? Изданіе такой книжки, какъ сборникъ г-на В. Л., я считаю фактомъ литературной наглости.

Мнѣ нѣсколько странно переходить отъ ничтожной книжонки къ цѣнному труду А. Я. Острогорскаго «Живое Слово». Нарядно изданный большой томъ, въ 368 страницъ, почти цѣликомъ состоитъ изъ несомнѣнныхъ образцовъ родной словесности; каждое стихотвореніе, каждый прозаическій отрывокъ снабжены очень интересными синонимными истолкованіями; почти каждая страница украшена оригинальными рисунками и снимками съ картинъ Билибина, Рериха, Кардовскаго, Замираило, Левитана, Переплетчикова, Сѣрова, и многихъ другихъ. Не могу не отмѣтить также, что этотъ большой, красивый томъ стоитъ всего 90 копѣекъ,—эту книгу можетъ купить и бѣднякъ, считающій каждый грошъ. При подборѣ образцовъ, А. Я. Острогорскій старался соединять несомнѣнности давнихъ временъ съ вещами новыми, съ которыхъ еще не стерто, въ общепринятости, клеймо табу. Но и Острогорскому нельзя не предложить вопроса: Почему такая робость въ выборѣ *новыхъ* именъ? Почему Бальмонтъ и Бунинъ могутъ входить въ дѣтскую, а Брюсова и Балтрушайтиса туда не пускаютъ? Не могу еще не указать, что въ синонимныхъ истолкованіяхъ А. Я. Острогорскій не всегда точенъ. Напримѣръ, страница 105, «сизый—темный, черный съ синеватымъ отливомъ». Сизый есть свѣтло-сѣро-синеватый, а отнюдь не черный съ синеватымъ отливомъ. Стр. 209, «лазурь—темно-голубая краска». Лазурь

есть небесно-голубая краска, и темно-голубая и свѣтло-голубая. Стр. 236, «млѣть—обмирать, приходитъ въ забытьѣ». Млѣть значитъ также сладко нѣжиться, медлить на сладостномъ ощущеніи. Острогорскій говоритъ также (стр. 175), «денница—утренняя заря». Денница есть и утренняя заря, и утренняя звѣзда, и въ нашемъ воспріятіи она чаще означаетъ утреннюю звѣзду. Но это, конечно, лишь частичныя замѣчанія, и въ цѣломъ книга Острогорскаго есть подарокъ, который обогатитъ всякую дѣтскую душу.

Дѣтскіе подарки! Можно ли ихъ позабыть! Я до сихъ поръ четко помню, что когда, пяти лѣтъ, я самъ научился читать, подсматривая за старшимъ братомъ, котораго учила моя мать, отецъ, растроганный, подарилъ мнѣ маленькую книжку; это было путешествіе, тамъ были дикари, и книжка была въ синемъ переплетѣ, а картинки въ ней были желтыя. Въ это же время, быть можетъ, годомъ позднѣе, я читалъ «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго, и стихи Пушкина и Никитина, и Русскія Народныя пѣсни, Русскія Народныя сказки. Я помню, что меня загадочно плѣнило словосочетанье «ахъ, ты горе-гореваньице». И весьма поразило меня, что горе лыкомъ подпоясано. «Хижина дяди Тома», «Жена ямщика» Никитина, Пѣсни Кольцова, романы Жюль-Верна,—какъ ихъ позабыть? А Майнъ-Ридъ! Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, одинъ офицеръ, пріятель моей матери, каждую субботу приносилъ мнѣ изъ офицерской бібліотеки томъ-два, а иногда и цѣлыхъ три тома Майнъ-Рида. И врядъ ли древніе сыны Израиля болѣе напряженно вѣдали радость субботняго дня, чѣмъ я. Такъ наслаждаться книгой, ужъ не наслаждался больше никогда. Развѣ что въ этомъ родѣ трепеталъ, когда года черезъ три увлекался Тургеневымъ,

а еще позднѣе Достоевскимъ и Эдгаромъ По. Въ дѣтствѣ и въ ранней юности книга не есть литература, все въ ней живетъ и входитъ въ душу, ея смыслъ, ея языкъ, самая внѣшность, бумага, переплетъ. Три года тому назадъ, путешествуя въ Мексикѣ, я нѣсколько разъ вспоминалъ, что въ романахъ Майнъ-Рида, которые я читалъ одиннадцати лѣтъ, «Мексика» называлась «Мехика». Одно слово можетъ стать живымъ другомъ на десятки лѣтъ, навсегда. Лѣтъ тринадцати забрался я разъ въ бібліотеку моей матери, перерылъ всѣ книги, и, перелистывая какой-то томъ, узналъ, что «self-help» значитъ «самопомощь». Будучи съ измальства наклоненъ къ самостоятельности, влюбился въ это слово молниеносно, и много, много разъ оно пропѣло мнѣ въ жизни. И все еще поетъ.

Въ дѣтствѣ мы пьемъ свѣжую воду. Дайте намъ въ дѣтствѣ свѣжихъ ключей. Въ дѣтствѣ, среди цвѣтовъ, мы—цвѣты. Дайте намъ въ дѣтствѣ цвѣтовъ.

1908. Мартъ. Долина Березъ.

*ПЬЯНОСТЬ
СОЛНЦА*

ПЬЯНОСТЬ СОЛНЦА.

[Бретань].

МНѢ впервые настойчиво снилась Бретань въ тѣ дни, когда слагалась первая моя книга, полная оргійнаго торжества, «Горяція Зданія». Я былъ тогда въ пѣвучей увлеченности Испанцами, которая, нѣсколько видоизмѣнившись, такъ ужъ и останется со мною на всю жизнь. Скрытыя поэтическія силы достигли во мнѣ тогда какихъ то смѣлыхъ и четкихъ возможностей. Я ощущалъ ихъ, но онѣ еще все не выявлялись воочію, и я былъ похожъ на человѣка, который встрѣтилъ въ лѣсу причудницу - фею, она завязала ему глаза, насыпала полныя руки драгоцѣнностей и велѣла такъ идти, прямо, все прямо, до извѣстнаго времени не срывая повязки, — и вотъ онъ идетъ, богатый, но слѣпой, слѣпой, но счастливый сознаниемъ, что вотъ-вотъ глаза его сдѣлаются вольными, и онъ увидитъ, какія-же сокровища онъ несетъ. Жемчуга? Халцедоны? Топазы? Или агаты, съ тѣневыми сіяніями? Или алмазы, что рѣжутъ и хохочутъ, впивши въ себя разбитую имъ радугу? Морская тамъ бирюза? Лунный камень душъ лунатическихъ? Или весенній изумрудъ, говорящій о радости луговъ? Или рубинъ, что точитъ алый ядъ?

Когда я раскрылъ свои глаза, въ рукахъ моихъ оказа-

лись изумруды и рубины, и я написал книгу Жизни и Страсти, апрѣльскія страницы нѣжныхъ зеленоцвѣтностей, и алые, дымно-алые свитки, озаренные заревомъ далекихъ пожаровъ и полные гуловъ ночного набата.

Я жилъ тогда—это было лѣто—въ лѣсной усадьбѣ, въ подмосковномъ имѣніи Поляковыхъ, Баньки, иначе же Лисьи Горы. Я радовался каждому цвѣтку, каждой малой былинкѣ, вонъ тѣмъ полевымъ ромашкамъ на взгорьѣ, нѣжнымъ, еще клейкимъ, листочкамъ тонкихъ березъ, болотному растеньицу, глядящемуся въ зеркальце рѣченки, змѣвиднымъ тропинкамъ лѣса-парка, и этой заброшенной бесѣдкѣ, внесенной надъ зеленымъ яромъ. Все было хорошо. Рыжіе муравьи бѣгали по дорожкамъ,—Солнце и ихъ пьянило, не только меня. Малыя птицы со свистомъ перелетали съ дерева на дерево. Дружная, большая семья была въ неустанномъ празднествѣ жизни. Радость быть въ гостяхъ и быть дома. Внимательныя души. Внимательные глаза. Дѣтскіе крики и дѣвическій смѣхъ. И тамъ были качели. И были чарованія Луны. Жемчужная перевязь отъ Луны до Солнца, и отъ Вечерней Звѣзды до Утренней.

По вечерамъ, когда, надышавшись Солнцемъ и до сыта набѣгавшись, я сидѣлъ передъ лампой въ своей рабочей комнатѣ, въ раскрытыя окна доносились пахучіе шелесты деревьевъ, прилетали ночныя бабочки, садились близь лампы на толстый англійскій словарь или на изящный *in quarto* майор Кальдерона, и мудро шевелили своими усиками и передними лапками. Я читалъ по-норвежски безсмертнаго «Пана» Кнута Гамсуна, и мнѣ казалось, что все это онъ про меня пишетъ. Гамсуна принесъ мнѣ, однажды, С. Поляковъ, большой знатокъ и цѣнитель художественныхъ вымысловъ. Онъ же, не разъ и не два, приносилъ мнѣ другія норвежскія книги и шведскія, фран-

цузскія и итальянскія книги, которыя переплелись съ моими собственными настроеніями, какъ вонъ тамъ, за окномъ, переплелись вѣтви двухъ близкихъ другъ другу березъ. Въ это лѣто, кромѣ радости причащаться собственнхъ глубинъ и глубинностей солнечнаго бытія, у меня была еще острая, нѣжно-больная и сладко-ядовитая, радость двухъ новыхъ дружбъ—братская дружба съ Ю. Балтрушайтисомъ и С. Поляковымъ. Продолжала также тянуться и усложняться многоцвѣтная нить моей дружбы-вражды съ Валеріемъ Брюсовымъ, съ которымъ мы ходили вдвоемъ по нашимъ душамъ, какъ ходятъ въ минуты счастья по ночному и утреннему саду, и какъ ходила андерсеновская Русалочка по осколкамъ стекла. Въ то лѣто, однако, Брюсовъ представлялъ для меня мало интереса. Мы съ нимъ скорѣе встрѣчались тогда—помнится, лишь два-три раза—какъ встрѣчались когда-то александрійскіе спорщики: чтобы поиграть рапирами словъ и кинжалами понятій, блеснуть, проблистать, переблестѣть, завлечь, усмѣхнуться, уйти. Не въ этомъ, конечно, главное содержаніе моей многолѣтней дружбы съ Брюсовымъ, но въ то лѣто было почти только это. А дружба моя съ Балтрушайтисомъ и съ Поляковымъ—это была радость первичнаго поцѣлуя двухъ душъ, радость читать только что созданную, волнующе-интересную книгу, которая приковала вниманіе первой же узывчивой строкой. И если при возникновеніи «Горящихъ Зданій» душа моя воспринимала воистину вліянія какихъ-нибудь душъ, какъ цвѣты ночной красавицы принимаютъ вліянія лунныхъ лучей, и какъ лунный лучъ мѣняется въ цвѣтѣ, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, падаетъ ли онъ на озерное зеркало или на бархатныя завѣсы,—эти души были Ю. Балтрушайтисъ и особенно С. Поляковъ.

И свиданія наши были двоякаго рода: или они прїѣзжали въ усадьбу, гдѣ я жилъ (оба были удерживаемы дѣлами въ Москвѣ), или я на два—на три дня прїѣзжалъ къ нимъ въ Москву. Въ первомъ случаѣ я былъ у себя, въ ритмѣ моихъ настроеній, моихъ часовъ и минутъ, въ качаньи качелей, зеленыхъ вѣтвей, и узывчивыхъ словъ—и душа моя являла свѣтлый свой ликъ. Во второмъ случаѣ Городъ хваталъ водоворотомъ, освобождалъ волю отъ законченности свершеній, вбрасывалъ ее въ оргійную радость разнузданности, и я впадалъ, мы впадали, въ чары Алкоголя, уходили въ отравный туманъ ночныхъ кочеваній, и опьянялись больше, чѣмъ виномъ, ядовитой усладой—вести змѣиный разговоръ, сопоставлять острія, все уловить въ сѣти словъ, и въ труппахъ читать наизусть серафическія строки Шелли, и, выходя изъ вертеповъ, привѣтствовать Утреннюю Звѣзду. И тутъ, во второмъ этомъ случаѣ, не только возникалъ звѣздоглазый Люциферъ, а случалось, и просто Бѣсъ кружилъ, жалкій, мучительный дьяволъ повторностей, тюремная замкнутость въ самомъ себѣ, сумасшедшая невозможность выйти изъ круговой цѣпи, звенья которой ты выковалъ самъ.

О, какое освобожденіе—послѣ этихъ судорожныхъ восторговъ, перемѣшанныхъ съ болью, очутиться въ тихомъ зеленомъ раю, гдѣ все такъ стройно и ясно. Вотъ—отъ липы до березы, отъ дорожки до дорожки, отъ страницы печально-нѣжной до страницы свѣтло-поцѣлуйной, отъ Солнца до Луны, отъ губъ до губъ, отъ желто-бѣлыхъ звѣздностей ромашки до той, вонъ до той, небесной звѣзды.

И однако же—однако же—вѣдь Дьяволь-то живетъ. Побудешь въ зеленомъ храмѣ, Дьяволъ и шепчетъ: «Святой». Выйдешь къ болотцу, а птица ночная и крикнетъ, выпъ завопитъ: «Ой-ой». Лѣшій въ кусту захохочетъ и

тоже: «Святой, святой». А ужъ вѣдомо сердцу: если святой, такъ значить, человекъ рѣшенный. Что ужъ тутъ. На образокъ да въ божницу. За золоченую оправу. Ликъ тамъ такъ и пребудетъ.

И вотъ солнечный лучъ, входя въ кровь, зоветъ и уводитъ мечту. Истомитъ дневнымъ ликомъ—захочешь ночного. Побудешь въ ночной опрокинутости—и страшно, устанетъ душа, хочешь тишины и журчанья ручейковъ.

Именно въ одинъ изъ такихъ дней утомленности Солнцемъ, которое пьянитъ и зоветъ, а куда зоветъ, хорошенько не знаешь, вдругъ отступилъ я отъ Солнца и пожелалъ тумановъ. Захотѣлось безволія, безлюбія, безглагольности, красокъ сѣдыхъ, моря сѣдого, неба сѣдого, дымки вездѣ. И тутъ мнѣ привидѣлась Бретань.

Въ Бретани тогда еще не былъ, мало что о ней зналъ, а написались строки, въ которыхъ живутъ тѣневые ея очертанія, какъ, подобно гигантскимъ тѣнямъ, призрачно живутъ ея сѣдые утесы надъ Моремъ, озареннымъ ущербной Луной. Вотъ эти строки.

БРЕТАНЬ.

1.

Затянуть мглой свинцовый небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь острововъ Аръ-Гентилесъ-Руссогъ,
Какъ звѣри, притаилися въ туманѣ.
Они какъ бы подвижны въ Океанѣ
По прихоти всегда-невѣрныхъ водъ.
И полный изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ неясный Мѣсяць льетъ.
Какъ сонмы лицъ, глядятъ толпы утесовъ,
Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
Они идутъ. Гляди. Въ тиши ночной.
Идутъ туманы блѣдной целеной.

2.

Лишь только тамъ, на Западѣ, въ туманѣ,
Утонетъ свѣтъ поблекнувшаго дня,
Мои мечты, какъ мертвые въ Бретани,
Неумолимо бродятъ вокругъ меня.
Надежды, осужденныя заранѣ,
Признанія умершія, стена,
Утопленники въ темномъ Океанѣ,
Погибшіе навѣкъ изъ-за меня.
Они хотятъ, въ забвеніе обиды,
Молитвъ заупокойной панихиды.
Моихъ молитвъ, о, Боже, не отринь!
Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мнѣ? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

Мнѣ странно думать, мнѣ странно знать теперь, послѣ того какъ я видѣлъ Бретань, узналъ ее,—что эти строки воистину овѣяны Бретонскимъ воздухомъ, хоть тѣломъ я еще не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя возникли въ ритмическомъ напѣвѣ. Мнѣ также очень странно думать, что обычный ритуальный размѣръ Друидическихъ пѣснопѣній суть троестрочія съ трикратно повторенной одной и той же рифмой (чего я вовсе не подозрѣвалъ тогда), а именно въ это лѣто мнѣ открылась магическая тайна троестрочій, я написалъ такія свои стихотворенія, какъ «Къ Бодлэру», «Совѣсть», «Молебень». Теперь не рѣдкость встрѣтить среди Русскихъ стиховъ троестрочія, но въ тѣ дни этотъ ритмъ былъ колдующей новостью какъ для меня, такъ и для тѣхъ поэтовъ, которымъ я читалъ

свои стихи. Самъ не зная, я душой побывалъ тогда въ Бретани великихъ древнихъ дней *).

Я увидѣлъ Бретань воочию лишь два года тому назадъ, когда я приѣхалъ съ своими близкими, въ Финистеръ, и провелъ все лѣто, до поздней осени, въ пустынномъ мѣстечкѣ Примель, что находится въ недалекости отъ городковъ Morlaix и St-Jean du Doigt. Снова судьбою мнѣ было послано счастливое солнечное лѣто. Снова мнѣ улыбалось творчество. На другой же день или на третій, отъ свѣжаго дыханія Моря, отъ ощущенія скалъ, уединенія, и отъ ежеминутной радости тонкаго сопричастія дорогихъ душъ, мечта во мнѣ зацѣла и уже не умолкала до дня, какъ мы выѣхали изъ Примеля съ послѣднимъ дилижансомъ. Я поселился на самомъ берегу Моря, вмѣстѣ съ своей женой и съ морскою причудницей, зеленоглазой моей дѣвочкой Ниникъ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ нашептала «Фейныя Сказки». Въ Примель же, и около Примеля, поселилось еще нѣсколько дорогихъ мнѣ людей, чьи души были въ ритмическомъ слияніи съ моей. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ меня жилъ, кромѣ того, художникъ и писатель А. Н. Бенуа съ своей семьей, и молодой ученый А. Смирновъ. Дѣти съ дѣтьми, взрослые

*) Мои троестрочія отличаются отъ Бретонскихъ тѣмъ, что у Бретонцевъ вторая строчка обычно короче первой и третьей, у меня же всѣ три строчки одинаковаго количества слоговъ. И конечно не только этимъ: въ моихъ троестрочіяхъ лишь Поэтъ нашихъ дней, въ полныхъ бѣшеннаго движенія Бретонскихъ вспѣвахъ—Сыны Солнца и Луны, еще не боящіеся цвѣта крови.—Мнѣ кажется, что это я ввелъ этотъ размѣръ въ Русскую Поэзію, по крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ его до меня ни у одного изъ Русскихъ Поэтовъ. Быть можетъ однако я просто не знаю. Не разрѣшить ли этотъ вопросъ Валерій Брюсовъ, столь свѣдущій въ Исторіи Русской Поэзіи.

со взрослыми, каждый день осуществлялись многократныя длинныя прогулки по взморью, на скалы, на холмы, въ сосѣднія мѣстечки и въ зеленое царство полей, раскинувшихся на взгорьѣ надъ самымъ Моремъ, такъ что идешь по тропинкѣ, чуть-чуть не срываясь внизъ, и слѣва внизу—глубинное царство волнъ, морскихъ тумановъ и далей, а справа—огненная лента, капризно разбѣгающіеся и сбѣгающіеся алые маки, что тихонько отсвѣчиваютъ подъ лучами Солнца, и такъ тонко покачиваютъ своими алыми головками отъ малѣйшихъ дыханій приходящей свѣжести Моря.

Въ это лѣто я каждый день и каждую ночь былъ въ ритмѣ, и написалъ «Жаръ Птицу», а также цѣлый рядъ иныхъ вещей, которыя вошли въ «Пѣсни Мстителя» и въ недавно-вышедшую книгу «Птицы въ Воздухѣ».

Примель—совершенно пустынное мѣстечко. Двѣ гостиницы, три-четыре дачи, да десятка съ два бретонскихъ домишекъ—вотъ и все. Съ Запада полукругомъ, какъ бы въ видѣ гигантской подковы, Примель замыкаютъ зеленые холмы, покрытые успокоительными полями и небольшими деревьями. На Сѣверѣ заливъ замыкается группой высокихъ сѣрыхъ скалъ съ неправдоподобными—фантастическими очертаніями, дьявольская стая застывшихъ исполиновъ. Съ Юга, между цѣпкихъ кустовъ ежевики и лилового вереска, веселый путь, уводящій къ вершинѣ холма, дорога, ведущая къ бретонскимъ поселкамъ и къ старинному средневѣковому замку, сохранившему весь характеръ строительства тѣхъ временъ. А тутъ, прямо, въ той сторонѣ, гдѣ каждое утро начинается таинство Солнечнаго бѣга,—широкое Море, шелестящее, сине-сѣдое, воздушно-стальное, и въ душные парные дни бѣлое, прозрачно-бѣлое, словно сѣверное море Архангельскихъ областей,

Старинное блѣдное море, овѣянное сказками Бретани, населенной скудными, упрямыми людьми, которые вѣка и вѣка цѣпко держатся за свой языкъ, за свои обычаи и преданія, и могутъ жить или умереть какъ таковыя, но никогда не примирятся съ Франціей, и никогда Французами не будутъ.

Мнѣ понравились сразу эти Бретонцы. О, въ нихъ нѣтъ Галльскаго элемента въ его современномъ смыслѣ. Они не кривляются какъ обезьяны, не любезничаютъ вертляво и рецептурно, не болтаютъ, не остроумничаютъ. О, нѣтъ. Для нихъ еще доселѣ не сокрылось таинство сопричастія стихій. Китайскій мудрецъ Лаотце говоритъ о старинныхъ людяхъ, что слова ихъ медлительно-важны, какъ они сами, и что всѣ ихъ движенія степенно-осторожны, какъ движенія людей, переходящихъ черезъ рѣку, гдѣ проруби. Вотъ такъвы и Бретонцы. Самую простую вещь они дѣлаютъ, а глядятъ и движутся—какъ будто къ чему прислушиваются, какъ будто что видятъ за внѣшнимъ ликомъ вещей. Поистинѣ внутренній ихъ слухъ еще слышитъ, какъ Земля говоритъ: «Я живу», и какъ синее Море шепчетъ: «Я—все».

Мнѣ нравилось видѣть, какъ бретонскій рыбакъ приноситъ огромнаго лангуста, способнаго своими клешнями переломить вамъ руку. Мнѣ нравилось встрѣчать другого рыбака, который несетъ нѣсколько спрутовъ, осьминоговъ, размѣровъ не большихъ, но вида ужасающаго,—они ихъ тамъ ловятъ для приманки. И нравилось мнѣ встрѣчать дурочку Русскихъ сказокъ, странную дѣвочку-пастушку, которая неизмѣнно улыбалась мнѣ своими черненькими глазенками, и которая неизмѣнно пасла всего одну корову, Такъ-таки одна-одинешенька среди холмовъ и полей, и пасомая скотинка въ единственномъ числѣ. Мнѣ нравилось

также видѣть, какъ Бретонцы пьютъ, вотъ тутъ въ нашемъ estaminet. Французъ пьетъ,—словно вѣжливо служить въ гомеопатической аптекѣ. Себѣ не предложить второго стакана, а ужъ куда тамъ предложить стаканъ сосѣду или принять бокалъ отъ него. Нѣмецъ пьетъ,—какъ будто нѣмецкій напитокъ изъ неодушевленной бочки законно переходитъ въ живую. Англичанинъ пьетъ,—достойно, какъ истинный сынъ Британіи. Знаетъ, что Scotch Whiskey—вещь священная. Не даромъ Джонъ Бёрнсъ спѣлъ балладу о Ячменномъ Зернѣ. Англичанинъ и себя угостить, и васъ охотно. Предложить стаканъ неизвѣстному, ибо тутъ—сопричастіе къ таинству. Мнѣ случилось въ Оксфордѣ заходить въ bar, я былъ одѣтъ какъ «джентльмэнъ», выпивалъ свой стаканъ стаута или виски, и вдругъ, рядомъ, какой-нибудь возчикъ или иной рабочій обращался ко мнѣ: «Могу предложить, сэръ?» Съ этой очаровательной, сдержанной англійской учтивостью. И я, конечно, принималъ, предлагалъ съ своей стороны, и на минуту былъ другомъ съ другомъ, былъ въ соучастіи. Случалось и измѣнять ходъ дня. Случалось пить round, круговую. Но все же Англичане—народъ побѣдителей, Англичанинъ свой историческій ликъ воплотилъ сполна, и потому онъ не можетъ пить съ той самозабвенностью, съ какою пьетъ челоѣкъ, затаившій въ крови историческую обиду,—Русскій, Полякъ, Ирландецъ, или Бретонецъ. Упомяну ужъ еще и Мексиканца, съ его наспиртованнымъ мецкатлемъ и освѣжительно-бѣловатою пулькѣю,—различно перегнаннй сокъ агавъ. Бретонецъ пьетъ—словно міръ утопить хочетъ. И великолѣпно. Коли пить, такъ пить. Такъ пить, чтобы все стало инымъ,—и ты, и Земля, и Небо. И чтобы только это было дѣйствительностью, а все остальное лишь деталями, входящими и уходящими, какъ

влетаютъ въ солнечную комнату осы, мухи, и бабочки, бьются объ алмазно-блестящія стекла, и звенять, звенять, звенять.

Развѣ это не понятно? Всѣ цвѣты созданы Солнцемъ. Каждый народъ созданъ Солнцемъ, и носить въ крови своей солнечный хмѣль. Но одни, окруженные Солнцемъ щедрымъ, пьяность Солнца носить въ себѣ всегда,—таковы Испанцы, которые вовсе не любятъ вина; другіе, лелѣя въ крови солнечный хмѣль, безъ котораго не живо ничто живое, родились подъ Солнцемъ прячущимся въ туманы, и потому ихъ душою владѣетъ не столько веселая пьяность Солнца, сколько ненасытимая жажда этой пьяности. Пьяный порывъ—къ опьяненію. Неугасимая жажда того, кто пережилъ опьяненіе вчера, и сегодня—не пить ужъ не можетъ. Изъ Солнца мы тянемся въ тьму, а изъ тьмы—къ брилліантамъ Солнца. Цвѣтемъ, расцвѣтаемъ, отцвѣтая уронимъ въ землю сѣмена, побудемъ въ темнотѣ и въ низинѣ, повоюемъ съ ними въ незримости, въ малыхъ и страшныхъ битвахъ,—и снова растутъ изумрудный ростокъ. Къ Солнцу, все выше, къ Солнцу.

Отъ него, что исполнено жаромъ сумасшедшимъ, мы приняли пламенность нашихъ желаній. Ему, золотому, всѣ наши битвы и пляски, наши улыбки и странности. А если глянетъ Луна? Серебряной я спою золотые напѣвы, холоднымъ видѣньямъ лунныхъ лучей—солнечный дамъ поцѣлуй. А ночь слишкомъ затянется,—затоскую: Гдѣ Солнце, гдѣ Солнце? Дайте мнѣ Солнце! Вина!

Скудная и бѣдная природа Бретани. Море сѣдое, грозить. Нужно вести съ нимъ борьбу. Безъ конца. Всегда ли есть въ Морѣ рыбы? Всегда, но онѣ уходятъ. У нихъ есть свои дѣла и праздники. Тамъ въ глубинѣ. Не достанешь.

Скалы сѣдыя, голыя. Что съ нихъ взять, когда холодно въ домѣ и дѣтеныши плачутъ? Развѣ, взглянувъ на уродливость ихъ очертаній, на лики утесовъ-чудовищъ, услышишь, какъ въ памяти встанутъ тѣни давнишнихъ битвъ, здѣсь окаменѣвшихъ, и расскажешь голоднымъ дѣтямъ сказку страха, мести, и голода. Необычны Бретонскія скалы. Въ нихъ какъ будто застылъ окаменѣвшій ужасъ пораженныхъ исполиновъ. Гигантовъ, что были полу-люди—полу-звѣри. Преступленіе Природы — предъ ея же дѣтьми. Глядишь, глядишь на эти химерные утесы, и въ душѣ запоетъ струна.

Чей обликъ страшный надо мной?
 Кто былъ убитъ здѣсь подъ Луной?
 Кентавр? Поморскій Царь? Драконъ?
 То сонъ какихъ былыхъ временъ?
 Чей мѣткій такъ былъ золь ударъ,
 Что ты застылъ въ оковахъ чаръ?
 Такъ въ смертный мигъ ты жить хотѣлъ,
 Что тѣло между мертвыхъ тѣлъ,
 Черезъ сотни лѣтъ, свой ликъ былой
 Хранить, взнесенный ввысь скалой.

Непобѣдимое отчаянье покоя,
 Неустрашимыя видѣнья мертвыхъ скалъ,
 Молчанье Зодчаго, который, башню строя,
 Вознесъ стремительность, но самъ съ высотъ
 упалъ.

Среди лазурности, которой нѣтъ предѣла,
 Среди журчанія тончайшихъ голосовъ,
 Узоръ разорванный, изломанное тѣло
 И нескончаемость безжалостныхъ часовъ.
 Среди Всемирности, собою же уstraшенной,
 Надъ тѣломъ близкій духъ застылъ въ оковахъ
 сна.

И въ безпредѣльности, въ лазурности бездонной,
 Неумолимая, жестокая Луна.

Объ эти пасмурныя скалы Море разбиваетъ иногда корабли, охотно бросаетъ на нихъ въ осеннія ночи рыбацкія лодки. А гавани? Въ Брестѣ такая роскошная гавань, что могутъ въ ней помѣститься всѣ Европейскіе флоты вмѣстѣ. Но только Море и тутъ подшутило злою своею шуткой: выйти изъ гавани ничего не стоитъ,—войти въ нее очень трудно. Кораблямъ это вѣдомо. И корабли иногда разбиваются.

Что-жь, и то ладно. Не все же однимъ. У купца кораблей много. Корабль разобьется, а выброски достанутся мнѣ. Не знаю достовѣрно, существуетъ-ли теперь бережное право на выброски, по которому каждый, что первый увидитъ, то ему и надлежитъ. Въ 19-омъ вѣкѣ такое право существовало.

Прочтите блестящія страницы Мишлэ, написанныя объ этомъ въ его «Исторіи Франціи». Въ темную ночь и въ грозу бьется корабль съ волнами, бьется, какъ птица съ огромнымъ звѣремъ. Помогаютъ ему съ берега. Зажигаютъ, и тутъ, и тамъ, маякъ. Помогаютъ — ему или Дьяволу? Возникаетъ иногда могучій костеръ, маякъ на одну лишь эту ночь, зажженный ночнымъ чернымъ чувствомъ, привлекаетъ корабль, какъ свѣча ночную бабочку. Не все-же однимъ лишь волнамъ разбиваться о камни. Разбился корабль. А выброски мнѣ.

Какъ же быть мнѣ? Тамъ дѣти кричатъ. Отецъ, мой братъ — потонули вмѣстѣ съ лодкой. Какъ быть? Къ Морю не подступиться. Не потому-ли у Бретонцевъ глаза такъ часто похожи на глаза морскихъ птицъ? Съ Моремъ — по-морскому.

Но поглядите, какъ Бретонцы работаютъ. Долго, упорно, безмолвно. Точно старая пряжа прядетъ страшную пряжу смерти и жизни. Посмотрите, какъ молятся они. Всѣмъ

жаромъ вѣрящаго сердца. Лишь четыре страны я знаю, гдѣ умѣютъ молиться. Россія, Польша, Мексика, и Бретань. Страна темная. Страна побѣжденная. Страна убитая. Страна обдѣленная. Въ этихъ четырехъ странахъ восходятъ къ Небу великіе свѣтильники моленія. И посмотрите, въ лѣтній праздникъ, какъ танцуютъ Бретонцы старинный, медленный свой танецъ, словно это звѣзды танцуютъ, уходя, — и какъ они пляшутъ ночью вокругъ островъ, надъ волнами, залитыми луннымъ свѣтомъ. Вы поймете, что Море создаетъ морскія бури, но чаще — тихонько плещется о скалы, въ ритмѣ, молитвенно, миро-слиянно, тихо, такъ тихо *).

Скудная природа Бретани. Но Бретонецъ любитъ Бретань, не смѣнитъ ее ни на что, и если порою онъ дол-женъ уходить изъ своихъ туманностей къ Солнцу, то лишь затѣмъ, чтобы снова вернуться къ своимъ туманамъ. Но не все же въ Бретани и туманы. Если Солнце начнетъ палить, такъ ужъ такъ жжетъ, такъ жжетъ. Помню, въ то лѣто, нѣсколько разъ было, Солнце такъ ярко и жарко

*) Тонкій знатокъ искусствъ и самъ тонкій художникъ А. Н. Бенуа, горячій почитатель Бретани, помнитъ, конечно, въ какомъ онъ былъ восторгѣ, когда мы вмѣстѣ были, около Примеля, на народномъ праздникѣ и смотрѣли на старинный Бретонскій хоро-водный танецъ, стильную прелесть котораго онъ такъ хорошо изъяснилъ. —

Кто-то сказалъ мнѣ, что этотъ танецъ утомительно-однооб-разенъ. Утомителенъ — нѣтъ. Однообразенъ — да. Какъ качаніе малтника. Какъ качанье челнока на волнѣ. На тихой волнѣ, чуть качающейся, убаюкивающей. Не Море ли это танцуетъ людьми? Въ Барселонѣ, въ общественномъ дивномъ паркѣ, я видѣлъ на народномъ гуляньи національный Каталонскій танецъ. Порази-тельное сходство съ танцами Бретонцевъ, лишь болѣе живы Ка-талонцы въ качаніяхъ.

свѣтило, что съ утра до вечера безъ вина былъ пьянъ. А если туманы слишкомъ длительны, если въ туманахъ не взростаетъ лоза, — это что-жъ за несправедливость! — Я возьму да пойду на время туда, гдѣ растетъ виноградъ золотой и красный, и гдѣ много, много вина. Схожу и вернусь. И снова — у себя.

Есть, кое-гдѣ, старинныя Кельтійскія медали. Вотъ по-смотрите на одну. На ней воитель, въ танцующемъ прыжкѣ, одною рукою онъ потрясаетъ боевымъ топоромъ, а другою откидываетъ назадъ длинные, длинные волосы. А вотъ еще. Пляшетъ воитель, мечъ передъ нимъ повисъ, пляшетъ воитель — передъ мечомъ и подъ мечомъ.

А вотъ еще Бретонское изваяніе. Древнихъ Солнеч-ныхъ временъ. Расплавленъ металлъ, влить въ форму. Вылита мѣтко каждая линія, высѣченъ твердо каждый ея поворотъ. Изваяніе словесное. Руна вѣковъ Друидическихъ. Пьяность Солнца и Пляска Меча. Пляшущій быстро бро-саетъ мечъ, и мѣтко ловитъ его на-лету. Дикій напѣвъ звучитъ

Gwell eo gwinn gwenn bar
Na mouar!

Gwell eo gwinn gwenn bar.
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir! ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tir ha tann!

Въ напѣвѣ слышенъ короткій стукъ мечей. Мечъ о мечъ. Отсюда искры. Мечъ о мечъ. Отсюда Молніи. Мечъ о мечъ. Отсюда Радуга.

Вотъ этотъ весь напѣвъ съ его миротворческой ди-костью и съ его изступленнымъ припѣвомъ, напоминаю-щимъ самозабвенные вскрики, въ мигъ сошествія Духа, на нашихъ радѣніяхъ Бѣлыхъ Голубей.

ПЬЯНОСТЬ СОЛНЦА И ПЛЯСКА МЕЧА.

1.

Бѣлое есть вино,
Такъ пьяно!
Бѣлое есть вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Красная кровь съ виномъ
Бьетъ ключомъ,
Красная кровь съ виномъ.

Новое пить вино
Суждено,
Новое пить вино.

Лучше вино, чѣмъ медь,
Жарче бьетъ,
Лучше вино, чѣмъ медь.

Гальскій тотъ сокъ живить,
Яблокъ спить,
Гальскій тотъ сокъ—живить.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Галлы, лозы для васъ,
Въ быстрый часъ,
Галлы, лозы для васъ.

Ты же, Бретонецъ, пей,
Пьяность лей,
Ты же, Бретонецъ, пей.

Бѣлое свѣтъ-вино
Намъ дано.
Бѣлое свѣтъ-вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Кровь и вино слились,
Вотъ зажглись,
Кровь и вино слились.

Бѣлое съ краснымъ жжетъ.
Пламя вотъ,
Бѣлое съ краснымъ жжетъ.

Гальская кровь течетъ,
Спутанъ счетъ,
Гальская кровь течетъ.

Выпилъ я кровь съ виномъ,
Пьянъ огнемъ,
Выпилъ я кровь съ виномъ.

Кровь и вино пьянятъ,
Блещетъ взглядъ,
Кровь и вино пьянятъ.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

2.

Пляска, вино и кровь
Солнцу вновь,
Пляска, вино и кровь.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Пляска, и пѣснь, и бой
 Круговой,
 Пляска, и пѣснь, и бой.

Пляска меча кругомъ,
 Жизнь съ мечомъ,
 Пляска меча кругомъ.

Мечъ, голубой какъ твердь,
 Любитъ смерть.
 Мечъ, голубой какъ твердь.

Синяя пѣснь меча
 Горяча,
 Синяя пѣснь меча.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
 О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Бой, гдѣ владыка—мечъ,
 Въ вихрѣ сѣчь,
 Бой, гдѣ владыка—мечъ.

Мечъ, властелинъ людей,
 Въ битвахъ дней,
 Мечъ, властелинъ людей.

Радуга пусть горитъ,
 Мечъ съ ней слить,
 Радуга пусть горитъ.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дубъ и Сталь!
 О, Дубъ! Земля! Вода! Вода! Земля и Дубъ!

Долина Березъ.
 1908. Мартъ.

БРЕТОНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

ПЕРЕДАВАЯ на Русскій языкъ нѣсколько Бретонскихъ легендъ, предпосылаю имъ замѣчанія Вилльмаркэ объ интересномъ Бретонскомъ повѣрьи, о таинственныхъ Бретонскихъ духахъ, Корриганахъ. Беру эти замѣчанія изъ книги *Vicomte Hersart de la Villemarqué, Barzaz Breiz, Chants Populaires de la Bretagne, Paris, 1903.*

Главные сверхъестественныя дѣйствующія лица народной поэзіи Бретани суть феи и гномы.

Наиболѣе общее имя Бретонскихъ фей есть *Korrigan*, мы его находимъ, хотя въ латинскомъ видоизмѣненіи, въ имени *Garrigeneae*, въ латинскихъ изданіяхъ Помпонія Мелы, и почти безъ измѣненія въ имени *Koridgwen*, въ поэмахъ древнихъ Галльскихъ бардовъ. У латинскаго писателя это имя означаетъ девять жрицъ или колдуній Армориканскихъ, у Камбрійскихъ же поэтовъ — главную изъ девяти дѣвъ, охраняющихъ водоемъ бардовъ.

Это имя, повидимому, происходитъ отъ слова *kog*, маленькій, уменьшительное *kogik*, и отъ *gwen* или *gan*, геній [армориканское — *ког*, валлійское *согг*, греческое *χορος*, сравни *χορξί*, нимфы, и *χορηγες*].

Корриганы предсказываютъ будущее; онѣ вѣдаютъ искусство врачеванія неисцѣлимыхъ болѣзней съ помощью

нѣкоторыхъ чаръ, которыя, говорятъ, онѣ открываютъ своимъ друзьямъ; находчивыя протей, онѣ принимаютъ, по прихоти, форму такого-то животнаго; переносятся, во мгновение ока, съ одного конца свѣта на другой. Каждый годъ, при возвращеніи весны, онѣ празднуютъ великій праздникъ ночи. Скатерть, бѣлая какъ снѣгъ, разстилается на муравѣ, около водоема; она покрывается сама собою самыми изысканными блюдами; посрединѣ сіяетъ хрустальная чаша, распространяющая такой блескъ, что служить вмѣсто свѣтильниковъ. Въ концѣ пиршества эта чаша переходитъ изъ рукъ въ руки; она заключаетъ въ себѣ чудесный напитокъ, одна капля котораго, увѣряютъ, можетъ сдѣлать человѣка столь же мудрымъ, какъ Богъ. При малѣйшемъ шумѣ человѣческомъ все исчезаетъ.

Дѣйствительно, именно около источниковъ наиболѣе часто встрѣчаютъ корриганъ, особенно у источниковъ, находящихся по сосѣдству съ дольменами; онѣ остались ихъ патронессами, въ уединенныхъ мѣстахъ, откуда Пресвятая Дѣва, считающаяся великой ихъ врагиней, не изгнала ихъ. Бретонскія преданія приписываютъ имъ великую страсть къ музыкѣ и къ красивымъ голосамъ, но они не заставляютъ ихъ плясать, какъ Германскія преданія. Народныя пѣсни всѣхъ народовъ изображаютъ ихъ расчесывающими бѣлокурые свои волосы, къ которымъ, повидимому, онѣ относятся съ особеннымъ тщаніемъ. Ростъ ихъ — ростъ другихъ Европейскихъ фей; не болѣе двухъ футовъ вышины. Тѣло ихъ, великолѣпно сложенное, такъ же воздушно, деликатно и прозрачно, какъ тѣло осы: у нихъ нѣтъ никакого убора, кромѣ бѣлаго покрова, который онѣ какъ шарфъ овиваютъ вокругъ себя. Ночью краса ихъ въ полномъ блескѣ; днемъ же видно, что у нихъ бѣлые волосы, красные глаза и морщинистое

лицо: онѣ и показываются лишь ночью и ненавидятъ свѣтъ. Все въ ихъ существѣ указываетъ на падшій разумъ. Бретонскіе крестьяне увѣряютъ, что это великія царевны, которыя не пожелали принять христіанство, когда апостолы пришли въ Арморикю, и были поражены проклятіемъ Бога. Валлійцы видятъ въ нихъ души друидессы, осужденныхъ претерпѣть покаяніе.

Вездѣ ихъ считаютъ исполненными страстной ненависти къ духовенству и къ религіи, смѣшавшей ихъ съ духами тьмы, что, повидимому, ихъ весьма раздражаетъ. Видъ рясы, звукъ колокола — обращаетъ ихъ въ бѣгство. Народныя сказки всей Европы, впрочемъ, должны, какъ кажется, подтвердить священническое вѣрованіе, сдѣлавшее изъ нихъ духовъ злокозненныхъ. Въ Бретани, ихъ дыханіе смертельно; въ Валлисѣ, въ Ирландіи, въ Шотландіи и въ Пруссіи, онѣ причиняютъ слезъ; каждый, кто возмущилъ воду ихъ источника, или засталъ ихъ въ то время, какъ онѣ расчесываютъ свои волосы, либо считаютъ свои сокровища близъ своихъ дольменовъ (ибо онѣ тамъ, говорятъ, скрываютъ золотыя копи и алмазныя), почти достоверно обреченъ на гибель, особливо если это въ субботу, день посвященный Пречистой Дѣвѣ, имъ ненавистный.

Почти всѣ Европейскія преданія приписываютъ имъ также опредѣленную склонность воровать человѣческихъ дѣтей. Это вѣрованіе, какъ всѣ вѣрованія, касающіяся фей, должно основываться на какомъ-нибудь дѣйствительномъ событіи; быть можетъ на хорошо извѣстныхъ обыкновеніяхъ колдуній и цыганокъ: феи составляютъ ужасъ для крестьянки долины Одера, какъ и для крестьянки Арморики. Эта послѣдняя препоручаетъ своего младенца попеченію Пресвятой Дѣвы, вѣшая вокругъ его шеи четки,

предохранительное средство противъ всякаго рода злокозненныхъ существъ. Не однѣ, впрочемъ, корриганы вооружены дѣтей; въ этомъ обвиняются также и морганы, или водные духи, также женскаго пола: онѣ, говорятъ, увлекаютъ на дно морей или прудовъ, въ свои золотые и хрустальные дворцы, тѣхъ, кто неосторожно приходитъ играть близъ ихъ водъ.

Цѣль ихъ, воруя дѣтей, возродить проклятый свой родъ. Такъ говорятъ крестьяне. Именно поэтому также онѣ любятъ соединяться съ мужчинами: чтобы достичь этого, онѣ нарушаютъ всѣ законы стыдливости, какъ Гальскія жрицы.

Существа, которыя онѣ подмѣниваютъ иногда вмѣсто дѣтей человѣческихъ, также суть отпрыски расы карликовой и считаются ихъ порожденіемъ; какъ онѣ, существа эти называются корръ, коррикъ, и корриганъ, или корригана. Ихъ называютъ также корнандонъ, гвазиганъ, и дузъ. Этотъ послѣдній, шаловливый домовый, былъ отцомъ Мерлина, онъ былъ древнимъ божествомъ, обожавшимся въ графствѣ Йоркскомъ Бретонцами, весьма его опасавшимися, ибо они считали, что дузъ можетъ захватывать женщинъ врасплохъ во время ихъ сна.

Могущество карликовъ то же, что и фей, но ихъ ликъ совершенно отличный. Отнюдь не будучи ни бѣлыми, ни воздушными, они обыкновенно черны, волосаты, противны, и приземисты; руки ихъ вооружены кошачьими когтями, а ноги козлиными копытами; лицо у нихъ морщинистое, волосы въ завиткахъ, глаза впалые и маленькіе, но блестящіе, какъ карбункулъ; голосъ глухой и сломанный возрастомъ. Они всегда носятъ на себѣ большую кожаную мошну, говорятъ, полную золота, но тѣ, которые ее уворовываютъ, ничего въ ней не находятъ; кромѣ

грязнаго конскаго волоса, шерсти, и пары ножницъ. Это хозяева дольменовъ; считается, что это они ихъ выстроили; ночью они пляшутъ кругомъ, при свѣтѣ звѣздъ, припѣвъ круговой ихъ пляски былъ «Понедѣльникъ, вторникъ, среда», позднѣе они прибавили «четвергъ и пятница»; но конечно остереглись доходить до субботы, и особенно до воскресенья,—дни зловѣщіе для нихъ, какъ и для фей. Горе запоздавшему путнику, который пройдетъ мимо! Онъ будетъ увлеченъ въ кругъ и долженъ будетъ плясать, иногда до тѣхъ поръ, пока не настанетъ смерть. Среда ихъ праздничный день; первая среда въ мѣсяцѣ Маѣ—годовой ихъ праздникъ; они празднуютъ этотъ день съ великими ликованіями, пѣснями, плясками, и музыкой.

Бретонцы, такъ же какъ Валлійцы, Ирландцы, и горцы Шотландіи, считаютъ карликовъ фальшивыми монетчиками и чрезвычайно ловкими кузнецами. Невидимыя свои мастерскія они прячутъ въ глубинѣ своихъ каменныхъ гротовъ. Это они начертали кабалистическіе знаки, что находятъ выгравированными на многихъ Кельтійскихъ памятникахъ въ Морбиганѣ, и особенно на Гавр-инисѣ, или на островѣ Гиганта: кто сумѣетъ разобрать ихъ надписанія, тотъ узнаетъ всѣ мѣста края, гдѣ скрываются клады.

Карлики суть колдуны, вѣщуны, пророки, и маги. Они могутъ говорить какъ ихъ братъ Альвисъ, въ «Эддѣ»: «Я былъ вездѣ и знаю все». Юныя дѣвушки весьма ихъ боятся, хотя ихъ рѣзвость уже не такъ теперь опасна, какъ во времена Мерлина. Крестьянинъ вообще боится ихъ меньше, чѣмъ фей: онъ охотно надъ ними издѣвается и смѣется, если день на дворѣ, и если онъ благоразумно окропилъ себя святой водой; онъ приписываетъ имъ ту же ненависть къ религіи, что и феямъ; но это недоброжелательство принимаетъ зкорѣе характеръ лукавый и коми-

чекій, нежели злой. Говорятъ по этому поводу, что съ наступленіемъ ночи видали, какъ въ круговой пляскѣ, съ многократными взрывами дьявольскаго смѣха, они свершали, наполовину серьезные, наполовину шутовскіе, но всегда очень кощунственные и циническіе, обряды, у подножья крестовъ, что стоятъ на распутияхъ.

Таковъ, по современнымъ преданіямъ, ликъ Бретонскихъ карликовъ; многія изъ ихъ чертъ—общія у нихъ съ гениями другихъ народовъ, особенно съ Куретами и Карикинами, культъ которыхъ, завезенный безъ сомнѣнія Финикійскими мореплавателями, существовалъ еще въ Галліи и на островѣ Британіи, въ третьемъ вѣкѣ христіанской эры.

Итакъ мифологія Финикійская приводитъ насъ къ мифологіи Кельтійской; каринины и куреты Азіійскіе—къ корриганамъ и корредамъ Бретонскимъ.

Древніе барды, знакомя насъ съ богиней Коридгвень, соединяютъ ее съ таинственнымъ существомъ, имѣющимъ много сходства съ Бретонскими карликами. Они называютъ его Гвіонъ, духъ, и прозываютъ пигмеемъ. Онъ блюлъ однажды мистическій сосудъ, содержащій влагу угаданья и вѣдѣнія, сосудъ напоминающій разительнымъ образомъ чашу Куретовъ (смотри Страбонъ, 10, и Діодоръ Сицилійскій, 4). Три кипящія капли упали ему на руку, онъ поднесъ ее ко рту, и внезапно будущее и всѣ тайны міра разоблачились передъ нимъ. Разгнѣванная богиня хотѣла предать его смерти, онъ убѣждалъ, и, чтобъ ускользнуть окончательно, превращался поочереды въ зайца, въ рыбу, въ птицу, она же превращалась въ левретку, въ выдру, и въ коршуна; но гений имѣлъ роковое вдохновеніе превратиться въ пшеничное зерно, богиня внезапно превратилась въ черную курицу, проникающимъ окомъ своимъ

нашла его въ кучѣ зерна, куда онъ пріютился, схватила клювомъ, проглотила, и тотчасъ зачавши, черезъ девять мѣсяцевъ родила очаровательнаго ребенка, который сталъ зваться Таліэзинъ, имя общее главарямъ бардовъ и Бретонскихъ колдуновъ.

Чудесная влага магическаго сосуда называется у бардовъ вода Гвіона. Островъ Альвіонъ, или Гвіонъ, и Альбіонъ, отсюда беретъ свое названіе. Цезарь говоритъ, что островные Бретонцы весьма почитали Гвіона, онъ имѣлъ отображеніе въ многочисленныхъ идолахъ, они почитали въ немъ изобрѣтателя словесности, поэзіи, музыки, всѣхъ искусствъ. Отплывая въ торговое, или иное, путешествіе, они призывали его благословеніе на предстоящее странствіе.

Заканчиваю это повѣствованіе о призракахъ народной поэзіи Бретани своимъ ифсноцѣнемъ «Корриганы», которое, опираясь на народное Бретонское повѣрье, не есть лишь его пересказъ.

КОРРИГАНЫ.

Закурились туманы

Надъ водой.

Пляшутъ пляску корриганы,
Свѣтитъ мѣсяцъ молодой.

Тѣни легкія мелькаютъ,

Къ стану станъ.

Въ быстрой пляскѣ приникаютъ
Къ корриганѣ корриганъ.

— Что такое корриганы?

Разскажи.—

А спроси, зачѣмъ туманы
Ходятъ въ полѣ вдоль межи.

Ходятъ вдоль межи, и тоже—
 Поперекъ.
 И зачѣмъ, еще, похожи
 Ласка, крыска, и хорекъ.

Ты спроси, зачѣмъ онъ свѣтитъ
 Надъ водой,
 Этотъ Мѣсяць,—онъ отвѣтитъ,
 Только ладно пѣсню спой.

А споешь ее не ладно,
 Не вини.
 Будетъ такъ тебѣ прохладно,
 Не помогутъ и огни.

Корриганы, это дѣти
 На вѣка,
 Пляшутъ, машутъ въ лунномъ свѣтѣ,
 Пляска вольныхъ широка.

Миръ плутишекъ и плутовокъ,
 Чудеса,
 Каждый гибокъ, быстръ, и ловокъ,
 Каждый ростомъ—какъ оса.

И не трогай ихъ, ужалятъ,
 Еще какъ!
 Послѣ на землю повалятъ,
 И валяйся какъ дуракъ.

Ихъ водицы, ихъ криницы
 Не мути.
 А не то быстрѣе птицы
 Хватъ—и вотъ нельзя уйти.

Въ воду бросать: посиди-ка.
 Что, свѣжо?
 Засмѣютъ, заплещутъ дик.
 — Отпустите!—А ужю.

Обмотали шарфомъ бѣлымъ
 Легкій станъ.
 Тѣло къ тѣлу, тѣло съ тѣломъ,
 Съ корриганой корриганъ.

Блещутъ волны золотыя
 Ихъ волосъ,
 Плещутъ пляски молодья
 Словно волны объ утесъ.

Но блѣднѣетъ ночь, и чудо—
 Вдругъ кошмаръ.
 Эти страшные—откуда?
 Что за тѣни старыхъ чаръ?

Снѣжны волосы, глаза же—
 Блескъ углей.
 И какъ пойманные въ кражѣ
 Смотрить жалко рой тѣней.

Если ты узналъ случайно
 Ихъ позоръ,
 Подожди, отмстится тайна,
 Мстить не вору тотъ, кто воръ.

Глянь-ка въ зеркало. Ты видишь?
 Сѣтъ морщинъ.
 Даромъ духовъ не обидишь,
 Отъ сѣдого—жди сѣдинъ.

А подъ вечеръ, путь—въ туманы,
 Путь—въ обманъ.
 Будешь тамъ, гдѣ корриганы,
 Съ корриганой корриганъ.

Долина Березъ
 1908. Весна.

АРТУРЪ НА БРАНИ.

Идемъ, идемъ, идемъ, идемъ, идемъ, идемъ, на бой!
Идемъ, идемъ, отецъ и братъ, я радъ, идемъ съ тобой!
Идемъ, въ комъ струны говорятъ, идемъ, идемъ, гурьбой!

Отецъ о ранней всталъ порѣ,
Сынъ возвѣщаетъ на зарѣ:
Смотри, тамъ кони на горѣ.

На сѣрыхъ всадники коняхъ,
У лошадей огонь въ ноздряхъ,
Храпятъ, и ржутъ, и сѣютъ страхъ.

Рядами, шесть и шесть, они,
Рядами, три и три, взгляни,
Ихъ копя—тысяча—огни.

Ряды стѣснились, два и два,
И какъ подъ бурею трава—
Знамена ихъ, гдѣ Смерть жива.

Размѣръ змѣи, что, трепеща,
Стремится, жертвъ себѣ ища,
Деятикратная праща.

Артуръ съ своими—та змѣя,
Его бойцы—одна семья,
Артуръ на высяхъ, знаю я.

— Когда Артуръ, тогда впередъ!
Гдѣ лукъ? Гдѣ стрѣлы? Часъ не ждетъ.
За нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ походъ!—

И говорить не кончилъ онъ,
Какъ крикъ, межъ вѣяній знаменъ,
Къ горѣ отбросилъ горный склонъ:—

«За руку—голову! За глазъ—
Пронзенъе сердца! Ранятъ насъ,—
За рану—смерть, и смерть—сейчасъ!»

«Отца—за мать, и мать—за дочь!
За слезы—кровь! За вечеръ—ночь!
За трупъ—пожаръ! Вся жалость—прочь!»

«За мать—немедленно отца!
За кобылицу—жеребца!
За воина—вождя-бойца!»

«За одного—двоихъ, троихъ!
Рубить, и днемъ, и ночью, ихъ!
Чтобъ кровь текла въ ручьяхъ густыхъ!»

«Бретонцы, бурей мы пройдемъ,
И разъ сражаяся, падемъ,
Не слишкомъ рано мы умремъ!»

СОКОЛЪ.

Насѣдку соколъ задушилъ,
Убить крестьянкой герцогъ былъ.
Убитый герцогъ. А народъ
Среди тяготъ какъ вьючный скотъ.

Какъ скотъ. Поборамъ отдана,
Скудна, растоптана страна.
По ней идя во все концы,
Прошли, какъ язва, пришлецы.

Изъ края Галльскаго, на зовъ
Вдовы пришли ряды враговъ.
Она звала, была громка,
Корова такъ зоветъ быка.

Налогъ еще. Еще налогъ.
 Народъ стерпѣть всего не могъ.
 Возстала юность, вихрь огней,
 Возстала старость вмѣстѣ съ ней.

Изъ-за насѣдки лишь одной,
 И изъ-за сокола тотъ бой.
 Двѣ птицы малыя, а глянь,
 Въ огнѣ, въ крови, въ рѣзнѣ Бретань.

На Черной на Горѣ тамъ тѣнь,
 Назавтра ждетъ Ивановъ день,
 До тридцати сошлось крестьянъ,
 Огни ихъ свѣтятъ сквозь туманъ.

Огонь пылаетъ горячо.
 Закинувъ вилы на плечо,
 Кадо Боецъ среди другихъ,
 И съ сердцемъ вопрошаетъ ихъ.

— Ну, что-жь, вамъ сладко ѣсть и пить?
 Налоги будете платить?
 Что до меня, я не плачу.
 Скорѣ петли я хочу.

— Налоговъ не хочу и я,
 Въ лохмотьяхъ вся моя семья,
 Не заплачу, не побоюсь,
 Углями красными клянусь.

— Достатокъ мой, гдѣ онъ, гдѣ онъ?
 Я весь до нитки разоренъ.
 Годъ не успѣю завершить,
 Какъ долженъ милостыней жить.

— Постыдно голоду служить,
 Нельзя намъ милостыней жить,
 Коль споръ и бой имъ невзачетъ,
 И бой, и споръ къ нимъ вмигъ придетъ.

— Къ нимъ бой придетъ быстрѣй чумъ!
 Клянемся молніею мы!
 Клянемся Моремъ и Луной!
 Клянемся Небомъ и Землей!—

Кадо Боецъ, склонясь къ огню,
 Схватилъ и поднялъ головню,
 И каждый сдѣлалъ такъ, какъ онъ:—
 — Впередъ! впередъ! на горный склонъ!

Его жена съ нимъ рядомъ шла,
 И на плечахъ багоръ несла,
 И пѣла, — мнится, чу! поетъ:—
 — Впередъ, сыны мои, впередъ!

Нѣтъ, не для нищенскихъ кусковъ
 Я тридцать родила сыновъ,
 И не дрова другимъ носить,
 Не камни тяжкіе дробить.

Не къ жизни вьючнаго осла
 Ихъ мать родная родила,
 Не для того, чтобъ босикомъ
 Идти въ поляхъ, идти путемъ.

И не кормить нуждой своей
 Собакъ и птицъ, и лошадей:
 Чтобъ притѣснителей убить,
 Рождая, вотъ зачѣмъ родить!—

И отъ огня къ огню—зарѣ
 Они спускались по горѣ:—
 — Оге! оге! Огнемъ, огнемъ,
 Браговъ своихъ сожжемъ, сожжемъ!—

Съ горы сошли—и кто да кто,
 Ихъ всѣхъ—три тысячи и сто;
 Когда-жь вступили въ Лангоадъ,
 Ихъ девять тысячъ встало въ рядъ.

Когда въ Геррандъ пришли,—смотри.
Ихъ тридцать тысячъ триста три.
Они растутъ, они идутъ.
Кадо кричитъ:—Смѣлѣй! Вотъ тутъ!—

Еще не выговорилъ словъ,
Какъ триста подошло воевъ,
Горитъ вокругъ крѣпости костеръ,
Великъ огня кипучій хоръ.

Горючъ пылающій упоръ,
Желѣзо вилъ течетъ въ костеръ,
И кости тамъ хрустятъ въ бреду,
Какъ кости проклятыхъ въ Аду.

Пылая, вопить рой враговъ,
Какъ волки, пойманные въ ровъ,
И ночь прошла, заря взошла,
И вмѣсто нихъ, одна зола.

СОЛОВЕЙ.

— Скажите юная супруга,
Зачѣмъ въ ночи встаете вы?
Ища полночнаго досуга,
Куда въ ночи идете вы?

Вставая тайно, отъ постели
И отъ меня, къ какой вы цѣли,
Такъ удаляетесь тайкомъ,
Ступая тихо босикомъ?

— Коль я встаю, супругъ любезный,
И отъ постели ухожу,
Такъ это за морскою бездною,
За кораблями я слѣжу.

— О, вѣрно не за кораблями,
Не за ночными парусами

Слѣдите вы, идя къ окну,
И не глядите на Луну.

Зачѣмъ вставая отъ постели,
Слѣдите ночью вы, madame?
— Гляжу, какъ въ тихой колыбели,
Ребенокъ мой уснулъ, вонъ тамъ.

— Не на ребенка вы глядите,
Не за ребенкомъ вы слѣдите,
Не нужно этихъ сказокъ мнѣ:
Что привлекаетъ васъ въ окнѣ?

— Ахъ, старичокъ мой, не сердчайте,
Ужъ я скажу всю правду вамъ:
Тамъ соловей есть, примѣчайте,
Тамъ соловей есть по ночамъ.

Какъ только Море затихаетъ,
Тамъ соловей мнѣ распѣваетъ,
Не улетитъ отъ розы прочь,
Во всю-то ночь, во всю-то ночь.—

Когда сеньеръ услышалъ это,
Въ своемъ онъ сердцѣ такъ сказалъ,
Когда сеньеръ услышалъ это,
Въ своемъ онъ сердцѣ приказалъ:

— Ужъ это вѣрно, или невѣрно,
Наказанъ будетъ онъ примѣрно,
Онъ будетъ пойманъ, соловей.—
И утромъ въ садъ идетъ скорѣй.—

— Садовникъ, вотъ что сдѣлать надо,
Тутъ соловей одинъ живетъ,
Онъ тутъ, онъ гдѣ-то, гдѣ ограда,
Поетъ всѣ ночи напролетъ.

Онъ лишь поеть, да распѣваетъ,
Онъ по ночамъ мнѣ спать мѣшаетъ,
Коль будетъ пойманъ онъ тобой,
Получишь тотчасъ золотой.—

Садовникъ понялъ повелѣнье,
Въ саду поставилъ онъ силокъ,
И соловей безъ промедленья,
Невѣрный совершилъ прыжокъ.

Сеньёръ схватилъ его, хохочетъ,
И умерщвление въ сердцѣ точитъ,
Пѣвцу онъ петлю затянулъ,
И на колѣни ей швырнулъ.

— Для васъ его поймалъ, супруга,
Какой прелестный соловей,
Держите ласковаго друга,
Храните на груди своей.—

— Увы! сказало сердце милой,
— Увы! сказалъ другой, унылый,
Ужь больше, какъ блеснетъ Луна,
Намъ не видаться у окна.

ВЛАДЫКА НАННЪ И ГОРРИГАНА.

1.

Рано вѣнчались Наннъ и она,
Рано—разлука была суждена.
Нынче супруга какъ будто больна.

Ночью она родила близнецовъ,
Бѣлые оба, какъ свѣжесть снѣговъ.
Тѣльце для ласки, и сердце для сновъ.

Мальчикъ и дѣвочка. Скрипнула дверь.
— Что ваше сердце желаетъ теперь,
Послѣ подобныхъ здоровья потерь?

Вы подарили мнѣ сына. Сейчасъ
Прихоть скажите, все будетъ для васъ.
Шепчетъ-ли сердце и ищетъ-ли глазъ?

Мяса-ль бекаса хотите съ прудовъ,
Мяса-ли серны зеленыхъ лѣсовъ?
Только скажите, служить я готовъ.

— Хочется мяса мнѣ серны, но вамъ
Трудно вѣдь будетъ бродить по лѣсамъ.—
Наннъ лишь услышалъ, какъ онъ уже тамъ.

Тотчасъ дубовымъ запасшись копьемъ,
Прыгъ на коня вороного,—на немъ
Въ лѣсъ,—и ужъ въ лѣсѣ онъ ѣдетъ глухомъ.

Вотъ на прогалинѣ бѣлая лань,
Быстро въ погоню, затѣялась брань,
Только бесплодно, хотъ прямо отстань.

Скачетъ, земля въ этомъ бѣгѣ дрожитъ,
Потъ съ него градомъ, измученный видъ,
Конь задымился. И вечеръ глядитъ.

Свѣтлый ручей. Горригановскій гротъ.
Зелень лужайки, онъ сходитъ и пьетъ,
Тамъ Горригана надъ зеркаломъ водъ.

Возлѣ воды Горригана предъ нимъ,
Волосы свѣтлые гребнемъ златымъ
Чешетъ, а волосы длинны какъ дымъ.

— Какъ это вы дерзновенны, что вотъ
Тамъ вы, гдѣ мой зачарованный гротъ?
Воды мутить тамъ, гдѣ фея живетъ?

Или вы въ жены берете меня,
Иль на семь лѣтъ въ ногу—токъ вамъ огня,
Или вамъ жизни всего лишь три дня.

— Въ жены васъ взять? Я женатъ уже годъ.
Въ ногу мою токъ огня не войдетъ.
Въ краткой трехдневности Наннъ не помретъ.

Я не умру черезъ эти три дня,
Богъ позоветъ, и пойду, не стена.
Бракъ съ Горриганой? то смерть для меня!

2.

— Матушка, сдѣлай постель мнѣ мою.
Матушка, матушка, не утаю,
Худо мнѣ, словно отраву я пью.

Не говори лишь супругѣ моей,
Въ гробъ я войду съ истеченьемъ трехъ дней,
Сглазь Горриганы, я встрѣтился съ ней.—

Только три дня миновали, и вотъ—
— Мать моя,—рѣчь тутъ супруга ведетъ,—
Что это колоколь намъ такъ поетъ?

Что тамъ священники въ бѣломъ поютъ?
— Мы приютили несчастнаго тутъ.
Ночью отшелъ онъ въ послѣдній приютъ.

— Мать моя, гдѣ же мой Наннъ господинъ?
— Въ городъ, родная, уѣхалъ мой сынъ.
Скоро вернется, скучаетъ одинъ.

— Мать моя, въ церковь съ тобой мы поидемъ,
Въ платѣ-ли буду я тамъ голубомъ,
Въ красномъ-ли буду сіять, какъ огнемъ?

— Дитятко, мода такая теперь:
Въ черное нужно одѣться, повѣрь.—
Вышли. Открылася въ кладбищѣ дверь.

— Кто это умеръ изъ нашей семьи?
Дочь моя, вдовьи печали твои,
Умеръ супругъ твой, таи не таи.—

Пала скорбящая. Не поднялась.
Въ той же могилѣ, въ законченный часъ,
Къ мертвымъ съ супругомъ она сопричлась.

Встало два дуба, и вѣтви—къ громамъ,
Бѣлыхъ два голубя вснѣжилось тамъ,
Спѣли зарю,—и въ лазурь, къ небесамъ.

СЪ БАЛЕАРСКИХЪ
БЕРЕГОВЪ

СЪ БАЛЕАРСКИХЪ БЕРЕГОВЪ.

Путевая паутинка.

Я счастливъ, я счастливъ, я счастливъ. А впрочемъ,— я вѣдь не о томъ. Я вижу Море, я слышу Море, Моремъ дышу. Море—образъ безконечности, радость безгранности, освобожденье и свобода, переливъ многокрасочности, свѣжесть дыханья, мистерія вѣчнаго ритма, напѣвность тишины и напѣвы звуковъ, мигъ внѣ миговъ, начало и конецъ.

Я молюсь каждый день Солнцу. Я молюсь звѣздамъ и Лунѣ. Но они восходятъ и заходятъ, эти круговыя свѣтила, они являются и исчезаютъ. А разъ я увидѣлъ Море, оно ужь со мной всегда. Въ золотомъ ли сіяніи Солнца, въ его златоцвѣтномъ празднествѣ,—или въ матово-призрачномъ свѣтѣ, въ серебряной сказкѣ Луны, съ ея перемѣнчивостью,—или въ мерцаньи безчисленныхъ звѣздъ, раскинувшихъ зерна свои и свившихъ рунически-странныя звенья,—или въ томительно-сумрачный день,—или въ глухую, черную ночь,—вотъ, оно тутъ, со мною, шумить, шелестить оно, дышитъ, внушаетъ, поетъ, говоритъ, и, однажды явивъ образъ Вѣчности, будетъ до крайнихъ дней, не иссохнетъ оно, многолѣнное, нѣтъ, не обманетъ.

Солнце мнѣ свѣтитъ, и Солнце меня жжетъ. Луна мнѣ

колдуетъ, и тонетъ въ волнахъ. И когда я смотрю не на міръ, озаренный ихъ свѣтомъ, не на свѣтъ ихъ, отраженный предметами, а на нихъ самихъ, глазамъ моимъ больно, глаза мои слѣпнутъ и плачутъ. А Море не жжетъ, а свѣжитъ меня. Море не тонетъ, а вѣчно тутъ. Море меня не слѣпитъ, лишь пьянитъ и чаруетъ глаза, и слухъ, и всѣ мои чувства, и душу, и пѣвучую птичку души—мечту. И крылатая птица поетъ.

Великій Индусскій поэтъ, создатель «Васантасэны», говоритъ о Чарудаттѣ, который есть пробный камень добрыхъ дѣлъ и широкій Океанъ благихъ помышлений, что онъ живетъ, другіе только дышатъ. Беря эту формулу, можно сказать, что кто видитъ Море, тотъ живетъ, другіе только дышатъ. Даже и не дышатъ. Существуютъ отъ часа до часа, отъ утреннихъ тяготъ до вечернихъ невѣрностей, отъ одного дня недѣли со скучнымъ названіемъ до дня недѣли съ названіемъ другимъ. Кто дышитъ Моремъ, тотъ дышитъ воистину, и тотъ живетъ, стряхнувъ съ себя безчисленныя мнимости. Море однимъ своимъ видомъ стираетъ преграды и рамки, межи, условія, условности, лживости короткихъ рѣшеній. Лишь слыша приливный гулъ или шелестъ Моря, я всѣмъ существомъ своимъ чувствую неощетность стремленій, великую правду своей жизни, понимаю, что все въ этомъ мірѣ есть минутный ликъ и вѣчное знаменіе, слышу, что Море—симфонія, и что въ этой пѣвучей Вѣчности я полноцѣнный звукъ.

Драконъ нашихъ дней, паровозъ съ длинной лентой грохочущихъ вагоновъ, быстро мчится по свѣжимъ ландшафтамъ Каталоніи. Какъ свѣтло, изумрудно, какъ все улыбочиво кругомъ. Это богатый край, гдѣ умѣютъ и любить работать, и гдѣ Природа, своимъ изобиліемъ, весе-

литъ прикасающихся къ ней. На версты и версты, куда ни бросишь взглядъ, зеленые видѣнія, аллеи молодыхъ клеонъ, оливковыя плантаціи, поля, красующіяся хлѣбными растеніями, пышные платаны, алоэ, бѣлыя акаціи, стройныя травы совѣмъ близко, вотъ тутъ, снова зеленые красивыя аллеи, какъ будто это все—исполинскій садъ. Земля, надъ которой вѣетъ благословеніе. Въ окна вагоновъ доносится пѣніе птицъ. Сѣверный путникъ съ волненіемъ слышитъ извивныя трели родныхъ соловьевъ. Море предстаетъ голубой полосой. Неправдоподобно-синее Море. Кажется, что такую эмаль видѣлъ лишь въ дѣтствѣ, на брошкѣ, которую носила давно умершая крестная мать, съ красиво-блѣднымъ лицомъ. И когда ты несешься съ дракономъ, и драконъ ускользаетъ среди изумрудовъ, и эти изумруды нѣжно золотятся въ круговой оправѣ изъ эмали, начинается сказка, и мечта поетъ.

Жизнерадостная столица Каталоніи, Барселона. Надъ набережной, вблизи отъ волнъ, вздымается высокая колонна, на ней шаръ, на немъ, въ гордой позѣ человѣка, говорящаго «Дай гдѣ стать—и свершу», стоитъ онъ, вновь открывшій, послѣ безвѣстныхъ и забытыхъ викинговъ, Nuevo Mundo, но не только воспользовавшійся имъ, какъ эти морскіе разбойники, для безславныхъ грабежей, а вырвавшій, этимъ открытіемъ, Шаръ Земной изъ его подвѣсокъ на цѣпяхъ, «какъ написано въ псалмахъ Давидовыхъ», вырвавшій Землю изъ схематическаго сплетенія съ игрушечно-монастырскими семью планетами, кои покоятся въ лонѣ Господнемъ, окруженныя ликомъ покорныхъ Ангеловъ. Истинный поэтъ, который не вполне зналъ, что создалъ, и до самыхъ послѣднихъ своихъ дней, съ благородной невинностью думалъ, что путь, имъ открытый, ведетъ—не къ омываемой двумя океанами наслѣдницѣ

Атлантиды, — нѣтъ, къ богатой приностями, Индіи. Поэтъ, бывшій не только геніальнымъ мореплавателемъ, но и дѣтски любившій впервые имъ увидѣнныхъ новыхъ птицъ. Онъ, Колумбъ, раздвинувшій земные предѣлы, а самъ познавшій звонъ тюремныхъ оковъ, дарованныхъ за то, что въ вѣкахъ, овѣянныхъ тѣнью Дьявола, онъ, смѣлчакъ, влюбленный въ мечту свою, не побоялся устремиться въ черныя пропасти невѣдомыхъ морей, изъ которыхъ, говорятъ, вздымалась рука самого Сатаны, дабы карать дерзновенныхъ, не понимающихъ твердой четкости словъ святого Августина, что антиподовъ нѣтъ и быть не можетъ.

Вдоль набережной тянется длинная аллея изъ пальмъ. Перпендикуляромъ къ ней, идетъ, версты на полторы, главный бульваръ, Rambla del Centro. На значительномъ его протяженіи, справа и слѣва, подъ яркимъ Солнцемъ, столы и витрины съ красными, голубыми, желтыми, и бѣлыми цвѣтами. Маки, гвоздики, розы, жасминъ, лиліи, гарденіи, ирисы, много ирисовъ, золотыя звѣздности съ причудливыми названіями, синія гроздья, зовущіяся надеждой *cabaleros*, нѣжные ландыши, снѣжныя чаши арумовъ. И ласковыя мимозы, золотая мимоза, воспѣтая Шелли, и возлюбленная всѣми, кто надѣленъ тонкой впечатлительностью. Рамбля убѣгаетъ прямо, уводя взоры къ вздымающимся въ окрестностяхъ Барселоны горамъ. Рамбля есть видоизмѣненное Арабское слово *ramla*, что значитъ — песчаное дно рѣки. Нельзя было придумать болѣе удачное слово для наименованія этого прямого убѣгающаго пути, по которому шумно скользятъ оживленные волны людей. Кому довелось побывать въ справедливо и несправедливо прославленныхъ городахъ, въ Лондонѣ съ его Хайдъ-паркомъ, въ ярмарочно оживленномъ Парижѣ съ его Большими бульварами, въ Нью-Йоркѣ, съ его уютнымъ пар-

комъ, окружающимъ богатый Музей, въ ненавистномъ торгашескомъ Чикаго, въ Санъ-Франциско съ его Паркомъ Золотыхъ Воротъ, тотъ видѣлъ много различной красоты, но Рамбля единственна, и кто ея не видалъ, тотъ не имѣетъ точнаго представленія о томъ, что такое Бульваръ. Путешественникъ идетъ рядомъ съ своей спутницей, въ ихъ наружности нѣтъ, кажется, ничего экстраординарнаго, но видно, что они чужестранцы, и наивная, впечатлительная Южная публика проводитъ ихъ сквозь строй перекрестныхъ взглядовъ. Это какой-то смѣющійся разстрѣлъ взглядами. Мнѣ приходилось много разъ выступать передъ Русской и Европейской публикой, по-истинѣ — подобнаго успѣха я никогда не имѣлъ. Ну, что-жь, глядите, глядите, Каталонцы, это создаетъ удовольствіе испытывать, что возможно быть въ толпѣ — и не ощущать вѣчной человѣческой вражды.

Въ скромномъ отелѣ, въ маленькой узкой улочкѣ. Всегда когда Судьба забрасываетъ меня въ Испанію, я стараюсь поселиться въ наименѣе удобномъ маленькомъ отелѣ. Это не означаетъ, что я испытываю отвращеніе къ удобствамъ. Нѣтъ, я не намѣренъ быть ни Индійскимъ іоги, ни Христіанскимъ отшельникомъ. Но дѣло въ томъ, что хорошіе отели въ Испаніи, — какъ и въ другихъ Европейскихъ странахъ, — безошибочно наполнены кошмарно — международной, и даже не международной, а интернациональной, снобистски-комми-воажерской публикой, — наиболѣе гнуснымъ приобрѣтеніемъ изъ всѣхъ сомнительныхъ благоприобрѣтеній нашей Цивилизаціи. Я же люблю въ каждой странѣ то, что къ этой странѣ не какъ внѣшняя прицѣпка относится, а какъ ея собственное дѣтище, — будь это дѣтище чинный и чистенькій Англосаксонскій младенецъ, или же веселый и грязненькій мальчишка Му-

рильо. Въ маленькихъ Испанскихъ отеляхъ,—точнѣе постоялыхъ дворахъ, такъ называемыхъ *fondas*,—кормятъ фантастично-скверно, и въ комнатахъ лишь послѣ завоевательныхъ набѣговъ на слугу можно имѣть чистое бѣлье и дискреціонное количество воды, но ужь можно быть увѣреннымъ, что увидишь за табль-д-отомъ настоящихъ Испанцевъ, пріѣхавшихъ изъ какого-нибудь провинціального захолустья, и тѣмъ вдвойнѣ интересныхъ, а не до смерти надоѣвшихъ еще въ Италиі и въ Парижѣ (и гдѣ не—?) путешествующихъ Британцевъ и распространяющихъ Европейскую культуру, т.-е. Нѣмецкіе товары, нестерпимыхъ Германцевъ. Кстати или некстати, хочу сообщить, что, когда я спросилъ одного Англичанина, почему я въ Англиі вижу всегда красивыхъ женщинъ—и сколько—въ Европѣ же, среди путешествующихъ Англичанокъ, замѣчаю лишь уродовъ, Англичанинъ отвѣтилъ мнѣ съ невозмутимостью, что, любя дома красоту и комфортъ, такихъ они посылаютъ—путешествовать. Что же касается Нѣмцевъ, ихъ назойливость столь всемірна, что они даже въ Мексикѣ мнѣ надоѣли. Это все я сообщаю, чтобы подчеркнуть мою мудрость при выборѣ плохихъ гостиницъ, и имѣть наконецъ возможность вернуться въ мой маленькій отель, «Комерсіо», пріютившійся въ такой узкой улочкѣ, что съ моего балкончика я, кажется, съ безопасностью могъ бы прыгнуть на тотъ вонъ балкончикъ, что напротивъ, гдѣ я вижу пьянящую гвоздику въ чрезвычайно пышныхъ волосахъ, принадлежащихъ очень красивой Испанкѣ. Однако, совершать знаменитаго прыжка Альварадо не предвидится надобности. Испанка вовсе на меня не смотритъ, даже до оскорбительности не замѣчаетъ, она вышла изъ своей спальни полураздѣтая, чтобы на свѣжемъ воздухѣ закончить русалочье расчесыванье волосъ, и она глядитъ все

налѣво, какъ будто кого-то поджидая, а я направо, а я направо. Если впрочемъ такъ ужь захочется, можно взять нѣсколько цвѣтовъ со стола, и перебросить ихъ. Она навѣрно возьметъ, онѣ всегда берутъ цвѣты, онѣ любятъ цвѣты, онѣ любятъ знаки вниманія, онѣ любятъ гвоздику съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, по открытіи Nuevo Mundo, ее привезли изъ Мексики. И такъ—но моя спутница спрашиваетъ меня изъ комнаты, не хочу ли я чаю. Это возвращаетъ мнѣ мое благородіе.

Моя спутница—лэди Лина Эвелинъ Аллэнъ. Однако она не Англичанка, хотя напоминаетъ картины Бернъ-Джонса. Она—Русская, но она—изъ Эдгара По. Была Морэллой, нынѣ же—Лина Эвелинъ Аллэнъ.

— Лэди Лина,—говорю я,—я хочу чаю.

И мой романъ съ Испанкой безвозвратно утерянъ, ибо здѣсь все мгновенно.

— Лэди Лина,—говорю я черезъ минуту,—слышите ли Вы, какъ звенятъ колокольчики? Это вѣрно далеко-далеко—Русская тройка.

— Милый поэтъ,—говоритъ она,—это просто лишь черныя козы возвращаются съ пастбища.

Звонки звенятъ, приближаются, бубенцы мелодично грохочутъ, прыгаютъ радостные звуки, вонъ онѣ, козы, крупные, черныя, темно-коричневыя, ихъ вымена—молочный сонъ первобытнаго Индусскаго пастуха, одна коза могла бы напоить нѣсколькихъ людей,—что я говорю,—она усладила бы самого Циклопа, прежде чѣмъ въ своей дикой пещерѣ онъ свершилъ высоко-культурное дѣяніе людоедства, нынѣ находящееся въ такой большой модѣ.

Вотъ бубенцы удалились, а дальній легкій звонъ не прекращается. Какая-то струна поетъ, срывается, поетъ опять, трепещетъ, заводитъ слухъ къ напряженнымъ по-

тамъ, всю душу вовлекаетъ въ напряженность, манить, смѣется, и плачетъ.

— Леди Лина, это кто-то тамъ колдуетъ?

Да, конечно, кто-то колдуетъ, хоть такъ простъ инструментъ сей магіи: гитара, излюбленная и въ Россіи, а въ Испаніи, кажется, болѣе необходимая для существованія, чѣмъ у насъ въ деревняхъ ложка и соха. Кромѣ гитары, въ Испаніи очень распространенный инструментъ—гармоника, опять-таки излюбленный въ Россіи. Только гитара въ Испаніи распространена—какъ гармоника въ Россіи, а гармоника въ Испаніи—какъ гитара въ Россіи. Когда Испанецъ любитъ, онъ беретъ гитару—и поетъ. Когда онъ ненавидитъ, онъ беретъ гитару—и пѣньемъ угрожаетъ. Когда онъ тоскуетъ, онъ беретъ гитару—и безъ конца тянетъ звуковые переливы, такъ что *copla* въ четыре строки превращается въ цѣлую длинную поэму. Въ народныхъ своихъ пѣсняхъ, въ трехстрочныхъ *Soleares* (одиночества), съ четырехстрочныхъ *Coplas* (строфы), или въ семистрочникахъ—*Seguidillas*, Испанецъ съ неистощимостью ребенка, играющаго камешками и раковинками, безъ конца подбираетъ разныя красивыя бездѣлушки, тѣ милые пустячки, которые являютъ столь обильно игра сердца, и безъ которыхъ наша жизнь стала бы механическимъ дѣломъ, такимъ серьезнымъ, что, пожалуй, никто и не захотѣлъ бы жить. Три минутки Испанецъ глядѣлъ на возникшую передъ нимъ черноокою сеньору, и вотъ онъ поетъ:

Гдѣ желаніе, тамъ восхищенье,
Черноокая, въ траурѣ ты,
Но глядѣть на тебя наслажденье.

Разъ зоветъ наслажденье, нужно конечно за нимъ идти. Къ чему останавливаться на третьей строчкѣ?

Если бъ тысячу душъ я имѣлъ,
Я бы всѣ ихъ тебѣ подарилъ,
Не имѣю, возьми же одну,
Но возьми же тысячу разъ.

Человѣкъ говоритъ струной, значитъ онъ съ сердцемъ совѣтовался, а тутъ—

Сердце мое говоритъ, говоритъ мнѣ,
Что умираетъ, что умираетъ,
Я жъ говорю ему, я жъ говорю ему,
Ты исповѣдуйся, ты исповѣдуйся.

И исповѣдь начинается немедленно. Кто объять любовью, тотъ объять угрозой смерти, а какой же Католикъ не исповѣдуются передъ смертью?

О, свѣтлянка моя, о, малютка,
Ты цвѣтокъ восковой и медовый,
Я пчела, я пчела золотая,
Какъ могу я тебя не любить?

Языкъ почти церковный.

Если бъ зналъ я, что цвѣтами
Я въ тебѣ добуду Рай,
Я тебѣ цвѣтовъ принесъ бы,
Больше, чѣмъ Апрель и Май.

Пѣвучая рѣчь журчитъ и течетъ, повышалась въ интонаціяхъ, снова понижалась, дѣлаясь нѣжной, дѣлаясь упрекающей, дѣлаясь угрожающей, дѣлаясь насмѣшливой. Чтобъ не обидѣть и третій обычный размѣръ народной Испанской пѣсни, возникаютъ и сегидиллы, рисуя всю измѣнчивую капризность любящаго и любимаго существа.

Я тебя обожаю,—не помнишь,
 Говорю,—ты молчишь, недовольно,
 Замолкаю,—ты вовсе печальна,
 Ухожу,—ты рыдать.
 О, любовь моя, высшее чувство,
 Вся ты есть разстояніе дали,
 Крайность—вся.

Или еще короче въ противопоставленіяхъ.

Внимателенъ,—неблагодарна,
 Влюбленно-ласковъ я,—небрежна,
 Покоренъ,—вся высокоумѣрна,
 Смирненъ,—холодно-горда.
 Коль неизмѣнчивъ,—ты обманна,
 Коль нѣженъ—ты тверда какъ камень,
 Коль твердъ,—ты зыбкая вода.

Но вотъ, какъ туристы, мы насладились Барселоной. Видѣли эти гибкія тѣла, полныя красоты и тигриности, ощущали эту свободу Южнаго народа, который и день, и ночь поетъ, смѣется, и празднуетъ радость жизни, заходили въ какой-то безымянный музей старинной живописи и видѣли тамъ несравненнаго святого Себастіана Рибейры, заходили въ другой музей—доисторическихъ древностей, и видѣли тамъ много любопытностей, главное же видѣли очаровательную любопытность въ комнатѣ сторожа, уже выходящей за предѣлы музея, поющего сверчка въ маленькой-премаленькой клѣточкѣ, ѣздили на фюникюлеркѣ въ окрестности Барселоны, на гору Тибидабо, откуда видна вся Каталонская равнина, желтая, зеленая, и темная, въ рамѣ синяго Моря, слышали тамъ въ лѣсу, какъ кукуетъ кукушка, ну, совсѣмъ какъ у насъ, во Владимірскихъ лѣсахъ, гдѣ въ такую весеннюю пору душисто бѣлѣютъ въ тѣни колокольчики бѣлыхъ ландышей. Будетъ. Бѣжимъ.

Съ закатомъ дня мы садимся на пароходъ. Вокругъ шумить неугомонная толпа, гремитъ военная музыка, звучатъ прощальныя привѣтствія, корабль дрогнулъ, городъ отступилъ, длинной полосой вырисовались пальмы прибрежнаго бульвара, шпили собора въ лучахъ заходящаго Солнца дольше всего хранятъ свой высокій привѣтъ, но сумерки быстро сгущаются, пассажиры одинъ за другимъ уходятъ въ каюты, ты одинъ съ душою своею, или вдвоемъ—съ той, кто тебя не отлучитъ отъ души твоей, смотри на шумящее Море ночное, въ этихъ всплескахъ и ропотахъ говоритъ благозвучіе довременной бесѣды Мира съ самимъ собой.

Ночь прошла. По окраинамъ Неба зачинается день, и въ слабомъ этомъ свѣтѣ обрисовывается очеркъ Майорки. Побережье Мирамара, зеленые склоны съ виноградниками, островки, и панорама весьма малаго столичнаго города Пальмы съ его, вздымающимся надъ волнами, поразительно красивымъ соборомъ, еще издали приковывающемъ взглядъ. Какъ говоритъ одинъ растроганный старинный историкъ Майорки, соборъ этотъ, построенный на нѣкоей возвышенности, есть какъ бы сторожевая башня, крѣпость, возвышенная стройность изъ слоновой кости, прибѣжище и капитолій, созданье изумительное, назначенное быть трономъ и дворцомъ Творца, мистическая лѣстница, предѣлы которой, кажется, скрываются въ облакахъ, дабы создать звено межъ Землею и Небомъ. Болѣе чѣмъ полтысячи лѣтъ тому назадъ, здѣсь во время морской бури, тонулъ Хаимэ Первый. Донъ Хаимэ Завоеватель горячо помолился Дѣвѣ Пречистой, она спасла его, и это въ ея честь вознеслось это стройное зданіе на самомъ берегу Моря, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ волнъ, такъ что, послушавъ молитвенныхъ напѣвовъ и наполнивъ свою вниматель-

ную душу раскатами органа, молящійся можетъ выйти изъ церковнаго полусумрака—и вотъ передъ нимъ оно, Море, уводящее душу въ даль и въ Вѣчность. Соборъ начали строить въ началѣ 13-го вѣка, а окончили только въ началѣ 17-го. Четыреста лѣтъ слагался этотъ плѣнительный сонъ молитвеннаго зодчества, и сколько времени еще онъ будетъ глядѣть на морскія волны? Внутреннее пространство храма—сорокъ метровъ ширины и сто длины, то-есть четыре тысячи квадратныхъ метровъ строгаго плоскаго камня. Своды его замыкаются на сорока четырехъ метрахъ вышины, они опираются на четырнадцать тонкихъ колоннъ. Тайнственное празднество числа четыре, мировой четверократности, Сѣверъ и Югъ, и Востокъ, и Закатъ, запечатлѣнные въ архитектурной безгласности, и молча молящіеся своими числовыми строфами. Самая древняя часть храма, и наилучше украшенная, есть *Capilla Real*, Королевская Часовня, стѣны которой покрыты превосходными коврами. Когда входишь въ этотъ величественный храмъ, исполненный цвѣтного полусумрака, первое, что поражаетъ глазъ, это четыре цвѣтныя круговыя окна, высоко, высоко, одно направо, три другія, разныхъ размѣровъ, въ стѣнѣ налѣво, именно надъ этой Королевскою Часовней. Окна золотыя и красныя, и аметистовыя, и зеленыя, и синія, и темносинія, и свѣтлосинія, и снова аметистовыя, и снова алыя, и опять золотыя. Кажется, какъ будто вотъ это одно есть Солнце, а тѣ, что разнствуютъ въ размѣрахъ, суть Земля и Луна, и Вечерняя Звѣзда. Четверократное ожерелье свѣтиль, связанныхъ въ одинъ узоръ въ земной нашей сказкѣ. На Землѣ мы живемъ, въ изумрудномъ видѣніи. На Солнце мы глядимъ, къ верховному золоту. Луна намъ колдуетъ холоднымъ серебромъ. Вечерняя Звѣзда, горя любовью,

свѣтитъ какъ человѣческія очи, съ длинными рѣсницами, пьянящими душу. Ave, Maria! Слышишь ли ты насъ? Ave, Maria! Видишь ли ты насъ? Ave, Maria, Ave, Ave.

Привѣтъ тебѣ, Источникъ сладчайшій,
 Привѣтъ тебѣ, Сады восхитительный,
 Привѣтъ тебѣ, мирная Пристань,
 Привѣтъ тебѣ, Зеркало красоты,
 Привѣтъ, каждый мигъ чистѣйшая,
 Привѣтъ, Небо, Бога вмѣщающее,
 Привѣтъ тебѣ, ключъ Эдема,
 Привѣтъ, до Бога восшедшая,
 Привѣтъ тебѣ, Мира Заступница,
 Привѣтъ, о, Марія, привѣтъ, привѣтъ.
 Славься, о, Роза нѣжнѣйшая,
 Славься, Овечка бѣлѣйшая,
 Славься, Голубка сердечная,
 Славься, Лилія душистая,
 Славься, о, Фениксъ любовная,
 Славься, Звѣзда предразсвѣтная,
 Славься, о, Матерь дѣлѣйная,
 Славься, Улада всемирная,
 Славься, небесный Восторгъ,
 Славься, о, славься, Марія.

Я былъ въ этомъ храмѣ во время одной службы. Не помню, съ какимъ она праздникомъ была связана. Пѣснопѣнія были радостныя, Пасхально-веселыя и свѣтлыя, хоть время Пасхи уже давно миновало. Въ вечернемъ свѣтѣ густо алѣли, золотились, и синѣли сферическія окна-знаменія. Потомъ закатъ погасъ, окна потемнѣли, и снова ожили, но уже другою жизнью, отъ церковнаго освѣщенія. Великолѣпный храмъ былъ почти пустъ, лишь толпы духовенства были полны въ числахъ, и оттого, что численна была ритуальная толпа, и толпа молящихся прихожанъ была скудна числомъ, благоговѣйное ощущеніе еще усиливалось,

поднималось, росло, достигало напѣвной полноты. Какъ будто свершалось какое-то посвященіе. Оковывающій волю, и возносящій душу, могучій, пѣвучій органъ безъ конца оглашалъ высокіе своды громовыми напѣвами, вдругъ въ эти громы ворвался кроткій, малый, тонкій звукъ всхлипнулъ радостнымъ смѣхомъ, прожурчалъ рыданіемъ, снова громы прокатились водопадомъ, и опять малый звукъ выплылъ изъ величества, запѣлъ, залепеталъ, завеселился, овладѣлъ могучимъ токомъ, побѣдилъ его, весело сельскою пѣсней запѣлъ о радости весны и возрожденья, бросалъ звуковые поцѣлуи, ласки, дѣтскіе поцѣлуйчики, словно малою дѣтскою ручкой касался любимаго лица, и дѣтскій голосокъ чуть внятно лепеталъ: «Вотъ это глазки, оки, очи, а это вотъ рѣсницы, спать хотятъ, ахъ, ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не спать, а смотреть, смотреть, оки, очи». И дѣтская пѣсня звучала въ органномъ голосѣ, безъ конца ручьию измѣнялась, вотъ звукъ сталъ еще воздушнѣе, вотъ, вмѣсто звуковъ, ужъ тѣни звуковъ зарѣяли, шелесты, призраки звуковъ, поющихъ о тонкихъ быллинкахъ, расцвѣтшихъ, вотъ, уже это былинки поють, сами былинки, склоняются, стебелекъ къ стебельку, чуть-чуть говоритъ, чуть-чуть лепечетъ, качается. Безконечная ровная степь, и на ней поющій ковыль.

И другія еще запѣли въ душѣ моей Испанскія со-звучья, воззванья къ Дѣвѣ Пречистой.

Цвѣтъ цвѣтовъ, Звѣзда морская,
 Пристань вѣрная сіяній,
 Смертной тьмы уничтоженъе,
 Радость міра, жизнь людей;—
 Звѣздный ликъ, всегда лучистый,
 Въ Небесахъ звѣзда Востока,
 Въ Небесахъ просвѣтъ манищій,

И открытость свѣтлыхъ вратъ;—
 Тотъ, кто чувствуетъ, что грѣшенъ,
 Воззови къ святой Маріи,
 Зовъ его услышанъ будетъ,
 Слышитъ все цвѣтокъ цвѣтовъ;—
 Дышитъ сладко духъ корицы,
 Мирра пышнаго Востока,
 Кипарисъ горы Сіонской,
 Кедръ высотъ и пальма дней;—
 Слышитъ всѣхъ Царица Неба,
 Свѣтъ для всѣхъ вѣковъ возженный,
 Пламя съ кроткимъ согрѣваньемъ,
 Міра стройная свѣча.

Звуки органа продолжали колдовать, тонкіе стебли пѣли, мысли мои унеслись въ Россію, и мнѣ вспомнился нашъ, народный, благоговѣйный заговоръ, Слово отъ погибели въ Морѣ.

На шумящемъ Океанѣ,
 Тамъ, гдѣ пѣна брызжетъ сиво,
 Божья Мать стоитъ въ туманѣ,
 И на ней святая риза.
 Риза съ свѣтлой пеленою,
 И съ Господней красотою,
 Съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ, съ звѣздами,
 Засвѣченными надъ нами.
 На шумящемъ Океанѣ,
 Гдѣ прибой исполненъ гнѣва,
 Божья Мать стоитъ въ туманѣ,
 Божья Матерь-Приснодѣва.
 Передъ ней Христось-Христитель,
 Передъ нею крестъ-спаситель,
 Крестъ, для бездны Небомъ данный,
 Весь звѣздами осіянный.
 На шумящемъ Океанѣ,
 Гдѣ пути неизслѣдимы,

Божья Мать стоитъ въ туманѣ,
 А кругомъ несутся дымы.
 А кругомъ слова напѣва,
 Смѣха, бѣшенства, и гнѣва,
 Но превыше всплесковъ дыма
 Божья Мать, неугасимо.

Балеарскіе острова являютъ изъ себя особый, замкнутый въ себѣ, малый міръ, свой тамъ языкъ, особыя лица, мало похожія на Испанскія, свои нравы и обычаи, мирная природа, островъ-садъ. Какъ извѣстно, Балеарскихъ острововъ три—Майорка, Менорка и Кабрера, къ нимъ примыкаютъ еще въ этомъ нѣжно-голубомъ морѣ Ивиса и Форментера. *Балеаресъ* происходитъ отъ Финикійскаго словосочетанія *Бааль Гаро*, что значитъ ловкій въ метаніи. Древніе жители Балеарскихъ острововъ были знамениты, какъ ловкіе метатели камней изъ пращи. Эти острова назывались еще *Афросидадъ* и *Афросидидадъ*, такъ именовали ихъ святой Иеронимъ и святой Исидоръ, желая выразить особую любовь, которую внушали туземцамъ женщины, и потому еще, что тамъ почитали Афродиту. Страбонъ же именовалъ ихъ *Эудемонасъ*, то-есть весьма счастливыми. Балеарскіе острова, кромѣ туземцевъ, искононъ вѣку были заселены Финикіянами, столкнувшимися въ теченіе дней съ Римлянами, которые, выдержавъ упорную борьбу, оказались побѣдителями. Кромѣ Кельтовъ, Финикіянъ, Грековъ, и Римлянъ, эти острова вѣдали, въ своей исторической повѣсти, Викинговъ, Арабовъ, и Испанцевъ. Все народы горячіе пронесли здѣсь свои знамена, провѣяли вѣтромъ раскаленнымъ. И словно оставили искорки свѣтлыя, пляшущія искры жизни и страсти, въ глазахъ этихъ смуглыхъ мужчинъ и женщинъ, живущихъ здѣсь.

Отъ искры къ искрѣ. Была одна поразительная лунная ночь на Майоркѣ. Столько ужъ ночей и вѣковъ свѣтитъ Луна, а нѣтъ-нѣтъ да и засвѣтитъ такъ, какъ будто въ первый разъ свѣтитъ. Такъ вотъ и было. И что въ Лунѣ было особеннаго, этого рассказать нельзя, но свѣтила она такъ, что въ сердцѣ было счастье, а въ глазахъ были сіянья нездѣшнія, а на Морѣ былъ серебряный балъ. Волны плескались о камни, засвѣчались серебряными маленькими молніями, любили Луну и хотѣли къ ней. Польш-Моря было изъ серебра золотистаго, а поль-Моря изъ серебра серебристаго. Переливались свѣты, переходили чарованія изъ одного оттѣнка въ другой, и какъ въ Венеціи скользятъ длинныя гондолы, такъ и тутъ, недалеко отъ берега, скользили тамъ и сямъ длинныя лодки, съ сіяющимъ фонаремъ на передней части. Этотъ огонь приманивалъ пляшущихъ рыбокъ, съ лодки опускалась въ воду сѣтъ въ видѣ большого ковша, и изъ этого сквозного ковша, черезъ нѣсколько секундъ, въ лодку лился серебряный дождь пойманныхъ трепещущихъ рыбокъ. Большая часть ихъ упала, какъ въ сіяющемъ водопадѣ, на дно лодки, а инныя имѣли веселую силу отпрыгнуть въ сторону и, промелькнувъ серебрянымъ узоромъ, снова укрыться въ воду. Смотрѣть на этотъ серебряный балъ съ берега, и быть человѣкомъ—можно было подумать, что рыбкамъ такъ весело попадаться въ сѣтъ и плясать, и плясать подъ Луной.

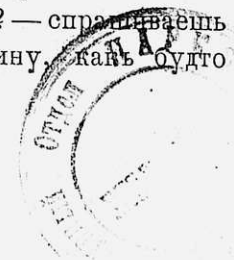
Но не будемъ долго медлить въ Пальмѣ. Правда, красиво тамъ раскинули пальмы свою зелено-вѣрную листву, и мимоза цвѣтетъ, и драконово дерево, съ цвѣтками красными какъ пятна крови. Но тутъ дышать не только деревья, а и люди. Люди же, въ концѣ-концовъ, вездѣ уютельны.

Выйдемъ чуть-чуть за предѣлы города. Передъ нами красивый сосновый и смѣшанный лѣсъ, живописная гора, на вершинѣ ея старинный замокъ-крѣпость, руины Бельверъ. Башня этого замка, съ величественнымъ своимъ видомъ, служила живописною тюрьмой для многихъ знатныхъ узниковъ. Приближенный Карла Четвертаго, поэтъ и историкъ Ховеляносъ не безплодно провелъ здѣсь время, и въ теченіе своего узничества написалъ исторію этого замка, другой, генераль Ляси, иначе связанъ съ этимъ мѣстомъ—онъ былъ здѣсь разстрѣлянъ, и иные по-иному связали свои имена съ величественнымъ склономъ лѣсистой горы. Но деревья о нихъ не помнятъ, и соловьи, въ весенней свободѣ своей, поютъ лишь о соловьиномъ счастьи и сладости быть въ возрождающей сказкѣ Земли. Цвѣты и деревья,—я люблю ихъ вездѣ. Ихъ красоту, ихъ стройность, ихъ безмолвіе. Такъ привыкаешь ощущать какую-то безгласную сказку въ ихъ застывшей тишинѣ, что, когда подъ вѣтромъ деревья начинаютъ шелестѣть, душа изумляется на эту неожиданность, и ловить въ смутныхъ шлестахъ запредѣльные откровенія. Цвѣты и деревья,—я смотрю на нихъ—и проникаюсь кротостью дней первоначальныхъ. Цвѣты и деревья это братья мои и сестры мои, это мои невѣсты—ой, какъ много невѣстъ! Что же мнѣ дѣлать? Что? Всѣхъ любить, всѣхъ цѣловать, губами души или тѣла. Въ этомъ высшая мудрость. И счастье.

Можно взять экипажъ и отправиться дальше куда-нибудь. Въ Манакоръ, на примѣръ, съ его знаменитыми пещерами, гдѣ на обѣднѣ гротовъ, съ молитвеннымъ полусумракомъ, въ этихъ храмахъ пещерныхъ духовъ, мерцаютъ свѣчи сталактитовъ. Въ малый городокъ Польенсу, окруженный сельскою плодородной изумрудностью. Въ тихую гавань Сольеръ. Въ Вальдемосу и Мирамаръ, этотъ

шеллевскій сонъ, лазурное видѣніе. Прозрачность и взнесенность красоты. Воздушно какъ на Капри и въ окрестностяхъ Неаполя. Горы, покрытыя нѣжно-нарядными, свѣжезелеными деревьями. Изобиліе цвѣтовъ. И въ полдень звенять и гремѣть соловьи. А тамъ внизу глубоко-застывшее безгласное голубое зеркало. Здѣсь научаешься любить Средиземное море особой любовью, уводящей къ античнымъ днямъ. Чувствуешь дриадъ и нимфъ. Весь міръ кругомъ кажется зачарованнымъ, скованнымъ сказкою свѣтлаго полдня. И поразительно видѣть сверху, съ горы, прозрачно-голубыя воды, которыя какъ будто заснули навсегда по слову волшебника, и на много-много саженой вглубь ясное четко-означенное дно. Камешки тамъ, раковины, разноцвѣтныя полосы, подводное царство голубого Морского бога. И нѣтъ, нѣтъ ни малѣйшаго ощущенія возможности бури и движенія. Буря бываетъ гдѣ-то въ иномъ мірѣ, не здѣсь, а сюда ей всѣ входы запретны. Въ это зеркало смотрятъ лишь тихіе, счастливые, спокойные и успокоенные.

Но прежде чѣмъ достигнешь этого лазурнаго царства, выѣзжая изъ Пальмы, долгіе часы ѣдешь по дорогѣ, проходящей черезъ кошмарныя области оливковаго лѣса. Я сказалъ, что деревья мои братья и мои сестры. Если это правда, то сѣдья столѣтнія оливы, растущія на Майоркѣ, между Пальмой и Вальдемосой и Мирамаромъ, суть дявольскіе мои братья, суть вѣдьмовскія мои сестры, и невѣсты моихъ изступленныхъ видѣній на извращенномъ шабашѣ. Нигдѣ никогда я не видалъ подобныхъ деревьевъ, такихъ уродливыхъ сновъ растительнаго царства. Версты и версты ѣдешь по ровной дорогѣ, направо и налево искривленныя оливы. Старыя эти оливы? — спрашиваешь возницу. Онъ дѣлаетъ таинственную мину, какъ будто

говорить и не договариваетъ, и отвѣчаетъ, что неизвѣстень ихъ возрастъ, но конечно однимъ не меньше, чѣмъ лѣтъ двѣсти, а другимъ не меньше, чѣмъ лѣтъ триста. Я не вѣдаю, сколько имъ лѣтъ, этимъ оливамъ. Возрастъ мѣряется не только годами, а въ особенности и тѣмъ, что въ теченіе этихъ лѣтъ произошло. И если это имѣть въ виду, понимаешь вдвойнѣ таинственное лицо майоркинца, ибо, конечно этимъ оливамъ не двѣсти и не триста лѣтъ, а они растутъ здѣсь отъ временъ изначальныхъ. У одной оливы ликъ сѣдого змѣя, завившагося въ самые причудливые узлы, у другой—ликъ дракона, тамъ дальше кошмарно вытянувшаяся коза, чудовищно раскаряченный быкъ, хохочущій своею бычачьей древесной мордой, два ублюдка, полузвѣри-полулюди, сплетенные въ узоръ безстыдно-наглому, невѣдомый уродъ, отъ котораго остались лишь двѣ гигантскія ноги, поросшія сѣрыми листочками, цѣлый хороводъ смѣющихся вѣдьмъ, запрятавшихся въ стволы и кажущихъ изъ-за сѣти вѣтвей свою искаженную многоликость, стволы дуплистые, стволы скрюченные, исковерканные, кишачіе, листья подмигивающіе и перешептывающіеся, сучья-руки, вѣтви—занесенные удары, убѣгающіе, улепетывающіе, чьи-то страшныя ноги, и змѣи, змѣи, несчетное множество сѣдыхъ деревьевъ-змѣй. Здѣсь когда-то, очевидно, изъ стройныхъ деревьевъ выявлялись духи, принимали людскіе и звѣриныя лики, водили хороводы, сплетались въ танцующемъ шабашѣ, тѣшили тайныя свои страсти, а когда часъ безпутства кончался, уходили опять въ деревья, и деревья росли, качались, шептались, и, хоть стройныя, пугали проходящаго путника. Но однажды случилось страшное. Тайный праздникъ бѣшенства хотѣній затянулся слишкомъ долго. Соучастники чудовищной кермессы позабылись, всѣ за-

былись въ змѣиныхъ дрожаньяхъ своихъ поцѣлуетъ, обьятій, и плясокъ, своихъ искривленій и хохотовъ. А часъ подоспѣлъ, минута превращенія подошла какъ убійца, подстерегавшій сзади. И ударъ. Какъ отъ прыжка гремучей змѣи нелѣпо скакнулъ зазѣвавшійся кроликъ, и глупо, и уродливо распластался на землѣ—онъ, чей быстрый ликъ есть знаменье вѣтра и проворности,—такъ всѣ участники нечестиваго праздника побѣжали, запрыгали, поскакали, помчались въ древесныя свои приубѣжища, чтобы спрятать свои хотѣнья въ лицемѣрномъ ликѣ стройности. Но—сорвалось. Не успѣли. И какъ кто побѣждалъ къ своему стволисту дому, такъ ужъ навѣки и остался. Въ той или иной ипостаси звѣриности. Въ томъ или другомъ ликѣ уродства. Съ той или этой маской хотѣнья, въ раскинутой пляскѣ тайной извращенности. И такъ ужъ пребудутъ до конца. Все же расцвѣтая въ праздникъ цвѣтеня, и принося позднѣе горькій плодъ.

Этотъ сонъ мнѣ привидѣлся въ оливковомъ лѣсу, и конечно онъ вѣщій. Но бѣжимъ отъ него къ новымъ снамъ. Еще куда-нибудь, къ новому. Прощай, Пальма. Прощай, Майорка. Я бѣгу отъ васъ. Еще послѣдній взглядъ на этотъ ласковый городъ. Я былъ счастливъ въ Пальмѣ радостью жизни, и мнѣ хочется съ нимъ переглянуться еще, переблеснуться взглядомъ. А! вотъ какъ разъ! Среди свѣжихъ цвѣтовъ, брошенныхъ на столъ въ моей комнатѣ въ минуту отъѣзда, я вижу забытый листокъ. Письмо, не отправленное къ далекому другу. Какъ оно у мѣста здѣсь среди свѣжихъ розъ. Но все же нельзя его здѣсь оставлять и дышать розами. Отправимъ его. Закрутимъ въ радужный узелъ, вплетемъ въ путевую паутинку. Лети.

«...Тебѣ очень понравилось бы здѣсь. Вотъ настоящее чадо Средиземнаго моря, этотъ островъ, и этотъ городъ.

Тутъ чувствуется все то, что мы любимъ, напримѣръ, въ Венеціи: узкія коридоры-улицы, каменные полы-мостовыя, по которымъ такъ весело стучатъ женскіе башмачки, и по которымъ такъ весело быстро идти и много ходить. Море каждый день новое, отъ стальныхъ тоновъ до неправдоподобной синевы, свѣтящей между темныхъ группъ деревьевъ, ютящихся по скаламъ, сумрачной хвои, священной хвои. Оливковыя деревья, миндальныя деревья, пальмы, бѣлыя акаціи въ цвѣту, олеандры, пламецвѣтъ, не такой радостный, какъ въ Мексикѣ, болѣе мрачный, болѣе лиловый, тонкіе, маленькіе желтые цвѣточки, имени которыхъ не знаю, платаны, пирамидальные тополя, кипарисы, туи, вязы, розовые кусты, дикій шиповникъ, дикій барбарисъ—и что еще—и что еще—не знаю, много. Когда мы сейчасъ проѣзжали въ холмы, къ замку Бельверъ, душа застывала въ восторгѣ отъ Испански-Мавританскихъ изящныхъ патіосъ, этихъ дворовъ-залъ, превращенныхъ заботливостью хозяина и ласкою Южной природы въ нѣжно-розовый или ярко-красный цвѣточный сонъ. А оранжево-нѣжныя чашечки хмѣля! «Хмѣль я, смѣющійся хмѣль». А желтый кактусъ, вмѣсто обычнаго, краснаго! Не скупится здѣсь Солнце и Воздухъ, рождаютъ они и нѣжатъ цвѣты.

«Соборъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ католическихъ храмовъ, какіе я когда-либо видѣлъ. Цвѣтныя окна—Перуанскія сновидѣнія.

«Всего лучше, конечно, все то же Море, единая моя Родина, вѣчно—живое, вѣчно—свободное, голубой символъ Вѣчности, знаменіе великихъ мистерій Мирозданія, завѣтъ достиженія самыхъ желанныхъ, самыхъ безумныхъ сновъ. Когда я стою и слушаю его плескъ, вся душа моя молится—Кому; Чему, не знаю, но только чувствую, что

есть святыня въ Мирѣ, и сердце плачетъ, и сердце любить, и сердце ждетъ»...

Балеарскіе острова.

Пальма. 1907. Май.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Чувство расы въ творчествѣ.
Малыя Зерна.
Рдяныя Звѣзды.
Рубиновыя Крылья.
Горящіе Пальцы.
Колокольчиковъ держись.
Твардовскій.
Литва.
О Жестокости.
О Врагахъ и Браждѣ.
Наше литературное Сегодня.
О книгахъ для дѣтей.
Пьяность Солнца
Бретонскія Легенды.
Съ Балеарскихъ береговъ.

